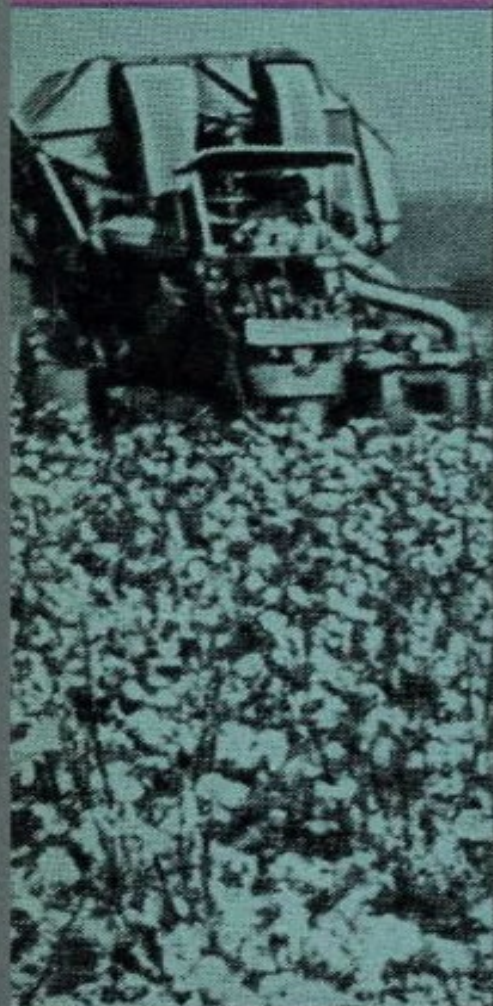

УСМАН ЮСУПОВ

Борис
Ресков,
Теннадий
Седов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга Б. Рескова и Г. Седова «Усман Юсупов» о жизни и деятельности выдающегося государственного и общественного деятеля Узбекистана Усмана Юсупова. В ней впервые собран значительный материал, характеризующий жизненный путь от батрака до секретаря ЦК партии, путь истинного большевика-ленинца, отдавшего всю свою жизнь служению партии, служению народу.

- [illegible]

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 7

(560)

Борис Ресков, Геннадий Седов

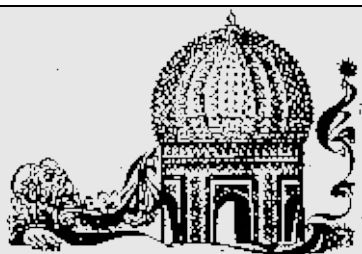
УСМАН ЮСУПОВ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

© Издательство «Молодая гвардия», 1976 г.

1

УСМАН, СЫН ЮСУФА

Если оставить по правую руку наиболее современную многоэтажную часть нынешней Ферганы, обогнуть старую русскую крепость скобелевских времен и, уклонившись от городского асфальтового шоссе, податься в сторону близких предгорий, глазам предстанет неровная, петляющая, неуловимо бегущая в виду вековых каменистых курганов, стиснутая садами и строениями старая Аувальская дорога.

Странное чувство остановившегося времени охватит путника.

С упругим, как выстрел, хлопком взлетит рядом встревоженная стайка диких голубей, мелькнет над головой кусочек эмалевого, светлой голубизны неба, машина начнет подъем, затоскует натужно, мучась на первых передачах, и — путника медленно выкатит на косогор, к окраинным домишкам небольшого кишлака.

Это Каптархона — Голубятня.

И век, и более назад был кишлак Каптархоной. Забрёдавшие в южные предгорья Ферганы кочевники, те из них, что оседали постепенно в долинах Маргиланская и Исфайрама — кипчаки, каракалпаки, курама, киргизы, — ведали: есть такой. Дворов до ста будет, а то и более того. Арык есть. Тоже зовется Каптархоной.

Нынче смысл названия этого, Голубятня, неясен даже старикам. Толкуют по-разному, неопределенно ссылаясь на обитателей местных оврагов. Голуби, мол. Много было голубей. Два оврага по соседству. Там их гнезилось видимо-невидимо. И сейчас, конечно, есть. Мало только. Вот раньше — другое дело. Раньше руками голубя поймать можно было. По ночам ловили. Спускались в овраги по лестницам, ослепляя факелами птиц. Вкусен дикий голубь («Ой-бой, джуда яхши бу каптар...»), но поймать его непросто, нет. Тут удаль нужна, отвага — в ночной овраг не

каждый полезет.

Но почему все-таки Каптархона? Голубятня? Не Голубиный овраг, например, не Тысяча голубей?

Старики чесали затылки. Бог его знает. Давнее это дело. Голубей-то этих не они, деды их ловили по оврагам. Давнее дело, разве упомнишь? Каптархона и Каптархона. Повелось уж так называть. Из-за голубей, конечно. Из-за кого же еще?

И все-таки Голубятня и впрямь существовала. Топонимы Востока никогда не бывают случайными. Академик Н. И. Вавилов в своем «Земледельческом Афганистане» пишет, что и до наших дней сохранился у крестьян-земледельцев долины Герата стародавний обычай возводить в подходящих местах своеобразные строения из сырца или камня, напоминающие степные дозорные башни, с единственной только целью — дать даровое пристанище обитающим в окрестностях колониям сизых голубей. С орнитологической благотворительностью названный обычай не имеет ничего общего. Руководствуются при этом заботами самыми земными — получить взамен драгоценнейший птичий помет, первейшее удобрение для полей.

Именно забота о скудной, утомившейся пашне была причиной того, что на беспредельных просторах земледельческой предгорной Азии вырастали там и тут звонкоголосые перенаселенные птичьи редуты, доморощенные цеха плодородия, становившиеся в унылом однообразии плоских кишлачных строений чем-то вроде архитектурного ориентира-доминанты, местной достопримечательностью наряду с мечетью, базарной площадью или мазаром — могилой святого.

Надо ли удивляться, что плодились от столетия к столетию кишлаки и аулы с наиболее разумным в подобных обстоятельствах и подходящим названием — Каптархона, Голубятня, на Вахше, в предгорьях Алая, в афганском землепашеском Туркестане...

Но голубятням Востока не суждено было стоять вечно.

Вокруг — необъятная, вполмира, — пала степь, Дешти-кипчак с живущим в ней диким племенем, называемым в Византии команам, на Руси половцами, а тут, в Азии, кипчаками. Кочевая степь не была мирной. Оттуда — волна за волною — шли в страну между Амударьей и Сырдарьей, в благодатный Мавераннахр, завоеватели.

По руслу рек, растекаясь в долинах верхоконными сотнями, двигались по чужой земле, топча посевы, орды Махмуда Газневида, караханидов, Чингисхана, Шейбанихана... Шли с мечом друг на друга, сшибались лбами местные феодалы. И неизменно на пути каждого из них,

рождая бешенство мудрой своей нужностью, вставала Голубятня.

Умирали сгоревшие, разрушенные кишлаки. Усыхала земля. Желтые пески хоронили остатки первобытной ирригации. Но затихал вдали топот косматых монгольских лошадок, лязг металла, гортанные крики кочевников, оседала пропахшая лошадиным потом пыльная завеса, упрятавшая солнечный лик, и на пепелище с одним только названием — Каптархона — являлся человек с кетменем на плече, чтобы, поплевав на ладони, приняться за единственно вемое ему занятие...

Не исключено, что именно в одной из этих голубятен-каптархон средневековыми книжниками и богословами — улемами была написана во славу хлебопашца «Рисоля-и-дехканчилик» — земледельческая рисоля, своеобразный религиозно-нравственный трактат, излагавший мифологически историю крестьянского ремесла.

В рисоле этой утверждается, что земледелие имеет за собой божественное происхождение, что первый плуг был сделан ангелом Джеббраилом из райского дерева туби, что оттуда же, из райских кущ, были вывезены и первые быки и вырезан первый хлыст из кустарника кауран; говорится в рисоле, что Джеббраил провел несколько первых борозд сам и потом передал плуг в руки первого пророка Адама (в земледельческом призвании Адама, как видите, мусульмане не расходятся с христианами), что земледелие, наконец, — лучшее из занятий человеческих, так как, предаваясь ему, человек сохраняет свою нравственность, что крестьянский труд поистине велик, ибо плодами рук земледельца кормятся и бедный, и богатый, и слабый, и сильный, и малый, и великий.

В благополучных сравнительно дворах, где еще находился грамотный, способный прочесть «Рисолю», ее непременно читали вслух по весне, перед началом полевых работ домочадцам — в благоговейной тишине, дабы прониклись святостью земледельческого промысла, постигли его сокровенный дух. Нечастые деревенские празднества: весенние «сайили», древний земледельческий Новый год — навруз, приходившийся на теплые первые денечки, — несли в себе неизменно тот же культ землепашества.

Детям кишлака (мальчикам по преимуществу) сызмальства внушалась мысль об исключительности дехканского занятия. Маленький чумазый народец (кормившийся зачастую хуже детей скотоводов-киргизов) уже сознавал превосходство своего положения над кочевниками, и лишь потому только, что отцы их имели свой клочок обрабатываемой земли.

Можно вообразить теперь себе степень нищеты, при которой потомственный дехканин из Каптархоны решился на вне всякого сомнения поступок отчаяния: отпускал старшего сына, опору и наследника, в город

на отхожий промысел (на неясную долю)... Можно представить ужас и тоску восемнадцатилетнего парня, нигде дотоле не бывавшего, кроме четверговых базаров в Шарихане, вырванного в одночасье из лона семьи, из единственно доступного ему мира кишлачной жизни, отправляемого неведомо куда и зачем — в пугающий, необъятный, вавилонский Ташкент, такой же далекий отсюда, как несказанная Мекка; уходящего в безвестность за призрачным, несуществующим счастьем — на другой день после свадьбы. Надо представить себе это, чтобы понять, какой невеселой была в зиму тысяча восемьсот девяносто четвертого года свадьба в доме деда Усмана Юсупова — Саидали.

Вернее будет сказать, не свадьба пока, а сговор. Ждут имама местной мечети, а пока родственники и ближайшие соседи, стараясь соблюдать приличествующее событию степенство, жмутся поближе к сандалу, земляному камину в полу, греют озябшие ноги, сунув их прямо к раскаленным, обжигающим стенкам, под горячее одеяло, переговариваются вполголоса, поглядывают нет-нет на Юсуфа, жениха.

Не в отца джигит. Тих, покорен, права кроткого. Рассудителен, такому б не на заработки в окаянные дали, — в медресе: ученый человек вышел бы, муддарис. Да-а, не в отца Юсуф, чего там говорить... А и хитер же Саидали; женит сводных детей. Расходов, считай, никаких, невесту выкупать не требуется, родственников ее да родителей одаривать незачем — сам себе родитель и родственник. Хитер, он хитер рябой Саидали.

Сидит на полу, у сандала, кишлачный люд, на худой кошме, на жидких одеяльцах, брошенных поверх (стеганных по-домашнему — ваты с мизинец — не засидишься на таких), о том, о сем толкует. А веселья нет как нет. И откуда ему быть-то? Ведь, глядя на этого Юсуфа, на жениха несчастного, каждый о своем подумает, о собственном чаде, которого того и гляди тоже проводишь через годок-другой за околицу: иди, мол, сокол, ищи счастья на чужбине, авось принесешь чего в хурджине-то дырявом, коли повезет... Эх-хэ-э, доля наша тяжкая... Никого, видать, нынче бедностью да худобой не удивишь.

Приходили еще люди, все больше мужчины (женщины теснились на своей половине: вход им сюда был заказан). Каждый разувался у порога, ставил аккуратно калоши в ряд у самой двери — не дай бог было поставить их в другом месте, размножились бы тотчас враги хозяина дома и одолели его в одночасье; с калошами, каждый знает, шутки плохи. Гости здоровались с присутствовавшими, поздравляли — обычай, ничего не поделаешь, — жениха. Он отвечал вяло, был тих, задумчив. Смотрел украдкой в угол, где, скрытая от глаз посторонних занавесками, сидела

Айимнисо.

(Не мог представить ее женой, хоть убей. Помнил всю жизнь голопузую сестренку, шуструю, как мышь, глазастую — отец после смерти матушки привел в дом новую жену, вдову, откуда-то из маргиланских кишлаков, — с ней была девочка двух или трех лет от роду, он заботился о ней, лепил глиняных зверюшек, защищал на улице. Она вырастала незаметно, у него на глазах, училась шитью, очистке хлопка и пряжи, стала заплетать косы в несколько мелких косичек, уже не носила тюбетейки, а, как взрослая женщина, повязывала голову платком, красила брови зеленой сурьмой, чтоб срастались на переносице, начала вдруг смешно картавить, разговаривая со старшими, — его это смешило, он задирает ее, дразнит: «Эй, Айимджан: не замуж собралась?» А на поверку вышло: и вправду замуж. За него, сводного...

«Женишься, — решил отец, — а там иди на заработки. Вернешься — жена ждать будет...»)

Имам все запаздывал — отпускал на другом конце кишлака грехи отходившему к лучшим мир брату верхнего бая, Мирзакарима. Торопиться ему на сговор было не с руки: первый кусок ожидался пожирнее второго.

Впрочем, все, что он собирался предпринять, соединяя в браке будущих родителей Юсупова, весь ритуал его священнодействия был известен заранее, будучи изложенным в многотомном комментарии к главной книге мусульман — Корану, так называемом шариате (буквально — «прямой путь»), в котором есть специальный раздел, касающийся бракосочетания, и отойти от которого хоть на волосинку, внести отсебятину мог только совершенно лишившийся рассудка пастырь...

Итак, вот они, главы, имеющие прямое отношение к нашему случаю.

Брак завершается иджабом (предложение) и кабулом (согласие), которые должны быть выражены в глагольной форме прошедшего времени (например: «Вышла ли ты за него замуж?» — «Вышла»).

Оба брачующиеся должны взаимно слышать выражение иджаба и кабула.

При произнесении иджаба и кабула должны присутствовать два свидетеля: свободные (не рабы) мужчины или один свободный мужчина и две свободные женщины.

Свидетелями должны быть совершеннолетние мусульмане, обладающие здравым рассудком.

Свидетели должны слышать произнесение иджаба и кабула одновременно.

Во время заключения брака вместо одного из брачующихся может

присутствовать доверенное лицо.

Спрашивая у девушки о ее согласии на брак, ей обязательно должны сообщить имя жениха, а количество условленного мэхра^[1] может быть и не сообщено.

Когда отец спрашивает совершеннолетнюю, раньше не вступавшую в брак, о ее согласии на вступление в данное супружество, то за выражение ее согласия могут быть приняты: молчание, улыбка или же тихий плач без крика.

Если о согласии на брак у девушки спрашивает не отец, а кто-либо из родственников или посторонних, то согласие должно быть выражено словами...

Провожали новобрачного утром всей семьей до старой Аувальской дороги. Простились сдержанно, как предписывал обычай, припав на мгновение друг к другу и разом отпустив. Жены среди провожавших не было — шариат подобных вольностей не допускал. (Дома, уже ухватив дорожную суму, глянул Юсуфали на сжавшуюся у стены фигурку, не выдержал, подошел, положил руку на худенькое плечо: «Ну, Айим...» Чуть не сорвалось следом: «Сестренка...» — удержался в последний миг.)

Шел и думал дорогой: а кем же она еще была ему в то утро, как не маленькой, плачущей, обиженной сестренкой...

Вернулся он из скитаний не скоро, годы прошли, не месяцы. С худым хурджином пришел, как и уходил. Дома, в Голубятне, ждала его жившая на правах снохи Айимнисо, жена шестнадцати с лишком лет. А в следующем году, в марте, под самый мусульманский Новый год у них родился первенец, мальчишка, нареченный Усманом.

В описываемые времена в Средней Азии пользовались мусульманским лунным календарем. Он короче солнечного. Эра мусульманская тоже иная, нежели у европейцев. Название ее «хиджра» («откочевка» — с арабского) связано с переселением в 622 году пророка Мухаммеда и первых мусульман из Мекки в Медину.

По этому календарю, введенному некогда по повелению халифа Омара в странах, исповадовавших ислам, герой наш родился где-то между 1317 и 1318 годами.

Впрочем, кто в Каптархоне-то нашей, какой грамотей, кроме разве что упоминавшегося уже хитроумного имама, разбирался в тонкостях летосчисления, тем более — пользовался им. Землепашцу важнее было знать не когда откочевал в Медину первый пророк, а на какие периоды

времени (их запоминали, отмечали в памяти) падает вдруг засуха на богарных неполивных адырах, когда родится лучше, а когда хуже клевер, в какой период вероятнее всего в горах неостанет снега, а значит, и воды в арыке летом, когда ждать наводнений, а когда саранчи. У деревенских был в ходу свой, бытовой календарь, деливший время на шестидесятилетние циклы, а последние на периоды — числом двенадцать, каждый из которых носил название животного — мышь, корова, тигр, заяц, змея, лошадь, овца, обезьяна, курица, собака, свинья, и год, соответственно, под этими кличками как бы имел свою физиономию, свои норы, свои условно зафиксированные достоинства и недостатки.

И спрашивали потому люди, знакомясь, не «Сколько вам лет?», а «Какой ваш год?», то есть как называется год, в котором вы родились; и, услышав, цокали языком, если был он неудачным, и цокали же вдвое интенсивнее, если собеседнику с годом повезло.

Год Усмана — год мыши («обещающий добрые всходы на пашне и в душе человеческой...»). Бога ради, не думайте, что все это малокасаемо к судьбе героя книги. Отныне, родившись, с первым своим криком, новоявленный мусульманин будет жить под знаком исламской религиозной догмы, а равно (и вследствие этого) под гнетом исламских бесчисленных суеверий, ибо последние неизменно и кровно сосуществуют с религией, кормя ее и кормясь ею.

Ребенка положат в люльку (бешик), обвязав двумя широкими бинтами, не раньше и не позже, как через шесть-семь дней после рождения (не приведи господь кому-нибудь из несмышленных домочадцев вздумать покачать бешик без младенца — крик поднимется ужасный: в этом случае — есть точная примета — ребенок обязательно умрет). Мальчика искупают первый раз на двенадцатый — ни часом раньше! — день. А вот в таджикских селениях (к ним частично — исторически — относится и наша Каптархона) прибегнут в этом случае к невинной хитрости — выкупают мальчугана, предварительно намазав ему лицо и голову кислым молоком, двумя днями раньше, твердо уже надеясь, что, когда подойдет время его женить, за невесту придется отдать меньший выкуп. Девочку, соответственно, по той же самой причине искупают на двадцать второй день, то есть на два дня позже, чтобы она-то уж к свадьбе получила от жениха выкуп побольше.

В день первого привязывания к бешику младенец получит первую свою рубашку, которая неизменно — так повелевает обычай — оставляется последующему ребенку. Тогда же, одетого в сорочку, нарекут его наконец именем — Юлдашем, если родился в пути, Тохтой (останься, не уходи),

если у роженицы умирали предшествующие дети, Пулатом (сталь), чтобы не сломила жизнь.

И все-таки, когда мальчуган подрастет настолько, что вдруг задумается о своем происхождении и, улучив минуту, осведомится у матери, когда же он родился, ответ по преимуществу будет следующим: «В год, когда был хороший урюк...», или: «Когда умер дядя Исмаил, да будет почитаема память его...», или: «После большой воды, когда снесло запруду в нижнем кишлаке...»

Усману скорее всего ответили: «В навруз, за два года до большого землетрясения...» Ибо раз март, то, конечно же, навруз, любимейший праздник, а раз тысяча девятисотый (дата эта теперь известна), то наверняка привязан он к событию, потрясшему тогда умы ферганцев, надолго оставившему след в народной памяти: разрушительному андижанскому землетрясению тысяча девятьсот второго года, унесшему четыре тысячи жизней.

В 1887 году, всего лишь год спустя после того, как под ударами русских царских войск развалилось шаткое Кокандское ханство и завершилось, таким образом, начатое со взятия Ташкента прямое военное завоевание царизмом Туркестана, офицер одного из расквартированных в Ферганском оазисе полков Владимир Наливкин подал неожиданный, рапорт об отставке. Получив оную, он не отбыл, как того ожидали, в далекую отсюда матушку Россию, к родимым дубравам, а остался на жительство тут, в краю диком и малопонятном, более того, выбрал самым странным образом в качестве места обитания глухой кишлак Нанай близ Намангана, где и поселился с женой и двумя малолетними детьми как простой туземец: пахал землю, растил ячмень и джугару и, как говорили, с примерным старанием изучал быт и нравы тамошних аборигенов — таджиков и узбеков, имея в этом своем увлечении прилежнейшей помощницей жену Марью Владимировну.

После некоторой растерянности и пересудов в офицерском собрании чудака Наливкина оставили в покое. Сошлись на том, что — черт возьми, господ! — это в конце концов в характере русского человека, выкинуть такого ферта, чтоб чертям, как говорится...

А Наливкин между тем в добровольном своем изгнании не терял времени даром. Изучены досконально местные говоры... Совместно с женой составлен и издан «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда ханства». Вышел «Очерк быта женщины

оседлого туземного населения Ферганы». Написана «Краткая история Кокандского ханства». Вчерашним офицером открыт для любознательного демократического читателя целый пласт народной жизни, сокрытый дотоле от постороннего взгляда крепостной стеной национальной и религиозной отчужденности.

Неутомимый Наливкин преподает в первых русско-туземных школах, читает курс местных языков в Ташкентской учительской семинарии, выпускает учебники, пособия, всячески содействует делу народного просвещения в крае^[2].

Каким бы предстал перед Наливкиными в пору их нанайского подвижничества юный Усман? Кем он был тогда, мусульманский мальчишка, живущий в бедняцкой части Каптархоны?

Пусть не покажется это странным, утверждают Наливкины, но особенно душевное отношение к детям мы встретим именно в семьях неимущих, перебивающихся с лепешки на жидкий чай. Едва ребенок начнет понимать речь, он делается участником разговоров, ведущихся взрослыми. От него не скрывают решительно ничего, говорят обо всем и обо всех, все называя своими именами. Детей откровенно балуют, делают им всевозможные поблажки, сквозь пальцы глядят на проказы. И тут своя философия, свой, если хотите, бедняцкий кодекс поведения. У богатых людей, рассуждают безземельные, безлошадные, часто бездомные, есть земля, сады, лошади, бараны, ко всему этому они привязаны не меньше, чем к семьям своим и чадам... А бедняку только и остается богатства, что дети.

И маленький Усман слушает. Первое, что он постигает очевидно. — они бедны. Только одетые в разноцветное тряпье странствующие длинноколпачные монахи-каляндары, проходящие иногда через кишлак, наверное, беднее их. А может, нет. Каляндары всегда веселы, всегда возле них смех, и шутки, и веселье, а в доме редко когда смеются, говорят все время о долгах, о еде, о дровах, об обуви... Иногда он просыпается в потемках от детского плача и видит: мать качает возле себя в колыбельке маленькую сестренку Назиру, говорит с ней быстрым шепотом, успокаивает, кормит грудью. Он вдруг думает: очень хочется есть... И засыпает. Есть ему хочется постоянно, даже ночами, даже во сне. Но он никогда не подаст об этом и виду, не заикнется тем более. Ибо нет большего стыда, чем это. Так он воспитан, так принято у мусульман.

Невесело дома. То ли дело улица. Тут озорная возня с друзьями в теплой, уютной, как пух, пыли, шумные игры в бабки, в камешки, в прятки, в пускание змея или в «белый тополь». А то вдруг пожалуют верхние

мальчишки из верхней Каптархоны, явятся ватагой, начнут по обыкновению задираться, надо встретить их как следует. не струсить, главное — забросать комками сухой глины, пылью, заставить бежать с позором и — гнать, гнать наверх, до самой мечети, дразнясь и улюлюкая им вслед.

Лобастый, стриженный Усман обычно останавливался первым, говорил, трудно справляясь с дыханием: «Хватит... пошли назад».

Он не любил верхнего кишлака, как не любили его все нижнекаптархонские мальчишки. А чего, спрашивается, в нем хорошего? Мечеть одна — и все. Тамошние пацаны только из-за дувалов храбрецы орать — в чистое поле, на честную битву их халвой не выманишь. Взрослые сверху — не лучше: вор на воре. Воду летом и осенью воруют у нижних дехкан. Арык-то один на всех, на верхних и на нижних. Вот они и пользуются, потому что сидят наверху, в голове арыка, воруют воду... Взрослые постоянно ругаются из-за воды, ходят — верхние к нижним, нижние к верхним — узнавать: кто кого на этот раз надул с водой. До кетменей, бывало, дело доходит, до крови, до убийства смертного...

Мальчишки не торопясь возвращаются на прежнее свое насиженное место. Обсуждают с азартом: как они этих-то, верхних крикунов... Пусть еще сунутся только, ворюги... Идут босые, потные, грязные как черти, довольные. Увидели переходящих дорогу с тяжелой поклажей, ровно покачивающихся на ходу верблюдов, закричали разом:

— Верблюды, верблюды!

— Горькие верблюды!

Долго смотрели вслед маленькому удалявшемуся каравану.

Усман вдруг вспомнил прошлогодний базар в Алтыарыке, тоже звеневший колокольцами верблюдов, оравший ослиными трубными голосами, бурливший как пестротканое сказочное море — из бабушкиных историй. Будто наяву, услышал он острый запах кунжутного масла, на котором тут же, на базаре, приготавливались удивительные разные снеди — пальчики оближешь, услышал гул торгующегося люда, стук кузнечных молотков, ржание коней. Удивительный был это мир — лавки, лавчонки из дранок и камыша, навесы из камышовых плетенок на тоненьких подпорках из таловых жердей. Тут работали и торговали одновременно кузнецы, шорники, седельники, портные, серебряники, медники. Вперемежку с ними — касабы (мясники) и бакалы (мелочные лавочники), продающие мясо, дыни, морковь, перец, лук, масло, рис, табак. Вот лавочки с книгами. Рядом варят и продают пельмени и пирожки. Там выделывают шубы. Вон кудунгар толстой карагачевой колотушкой отбивает яркий, с замысловатым

узором атлас. А неподалеку мадда, весь в поту, с вытаращенными глазами, размахивая руками и бия себя в грудь, ходит большими шагами взад и вперед и не своим голосом выкрикивает биографию какого-то мусульманского святого. Вдоль узенькой улочки — целый ряд лавчонок с войлоками, волосяными арканами, шерстяными мешками. Бежит по ней продавец халвы, орет во все горло: «Щакар-дак!» («Как сахар!»), а в ответ ему с другого конца доносится: «Муз-дак! Шербет!» («Шербет! Холодным как лед!»).

Сколько богатства вокруг, сколько вкусных вещей — и все не для них, не по их карману...

Они вернулись тогда домой ни с чем. Везли на обмен с десятков мотков хлопковой пряжи, бутыль масла, детские, расшитые матушкиной рукой нарядные тюбетейки. Думали разжиться немного зерном, да не вышло.

Вспомнилось Усману злое отчаяние отца, торговавшего мешок джугары у худого, как жердь, алтыарыкского крестьянина. Не сошлись на какой-то мелочи — алтыарыкец уперся как бык, стоял на своем. Так и уехали, не купив зерна.

Дома говорили с тревогой, недоумевая: каждый год дорожает на базарах зерно. Люди точно сбесились: все сеют хлопок — за него больше платят. Ячменя, пшеницы, джугары на поливных землях становится все меньше. Русский начальник, наезжавший из Нового Маргилана, арык-аксакал — главный человек на арыке, распределявший воду между кишлачными, оба каптархонских бая — нижний и верхний — все твердят одно: хлопок, хлопок. Поистине мир сошел с ума.

Откуда было знать правоверным мусульманам из нищего кишлака Каптархона и тому прижимистому алтыарыкскому дехканину, не уступившему отцу Усмана нескольких жалких таньга на базаре за джугару, что волею исторических судеб все они вовлечены отныне в глобальную мировую экономику, отмеченную с началом шестидесятых годов девятнадцатого века резким спросом на азиатский хлопок.

Вожделенное хлопковое волокно занимало в ряду многих причин военно-политического, экономического и внешнеполитического характера, обусловивших прямую колонизацию царизмом местных феодальных ханств, не последнее место.

Гражданская война на Североамериканском континенте принесла с собой ослабление тамошнего хлопкового экспорта. Залихорадило русскую хлопчатобумажную промышленность, питавшуюся преимущественно заокеанским волокном. Сырьевой голод стоял у ворот текстильных

производств. О «надобности в бухарской бумаге», о «таинственном, но непреодолимом тяготении России к Востоку», о невозможности «строго миролюбивой политики при соприкосновении с племенами полудикими» заговорила с подозрительным единодушием российская разношерстная печать — от либерального «Голоса» до консервативных «Московских ведомостей».

Ввоз туркестанского хлопка в пределы Российской империи увеличивался многократно. Цена его к 1864 году по сравнению с 1860-м поднялась и пять раз.

Русский фабрикант-миллионер с лихорадочностью утопляемого подталкивал колеблющееся правительство на экспансию в Азии: у него горели барыши.

Вот небольшая справка. В 1890 году под хлопком в Туркестане лежало 50 тысяч десятин земли, в 1895-м — 110 тысяч, в 1901-м — 210 тысяч, в 1911-м — 267 тысяч десятин. К 1900 году среднеазиатский хлопок обеспечивал уже четвертую часть потребности текстильной промышленности, а к началу первой мировой войны — половину этой потребности.

Надо ли удивляться, что при подобной беспроницательной, в сущности, игре российский финансовый капитал и в первую голову его высочество Русско-Азиатский банк щедро субсидировали возникавшие там и тут туркестанские заготовительные и торгующие хлопковые фирмы, а те, в свою очередь, более мелких жучков, непосредственно уже, лицом к лицу, что называется, обиравших по осени мелкого производителя, держа его круглый год на жалком пайке нищенского жульнического кредита.

Так, через множество приводных ремней колонизаторской машины доходила воля «мануфактурной империи» до полуголодной, лишившейся значительной доли своего зерна Каптархоны. И, окончательно запутавшись в малопонятном ему мире рыночной, товарной конъюнктуры, положившись целиком на волю всевышнего (иначе говоря, на все махнув рукой), запахивал Юсуфали последний свои незаложенный клочок глиноземного клинышка под хлопок, надеясь в душе, подобно остальным, что, может, и вправду принесут три-четыре мешка осенней ваты немного денег в дом...

Замкнут, нелюдим в думах своих о хлебе насущном древний кишлак. Где-то за перевалами, в далях неоглядных разрывается от противоречий, гудит набатом растревоженный беспредельный мир... Царь расстрелял в Петербурге безоружных рабочих... В Ташкенте, Перовске, Кизил-Арвате боевые рабочие дружины закупают револьверы, изготавливают самодельные

бомбы. По примеру черноморского «Потемкина» восстали солдаты резервного батальона и артиллерийского склада ташкентской крепости... Мир бурлит, обливается кровью, идет на баррикады.

...Но это где-то там, на другой планете. Тут, в Каптархоне, как сто, как тысячу лет назад, как во времена старца Ноя, оседает к вечеру оранжево-невесомая пыль, поднятая арбами на Аувальской дороге, садится за верхний кишлак солнце, дым кизячный висит над остывающими дворишками, плывет — слоисто, медленно — над полуосвещенными крышами, цепляясь за кроны деревьев, истаявая незаметно, мешаясь с синими сумерками...

Но жестоко ошибется тот, кто примет за подлинную суть Голубятни начала двадцатого века эту приземленную сцепку из «Сказок тысячи и одной ночи».

С каким смятением и надеждой ждал ту весну и лето за ней (и осень недалёкую) Юсуфали, сколько молитв вознес лоскутному полю! Думал, пугаясь собственной смелости: пудов бы пятнадцать сложить на хирман и — прощай нужда, опостылевшая жизнь в долг.

Рассчитался б сполна с кровососом Абдурахманом, мяснику бы задолженное вернул — глядишь, еще б осталось чего в пояском платке. Быка бы купил, в пару к своему — с двумя бы он развернулся!.. Хозяйство поднял. Усмана б, старшего, в мечеть отдал к имаму — учиться. Да мало ли чего?..

В кулак зажал волю Юсуфали. Взял в аренду, на началах музара-ат — товарищества — добрый кусок земли у Абдурахмана (в последний раз, конечно). Получил хозяйский инвентарь, семян посевных десятков пригоршней, продовольствия в долг все за четвертую часть ожидаемого урожая: Абдурахману — три четверти, ему — остальное. Все на законном основании, буква в букву по шариату: «Музара-ат есть вид товарищества, в котором один из товарищей приносит свою землю, а другой — свой труд» (умели, дьяволы, и три шкуры драть с ближнего, и выражаться красиво).

Пустой оказалась затея. В полуторастраничной своей биографии Юсупов пишет: «...С семилетнего возраста начал работать с отцом у баев...» Более точное указание находим в регистрационной бланке члена КПСС (партбилет № 05953935): «...Март 1908 — ноябрь 1910: кишлак Каптархона Алтыарыкской волости Ферганской области. Батрак. Вакуфная (церковная) земля».

Ясно как божий день: не принесла хлопковая запашка отчаявшемуся Юсуфали ни ваты, ни денег. От хорошей жизни не отдадут семилетних сыновей в батраки, да еще в мечеть, куда учеником мечтал недавно

пристроить первенца.

Кончилось короткое Усманово розовое детство.

— Браво, браво, вы прекрасный садовод, господня Мартыненко! Позвольте полюбопытствовать, кто творец сей гениальной ирригации?

— А-а, местные тут одни. Сезонники. Работают у меня с весны. Ничего, стараются. Что, действительно неплохо?

— Не неплохо, а, уверяю вас, гениально! Система чигирей, плотника эта хворостяная... Преотличнейшая работа. Не перестаю удивляться землеустроительному искусству этого народа.

Хозяин сада, начальник горчаковской багажной конторы Мартыненко, притворно зевнул в ответ:

— А бог его знает — выше ли, ниже, господни Синявский. Я в этих земледельческих тонкостях, между нами, не очень... На дороге дел хватает. Сад этот, можно сказать, для отдохновения души.

Гость, моложавый, смахивающий на земца-либерала, заведующий областной ирригацией Ферганы Клавдий Никанорович Синявский, щурился иронически, глядя ему в переносицу. «Как же, как же, — думал он, — знаем мы вас, жан-жак руссов. Вы из этого отдохновения небось четыре тысячи ежегодно дерете со скобелевского гарнизона за абрикосы и виноград». Он понимал: увлек его Мартыненко к себе буквально с вагонной подножки неспроста. Наверняка затеет разговор насчет землицы — где бы ухватить подешевле. Делец, каких поискать.

Вслух он сказал:

— Мне пора, наверное...

— Э нет, без чая я вас не отпущу! — Мартыненко цепко ухватил его за талию, тянул к деревянной верандочке, увитой виноградной молодой лозой. — Вон и накрыто уже. С дорожки рюмочку, знаете ли... на свежем воздухе.

Отвязаться от него не было сил. Впрочем, отвязжись он тогда, упустил бы случай, о котором потом, спустя много лет, рассказывал всегда охотно, как о ярчайшем примере неисповедимой странности человеческих судеб.

После неизбежной рюмки, самовара и последовавшего затем знаменитого в Горчакове и по всей Ферганской дороге мартыненкоовского пирога с сомятиной оба потянулись к портсигарам, и тогда-то вот, как вспоминал не раз впоследствии Клавдий Никанорович, скрипнула рядом садовая калитка и по дорожке прошли, кланяясь издали хозяину, рабочие: высокий худой узбек в распахнутой на груди нательной рубахе, а с ним стриженный наголо подросток с изрытым мелкими оспинками лицом.

— Вот, кстати, ваши ирригаторы, — сказал Мартыненко. Его заметно

клонило в сон.

Синявский сбежал энергично по ступенькам, поздоровался: с садовником за руку, осведомился, как того требовал обычай, про дела, семью, протянул ладонь мальчишке, спросил, как зовут.

— Усмани, — ответил тот охотно.

На Синявского глядели без страха живые, пытливые глаза. Был мальчишка бос, в латаном-перелатаном чапанчике, потерявшем окраску, и по тому, как уверенно держал он в руках кетмень, как достойно назвал себя русскому, известному широко в этих краях по многочисленным поездкам в бедственные водой места, понял Клавдий Никанорович его равное с отцом положение семейного кормильца.

«Мужичок с ноготок», — подумал он тогда. Мог ли предположить в тысяча девятьсот пятнадцатом году инженер-гидротехник Синявский, что под руководством этого батрачка осуществится через четверть века цель его жизни — орошение посредством самотечного канала Учкурганской степи, что ему, мужичку с ноготок, подарит он с благодарственной надписью редчайшую к тому времени брошюрку «К вопросу об искусственном орошении свободных земель в Ферганской области», которую в годы написания сочли плодом досужих упражнений фантазера, что именем пацана, стоявшего сейчас перед ним, опираясь на кетмень, назовут канал, построенный на основе идеи Синявского, что сам он, почти старик, возглавит один из участков строительства, а по окончании станет главным инженером по эксплуатации Большого Ферганского, что мальчишка, первый секретарь ЦК Компартии республики, вспомнит однажды день, когда он поздоровался с ним и отцом за руку?..

Уезжая, видел с сиденья двуколки: батраки, отец и сын, ритмично взмахивая над головой кетменями, копали в конце сада арык.

...Зимой Мартыненко прогнал их: не было резона кормить без работы. Была и иная причина. На рынке в Маргилане знакомый торговец шепнул таясь: мол, беглых держит русский таксыр в работниках — сбежала семейка эта каптархонская от бая Халиламина, у которого прошлый год батрачила. Должок за ними был изрядный, а баю дочка приглянулась, и он рассудил по чести: отдадут девчонку — долг простит, не отдадут — в долговой тюрьме сгноит. Они и сбежали к русскому начальнику, попробуй достань их. Будь на место господина Мартыненко кто другой из местных, не уйти бы голодранцам от Халиламина. В гневе великом бай.

Вряд ли подобное могло поправиться начальнику станционной багажной конторы. Оно, положим, маргиланский бай для него, колониального чиновника, был не указ, но, с другой стороны, зачем было

портить отношения с местной знатью? Да этих, которые работу ищут по экономиям за корм и крышу, пруд пруди.

Ничего не оставалось отцу, как уйти навсегда из родных мест, где кружили без малого десять последних лет в батрацкой упряжке — сначала у каптархонского муллы, потом у русских кулаков-садоводов соседней Муянской волости, а там и у сластолюбца Халиламина.

Заколотили дом. Скарб немудреный взвалили на вола — единственное богатство, не отобранное за долги. Отец сходил ненадолго в верхний кишлак, в мечеть — попросить у аллаха заступничества перед новым скитанием. Вышли под скупым солнышком на старую Аувальскую дорогу, обернулись на миг. Сквозь редкие ветки тала просвечивали, громоздясь одна над другой, плоские крыши Каптархоны (не мог, вероятно, не вспомнить в те мгновения Юсуфали свой первый отроческий уход из дома — после женитьбы. Шел ведь и теперь с семьей в Ташкент — больше было покуда: Халиламин обещал со света сжить, коли попадутся)...

В самый теперь раз задуматься о причине странного по тому времени поступка Юсуфали. Не о бегстве из Голубятни речь — это следствие, — а о решительном противодействии намерениям Халиламина, богатейшего в Маргиланском уезде бая.

Почему он так поступил?

Шел в ту пору Назире двенадцатый год — возраст для мусульманки самый что ни на есть свадебный. Породнись он тогда с Халиламином, и дом родной наверняка не надо было бы покидать, и долги бы ему простили, и подбросил бы, надо думать, всесильный зять какую-нибудь малость худоронным родственникам.

И в не столь стесненных обстоятельствах продавали дочерей — не по жадности и не из-за жестокости — по писаным и неписаным законам века, почитавшего женщину Востока за не стоящую дорогой платы вещь. Чего же он-то противился, отчего, рискуя многим, встал поперек дороги семидесятилетнему Халиламину, пожелавшему взять в дом третью жену?

На вопрос, зачем он это сделал, никто сейчас не ответит с исчерпывающей полнотой. Просто самый факт этот следует отметить читающим биографию Юсупова — потому хотя бы, что был Усман сыном своего странноватого, как находили многие, отца, и то, как видел и понимал Юсуфали мир, не могло пройти бесследно для детей, никак не затронув их души и сердца.

Не близкой была дорога к Ташкенту. Дней двадцать, а то и более

воловьего ходу. Прямохонько по тем местам, где пройдет в будущем знаменитый канал. В виду насыпи с железнодорожными рельсами, по которой раз в сутки катит пыхтящая паром, грохочущая машина — каково ее видеть кишлачному оборвышу, для кого рессорный фаэтон аувальского урядника казался чудом техники!

Встал на пути ослепительной картинкой сытой жизни торговый шумный Коканд. Каменные многоэтажные дома вычурной кладки на Розенбаховском проспекте. Чиновный люд, торопящийся по делам. Дамы под зонтиками, бесстыдно смеющиеся, с открытыми лицами (как, должно быть, смятенно, с ужасом смотрели на них из-под черных сеток чачвана мать и сестра Усмана!)...

Коканд... Центр хлопчатобумажной промышленности. Сто двадцать тысяч жителей. Здесь конторы почти всех крупных российских мануфактурных фирм, биржевой комитет — одни на весь Туркестанский край. Со второй половины июля в город съезжаются представители фабрик для закупки хлопчатника. Сделки совершаются на многие миллионы. Банки завалены работой...

Краем глаза дано было увидеть каптархонским скитальцам купчий барышеский пир во время чумы — в разгар империалистической бойни в Европе, за двадцать месяцев до исторического ленинского обращения «К гражданам России!», в канун нового, неведомого им в ту пору мира.

Котомка со съестным у них тогда уже опустела, вещичек поубавилось: меняли в пути на хлеб. Отец пробовал на кокандском базаре торговать вола — охотников не оказалось: тощ был и стар. Пришлось побираться по кишлакам. При виде строений отец с матерью забирали в сторону, обходили жилье краем, гоня хворостиной вала, а Усман с сестренкой и пятилетним Исаном шли напрямик, стучались в глухие калитки.

Попрошайничество в Средней Азии (кроме обрядового, наподобие украинских коляд) — глубоко постыдное занятие. Видать, тяжело пришлось, коли Юсуфали с его обостренным чувством человеческого достоинства решился на такое.

С волом все-таки пришлось распрощаться. В Ходженте нечем оказалось платить владельцу парома за переезд на ту сторону Сырдарьи. Он же и купил вола. Отдали животину за полцены, не торгуясь: паромщик грозился вообще не везти. На правый берег, откуда начиналось Сырдарьинское губернаторство, вышел Юсуфали уже истинным пролетарием — без кола, двора и вола.

В Ташкенте чайханщик, у которого служил когда-то Юсуфали и на которого он единственно надеялся, разорился — сидел теперь в маленькой

скобяной лавчонке на Бешагаче, клял подлого конкурента, оттягавшего чайхану. Помочь он им был не в состоянии.

Круг замкнулся. Юсуфали был на грани отчаяния. Выручил в последнюю минуту случай. На оставшиеся медяки устроились переночевать в караван-сараяе и там встретили земляка из Ауваля, с кем когда-то работали один сезон на барщине у Святой горы под Муяном. Он и посоветовал — идти, мол, надо в Каунчи, что в тридцати верстах отсюда, там немало сейчас сезонников работает по богатым садам, и хлопковый завод там, и Кауфманская железная станция стоит под боком — какое ни есть дело в Каунчи обязательно найдется...

Ни свет ни заря они уже шли — откуда и силы взялись! Босые ноги мягко тонули по самые щиколотки в прохладной пыли. Шагать было радостно — надеялись, что наступит конец скитаниям. В то же безмятежное утро 21 июля тысяча девятьсот шестнадцатого года, обогнав их на несколько часов (они могли видеть поезд с Самаркандского большака, по которому шли), двигался спешно к станции Кауфманская и соседнему кишлаку Каунчи карательный отряд для пресечения беспорядков среди местного населения и сезонных рабочих маслодельного и хлопкоочистительного заводов.

Из тихого каптархонского податливого захолустья, не подозревая о том, шли Юсуповы в самое пекло предоктябрьских классовых битв в Туркестане.

Государю императору благоугодно было в 25-й день июня 1916 года высочайше соизволить «о привлечении инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ».

Царский указ застал их еще дома. Страху тогда натерпелась — возраст Юсуфали подпадал под призыв. Пронесло, однако: соседа-киргиза забрали, его оставили.

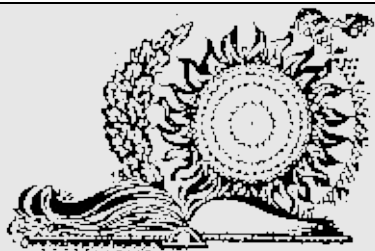
Паника, толчая царили немыслимые. Пришло вслед за указом распоряжение из Петрограда, дающее властям право «полного освобождения некоторых инородцев от реквизиции по должности, роду занятия и образованию». Дальше — больше: официально разрешили освобождать от набора за выкуп... Пошли в ход кошельки, мзда неприкрытая. Козлом отпущения оказался неимущий.

Царский указ о мобилизации, явившийся в тяжкий, неурожайный для Туркестана шестнадцатый год, стал искрой для давно созревшего взрыва.

Любопытно, что странствие Юсуповых шло как бы по амплитуде нарастания событий. Они прошли в Старый Маргилан в те дни, когда доведенная до отчаяния беднота восстала. А тремя-четырьмя днями позже они были свидетелями столкновения в Коканде.

Наконец они добираются до Ходжента. Города, положившего начало восстанию. Главные события в Ходженте разыгрались 4 июля. Спустя неделю сюда прибывает самаркандский военный губернатор Лыкошин, который отмечает тревожное и напряженное состояние умов населения: «Меня слушали внимательно, но толпа стояла с мрачными лицами и хранила жуткое молчание».

Не исключено, что Лыкошина на площади слышали и Юсуповы. Пусть даже были они тут одним или двумя днями позже (или раньше), пусть, гонимые, озабоченные неясным своим будущим, они не приняли в событиях активного участия, — в любом случае не могла не коснуться их атмосфера широкого народного выступления против тирании. Десятилетие батрачества чему-то должно было их научить даже в терпеливой Голубятне.

2

НАЧАЛО

Генерал Алексей Николаевич Куропаткин, по недомыслию и упрямству которого еще на сопках Маньчжурии погибла не одна тысяча русских мужиков, командуя в новой войне северным фронтом, уложил еще несколько дивизий, бросив их голой грудью на немецкие пулеметы и пушки, а затем был всемилостивейше направлен в Туркестан командовать здешним сугубо тыловым военным округом. Предполагалось, что генералу, годы которого близились к семидесяти, ныне обеспечена покойная старость. Судьба, однако, с завидным постоянством ухмылялась неудачнику в золотых эполетах, царское расположение к которому оставалось, впрочем, всегда неизменно. Именно Туркестан в 1916 году оказался самой «горячей точкой» внутри Российской империи.

Помимо пренебрежения здравым смыслом, отличался искони Алексей Николаевич еще и железной прямолинейностью. Она-то и понуждала русские полки наступать не в обход вражеских позиций, а штурмовать их в лоб, по открытому полю, где каждая сажень была тщательно пристреляна педантичными германскими артиллеристами. Ныне Куропаткин, неизменно верный себе, принял все такое же лежащее на поверхности решение: туземное население бунтует — следовательно, надо предпринять карательные меры.

Приказ применять оружие был отдай, но опять-таки, к чести русских солдат и офицеров, далеко не всегда он выполнялся буквально.

Против крупных же очагов восстания, прежде всего на Джизак, были брошены казачьи части.

Кулацкие сынки в заломленных фуражках точно так же, как на ивановских рабочих или на украинских селян, подняли нагайки на жителей Джизака.

Кое-кто обрадовался этой буре, и не в ставке Куропаткина, а в среде

узбекской знати и духовенства. Много было положено усилий на то, чтобы возмущение направить против русских вообще. Но не вышло. Ценой жертв, как это нередко случается в многострадальной истории, народ уплатил за драгоценный опыт; самые темные и те пришли к пониманию извечной истины: все богачи — из единого племени. Позднейшие исследователи, и ученые и писатели, до сих пор постоянно обращающиеся к странице, которая в новой истории народа приметна столь же печально, как в российской — 9 января 1905 года, все более убедительно обосновывают главный вывод: восстание 1916 года было вызвано не самим фактом привлечения на тыловые работы туркестанцев, которым действительно не было никакого дела до войны, затеянной царем, а тем, с тупой откровенностью утвержденным в царском указе обстоятельством, что в далекие края отправляли, отрывали от семей только трудящихся, только неимущих.

«Выходит, бедняк Хамро должен бросать на произвол судьбы дом и детишек, а бай Турсунходжа будет по-прежнему булькать кальяном, возлежа на коврах?» — вот мысль, которая так или иначе повторялась десятками тысяч батраков и чайрикеров-издольщиков.

«Пускай толстопузые идут! Им от белого царя все блага и милости. Пусть сами и защищают его!» — в разных вариантах звучало над толпой в Коканде, Пскенте, в многострадальном Джизаке, в каждом селении.

Нет, ни мусульманским гапонам, ни более просвещенным джадидам, мечтающим о турецких объятиях, не удалось загрести жар чужими руками, поднять дехкан на газават — освященную исламом войну против неверных. У дехкан, которых грузили в скотские вагоны, чтоб увезти на запад, у отцов и жен, выплакавших глаза, сердца полнились ненавистью, но была она направлена не против мастерового, бредущего в замасленной робе, шатаясь от усталости, с завода, не против его иссохшей от забот жены и русоголовых босоногих детишек. Ненависть и гнев искали адрес: не сразу находили они его. Им и в этом помогали русские люди, те, кого называли большевиками.

Их было немного, но голоса их были слышны. Пыльный бедный поселок Каунчи, куда добралась после многих мытарств семья ферганского бедняка Юсуфали, не был исключением. Более того, здесь находился один из немногих в Туркестане пролетарских очагов. Здесь был хлопкоочистительный завод московского промышленного и торгового товарищества «Владимир Алексеев», а рядом — маслозавод.

Ни архивы, ни память людская не сохранили сведения о подпольной большевистской ячейке в селении Каунчи, не сохранили имен рабочих,

открывавших своим местным товарищам глаза, учивших их видеть правду, учивших, как говорил об этом В. И. Ленин, различать интересы тех или иных классов за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами.

Но известно, что сыскался просветитель для Усмана. Рассказывал об этом, и нередко, человек, не лишенный чувства зависти, хотя и предпочитавший всему в течение своей долгой жизни спокойное место каунчинского брадобрея. Любил он поведать при случае, что сам видел и слышал не раз, как один русский парень, («Лицо полноватое такое, борода чуть-чуть росла, сам на хлопкозаводе работал возле машины...») учил Усмана Юсупова читать.

— Да, да, — добавлял при этом парикмахер, — того самого Юсупова, который теперь в Ташкенте большой человек.

Он действительно мог видеть из растворенного окошка своей цирюльни, прилепившейся к боку одной из многочисленных чайхан на улице, которая вела от аптеки к вокзалу, как сидели по вечерам на балахане джугут-сарая (глиняная хибара с антресолю, не без восточной иронии прозванная «еврейский дворец») над книгой добродушный русский рабочий и грузчик Усман.

— Потом их больше собираться стало. Эгамберды Рахманов приходил, который при нэпе красную папку носить начал, и еще этот был, шорник с хлопкозавода, Турсун звали. Про революцию разговаривали. Мне все слышно было, потому что Усман и тогда был горячий, сразу кричать начинал. Особенно когда узнали, что царя уже нет. «Здесь тоже надо кончать!» — Усман кричал, а этот русский еще говорил: «Не спеши. До всех очередь дойдет».

Многое здесь от правды, увиденной по-своему, кое-что от не очень большого воображения человека, который, как многие, не прочь был погордиться мнимой близостью своей к личности незаурядной. Но сам факт неоспорим. Исход батрака Юсуфали из Каптархоны явился началом пути революционера Усмана Юсупова прежде всего потому, что привел он его к пролетариату и русским большевикам. Собственно, сам по себе исход был тоже шагом революционным. Надо помнить, что узбеки, под стать тем самым голубям, от которых пошло название кишлака, истово преданы насиженным местам в отличие от иных народов, населявших тот же Туркестан. А чего стоило отцу Юсупова порвать со своей общиной, верность которой ислам обязывает мусульманина хранить до самой смерти?.. Во всем этом нельзя не усмотреть уже не начало даже, а результаты глубинных процессов, которые совершались в узбекском

обществе медленно, но неумолимо. Не только Юсуфали — узбекский народ пришел к пониманию того, что жить по-старому невыносимо, Но как мучительно медленно происходили бы перемены, каких жертв стоили бы они, не будь в крае русских большевиков. Они были немногочисленны, но подобны могучему катализатору, благодаря присутствию которого процесс преобразования общества принял не просто бурный, а поистине взрывной характер.

Усман, сын Юсуфа, таскал наверх, к бункеру ненасытной машины, хлопок. Таскал на шалче, на мешковине, которую клал на голую спину, чтоб не ободрать кожу. Ноги подкашивались, жилы на лбу вздувались от напряжения. Так же, как у всех грузчиков. Потом его перевели в цех, к грохочущей и трясущейся, словцо адская колесница, волокноотделительной машине. У нее и название-то было под стать характеру — джин^[3]. Серая колючая пыль клубилась над джинами, разъедала глаза и глотку. Длинные серые космы свисали с закопченного потолка, с разбитых окон. Серыми лохмами увешаны были ветви на чахлых деревьях и телеграфные провода даже вдалеке от завода.

Тесное помещение было сплошь занято машинами. Людям места почти не оставалось. Они едва протискивались, между стеной и беснующимися шкивами в кромешной тьме; где-то вверху, подобно оку дьявола желтел единственный фонарь со вставленным в него огарком свечи. Оглушающе хлопали износившиеся, наспех починенные приводные ремни. Они нередко рвалось, и, если рядом, на свою беду, оказывался рабочий, дело кончалось худо.

В пятницу после полудня раздался нечеловеческий вопль, перекрывший шум машин.

Рабочие кинулись на крик.

— Куды? Куды подались, нечистые? Работать! — рывкнул механик.

Не кличка, приклеенная людьми за повадки и впрямь дикие, за свирепое рвение к хозяйскому делу, а доподлинная фамилия ему была Гробовой. На этот раз его не послушались. Все сгрудились в углу, где катался по каменному, залитому мазутом полу сорокалетний джинщик Дусмат. Он закрывал лицо руками. Сквозь заскорузлые пальцы просачивалась кровь. Красным был и клочок хлопка в зубах Дусмата. Он держал его во рту, как все рабочие: ненадежное, но единственное средство хоть как-то спастись от вездесущей пыли. Сейчас Дусмат зажал этот клочок зубами намертво.

Не без труда отняли рабочие ладони Дусмата от лица и увидели, как страшно изуродовано оно: конец лопнувшего ремня стегнул его наискосок,

раскроив щеку и выбив глаз.

— На волю его выносите, живей! — командовал Гробовой, для которого (для рабочих, к несчастью, тоже) подобные происшествия были не в редкость.

Он самолично принес ведро воды и несколько раз кряду плеснул ею на несчастного Дусмата.

Не скоро явился фельдшер; рабочие сами, как уж смогли, замотали лицо Дусмата тряпками. Дыша сивухой, брезгливо морщась, фельдшер возился около Дусмата.

— Хозяева благочинные. Пузырек йоду не удосужатся хранить на заводе, — ворчал он не очень громко, потому что поодаль стоял появившийся, правда, по иному поводу управляющий алексеевскими предприятиями Анатолии Николаевич Сытин. Сохраняя, впрочем, достоинство, как человек, в отличие от Сытина разбирающийся в главном — в производстве, Гробовой давал начальству пояснения.

— Сам виноват, — заключил Гробовой. — Они же все такие дикие. Я давно говорил: нельзя их к машинам даже близко подпускать.

— Согласен с вами, Моисеи Антонович, дорогой, вполне согласен. Но вот, кстати, к сведению вашему. — Сытин, не без удовольствия щелкнув застёжкой толстого портфеля из желтой кожи, достал хрустящую бумагу с грифом Сырдарьинского военного комитета. — Вот поглядите, — он ткнул пальцем в текст, — вновь нам отказано даже в самой малости — в отсрочке от призыва хотя бы для четверых. О Сараеве, о приемщике хлопка нашем, мы даже в Петербург, в Главный комитет прошение направили.

Гробовой снял картуз, потер широкой пятерней выступающий коленцем затылок.

— Без Аюпа Усмановича нам совсем хоть пропадай, — произнес он печально. — Только один он и может в толк взять, чего они, эти мусульмане, лопочут. Да и в сырце понимает, как никто другой.

Появился и Аюп Сараев, о котором только что шла речь; еще не старый, но с морщинистым красноватым лицом.

— Скажи им, что я жертвую на семью пострадавшего три червонца, — громко сообщил Сытин.

Рабочие все еще не отходили от Дусмата; он теперь сидел, горестно раскачивая из стороны в сторону забинтованную голову, в ожидании брички, которую фельдшер вызвал, чтобы отправить его в больницу. Пожилой рабочий, стоя на широко расставленных коротких ногах, обутом в стоптанные кауши, услышав о милости, явленной начальством, благодарно прижал пальцы к груди. Остальные зашумели, насели на Сараева с

вопросами, а он, покраснев, сверкал сердитыми серыми глазами, отбивался от них, зло выбрасывая в такт словам пальцы вперед.

— Кончай митинг! — закричал он задрезавшим голосом. — Я вам покажу!

Гробовой выхватил из нагрудного кармана карандашик с жестяным наконечником.

— А ну кто здесь есть? Всем до единого запишу нынче прогул. И штраф за простой машины. На место всем! Живо!

Поздно вечером все в том же джугут-сараяе, беднейшей из каунчинских чайхан, сидели на вытертых пыльных паласах, вели разговоры все о том же, о Дусмате, о детях его.

Юсупов в разговоры старших не вторгался, знал завещанные прадедами законы, но грудь теснило и голова гудела от тяжкого, словно удушье, сознания: несправедливо устроен мир, что в Каптархоне, что здесь, и нет выхода, нет... Уж лучше бы не жить, не родиться вовсе.

Десятилетия спустя не любящий исповедей Юсупов рассказал все же доктору своему и личному другу профессору Каценовичу:

— Мне семнадцати лет не было, я вот так задышался. Только не во сне, как теперь (профессор расспрашивал Юсупова о том, не просыпается ли он по ночам от удушья), а на самом деле. Возле машины стою, пыль в нос, в рот лезет — дышать нечем. На улицу выйду, пыли уже нет — то же самое. Зубами прямо скрипел. Мучился. Если бы не революция, наверно, или с ума сошел бы, или в тюрьму попал бы: убил бы кого-то — механика, управляющего, бая Шаякуба. Он, паразит, один раз моему отцу сказал: «Отдай мне девчонку свою. Я за нее дороже дам, чем твой бай в Каптархоне давал...» Отец смолчал, а я потом месяц спать не мог. Как глаза закрою, вижу: Шаякуб на коне, в руке нагайка, смеется, золотые зубы блестят. Довольный. И нет на него управы. Нет. Вот что самое страшное было...

Можно, разумеется, представить, как сложилась бы судьба Усмана Юсупова, не свершись вскоре Октябрьская революция. На ум приходят не столь уж исключительные варианты: бунтарь-одиночка, затем член подпольной большевистской ячейки, арест, ссылка, «Сибирский университет», возвращение на родину зрелым идейным борцом... Но нужно ли опираться на обобщения? Мы ведем речь о живой судьбе. Важно уяснить: Юсупов не примирился бы и не покорился бы. Его счастье, великое счастье его поколения в том, что в 1917 году свершилась социалистическая революция.

Воистину день новый пришел в Россию, и дальней окраины ее —

Туркестана достиг не отблеск, а все тот же победный свет, возвещающий о великих переменах. Иное дело, что до окончательного торжества идеалов, провозглашенных революцией, было далеко и вел к ним путь отнюдь не торный. Революция призывала в свои ряды солдат. Одним из миллионов ее рядовых стал каунчинский грузчик Усман Юсупов.

Жаль, что ушли из жизни многие люди, которые были рядом с Юсуповым в 1917 году. И по-житейски жаль, а еще потому, что их воспоминания помогли бы детально восстановить те подробности из биографии Юсупова, которые относятся к поворотному моменту в его судьбе. Но хорошо известна биография незабываемого времени, события, которыми жило вместе с Узбекистаном и селение Каунчи, и хлопкозавод, и глиняный Персидский квартал, где в одной из слипшихся боками мазанок обитала семья Юсуфали. Сюда Усман приносил с завода вести одну необычной другой: в Ташкенте создан Совет. Рабочие лишили генерала Куропаткина власти! Вернулся из России, с тыловых работ, Шамирза Халмухамедов. Говорит, все мобилизованные возвращаются. Царя нет, а значит, указы его никакой силы теперь не имеют.

За жиденьким чаем в «еврейском дворце» чаще других стали повторяться слова: «касаба иттифоки» — профессиональный союз. Прибыл однажды, это случилось уже в августе, когда над Каунчи висела поднятая за день еще не остывшая пыль, странный городской парень, солдат не солдат, в английских ботинках с обмотками, в серой холщовой рубашке без ворота. Сказал, что он из центрального комитета «Хлопмасмола». Никто этого слова повторить за ним не смог, а смысл был понятен — профсоюз, в который входят рабочие, мастеровые и служащие хлопковых, маслособойных и мыловаренных предприятия Туркестана.

Парень говорил горячо и о таких вещах, что это сперва пугало неожиданностью, а потом захватывало дух: «Мы, трудящиеся, сами теперь хозяева заводов, земли, садов, воды...», «Требуйте от администрации тех условия труда, которые вы сами считаете хорошими. Требуйте, и никто не имеет права отказать вам, людям, стоящим у станков».

Все тот же Аюп Сараев, прежде он с рабочими за чаем не сживал, а теперь появлялся что ни вечер, с вызовом закричал, широко раскрыв шелушащийся рот:

— Мандат покажи. Мандат у тебя имеется или нет? — Морщинистое лицо его с небольшим орлиным носом пылало.

Все притихли. Никто не знал, что это такое — мандат.

— Вот смотрите, — парень высоко поднял бумажку с фиолетовой печатью.

Сараев требовательно взял ее и долго изучал, сопя и хмыкая.

— Дай обратно, — парень отнял мандат и, не по-доброму прищурившись, сказал, в свою очередь: — Вы-то, гражданин, насколько нам известно, сами от эксплуататоров недалеко ушли. Сараев ваша фамилия? Так?

— Ну и что? — глупо возразил Сараев. Глаза его забегали.

— А то, что в Ташкенте жалобы на вас имеются, и не одна. Дехкан обманываете. Платите им за второй сорт, а хозяину сдаете первым. Теперь мы с этим покончим...

— Неправда это! — закричал Сараев, прижав к груди пальцы. — Мусульмане, скажите сами.

Они молчали. Что бы ни говорили о переменах, о том, что царя нет, но вот же: сидит на своем месте, как прежде, управляющий, и Сараев еще в силе...

То было первое выступление Усмана. Юлдаш Бабаджанов, друг его каунчинской юности, а впоследствии товарищ по партийной работе, запомнил этот случай благодаря обстоятельству, смешному на первый взгляд. Усман — он казался совсем невысоким еще из-за того, что был одет в сшитый матерью костюм из мешковины, — вскочил, опрокинув ведро, стоявшее у его ног. Вода подтекла как раз под Сараева, и тот тоже быстро поднялся, свирепо ругаясь.

— Я приведу пять, десять человек приведу. Я знаю. Здесь, в кишлаке Ниязбаш, живут. Жаловались на Сараева, прямо плакали даже, — горячо заговорил Усман, не замечая оживления, вызванного событием.

Сараев отряхивал воду с вельветовых рыжих штанов, заправленных в блестящие сапоги.

— Замолчи! — крикнул он Усману. — Добро бы — бедняк, так еще и бестолковый. Сам себе работы добавляешь, нищий.

Намекал он на то, что Усман по вечерам таскал в чайхану воду из хауза; за это он и отец его Юсуфали могли выпить бесплатно чайник чаю с лепешкой.

Парень, прибывший из Ташкента, поднял руки.

— А ну-ка тише! — велел он Сараеву. — Не смейте закрывать трудящимся рот. — Он обратился к Усману, который от волнения не находил нужных слов, спросил, как его фамилия, записал ее в свою тетрадь и сказал, что вскоре понадобятся его показания для комиссии.

Уже стемнело, когда этот человек, первый из увиденных Усманом товарищей из центра, пошел на станцию к ашхабадскому поезду. Две фигуры двигались вслед за ним; он так и не заметил их. Вскочил на

подножку — поезд здесь, вблизи Ташкента, лишь замедлил ход — и уехал.

Усман и Юлдаш вернулись домой.

— Нажил я себе врага, — сказал Усман о Сараеве. — Теперь на мой джин он, собака, будет самый грязный сырец давать. — Подумал, растянул полные губы в улыбке. — А знаешь, как легко стало, когда сказал. Промолчал бы если, сдох бы ночью. Ей-богу...

Зимой объявили об учреждении рабочего контроля над Каунчинским хлопковым заводом. Приехал тот же товарищ из Ташкента. Он сам отыскал среди людей, заполнивших все ту же чайхану, лобастого большеротого юношу.

— Запишем в комиссию и вот этого товарища, Юсупова Усмана, — сказал он. — Возражений нет? Будем считать — принято.

— Воду для чая не забудь натаскать только, уртак Юсупов, — процедил сквозь зубы Сараев. Сидел он позади.

Усман ничего не ответил.

Ночью, когда ворочался на жесткой циновке, ежась от холода и непрощедшей обиды (спал у двери, а под нее поддувало с улицы, где шел надоедливый декабрьский дождь), сообразил: можно было сказать Сараеву, что заодно, мол, я еще и о лопате не забуду, чтоб золото вырыть, награбленное тобой у дехкан.

В ту же комиссию вошел и еще один друг Усмана — Фридрих Ярош, пленный австрийский солдат, худощавый, с чистым задумчивым лицом, окаймленным темной бородкой. На родине у себя Ярош был литейщиком, здесь в его специальности нужды не было, но он быстро освоил немудрую технику и научился быстро ремонтировать джины и линтера, которые то и дело выходили из строя. Механики были призваны в армию, и потому Ярошу на заводе цены не было. Перед ним бывало, даже заискивал тот же Гротовой или Сараев. Прощалось ему скрепя сердце и то, что якшался он с чернорабочими, с самыми что ни на есть темными. Аюп Сараев, поджимая губы, от чего лицо его становилось брезгливо-старческим, диву, бывало, давался, наблюдая, как Ярош, что ни перерыв, сидит за чаем с лепешкой вместе с Усманкой из джинного цеха. Не может австриец найти компанию поблагородней. Европа называется... Несомненно, еще более удивлен был бы уроженец саратовских степей Аюп Сараев, приехавший в Туркестан за длинным рублем и, кстати, не ошибшийся в этом, если бы узнал, что рассказывает Ярош Усману о Карле Марксе, о котором сам Сараев представление имел весьма смутное, числя его в одном ряду с князем-бунтовщиком Кропоткиным и вольнодумцем Габдуллой Тукаем.

Было бы наивно, да и неуважительно по отношению к нашему герою

утверждать, что в восемнадцать лет он, едва умевший расписываться, усвоил, да еще со слов не бог весть какого пропагандиста, хотя бы азы из Марковского учения. Но что он понял — это важнейшую для него тогда истину: были и есть на свете очень умные люди, которые учат рабочих, как бороться за свое освобождение. И еще одно, что он усвоил, по его собственному признанию, уже тогда, единожды и на всю жизнь: суть великого лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

— Мне прямо жить захотелось, когда понял: Ярош, австриец, — мой брат. Пашка, который читать учил, — тоже брат; все, у кого только руки есть, а в кармане пусто, — братья. Значит, сила у нас какая во всем мире, подумал тогда. Горы свернем! — Это из неожиданного разговора по пути из Москвы с Пленума ЦК с ближайшим сподвижником и помощником своим Владимиром Ивановичем Поповым.

От Павла и от того же Яроша узнал он впервые и о партии, и о вожде ее.

— Темный был я, темнее, чем ночь, а сообразил, честное слово, сообразил, что Ленин, партия как на командном пункте, а революцию делают простые люди повсюду: у нас, в Каунчи, тоже. Каждый должен воевать как солдат на фронте. Увидел перед собой врага — бей!

Мавлян Гафарович Вахабов, нынешний директор Ташкентской высшей партийной школы, много лет работавший в отделе пропаганды ЦК КП Узбекистана, ученый, отлично знающий теорию, не единожды удивлялся не всегда точным, но удивительно цепко хранившимся в памяти Юсупова мыслям и высказываниям классиков. Нередко просил он, к примеру:

— Найди, где именно у Маркса говорится об ирригации в широком смысле.

Мавлян Гафарович находил:

— «Судьба Востока зависит от искусства орошения».

— Есть еще и конкретное. О плотине что-то.

И в статье Маркса об Индии Вахабов впрямь отыскивал место, где говорилось, что достоинство плотины в том, что ее можно использовать двояко, как мост — тоже.

Юсупову не довелось участвовать в военных сражениях с контрреволюцией. Для него буквально школой коммунизма стали профсоюзы. В то время это был передний край революционного фронта: непосредственное столкновение рабочих с хозяевами, эксплуатируемых — с эксплуататорами.

Чтобы понять это, надо принять во внимание, что в Туркестане 1917–

1924 годов обстановка существенно отличалась от петроградской, где утром 26 октября трамваи, как справедливо заметил поэт, «катили уже при социализме». И действительно: там бывшие хозяева едва ли не мгновенно утратили власть и силу, которую давали им деньги и частная собственность, отмененная революцией. Вся власть перешла к Советам. В Туркестане же по понятным причинам — сюда следует отнести и географическую оторванность от центра, а главное — засилье феодально-религиозного влияния — процесс этот совершался гораздо медленней. Не случайно все изложения, касающиеся истории революции в Узбекистане, — и строго научные, и популярные, и художественные, — полны замечаниями такого рода: «28 ноября взял власть в свои руки Кокандский новгородский Совет, однако на территории старой части города буржуазно-националистические элементы создали так называемую Кокандскую автономию».

«В целом ряде сельских районов Ферганской долины советизация завершилась только в период гражданской войны в упорной борьбе с басмачеством».

Наивно было бы ожидать, что народ, в большинстве неграмотный, приученный с деда, прадеда принимать на веру предписания ислама, мгновенно откажется от них и пойдет за большевиками. Но была среди тех же узбеков часть, сразу же почувствовавшая, что правда на стороне русских большевиков; эти люди решили окончательно и твердо: «Моя революция!»

Что здесь сыграло главную роль? То, что были это преимущественно угнетеннейшие из угнетенных, те, кто давно изверился во всех и вся и с чистой надеждой неопитов принял лозунги, подкрепленные делами и поступками новой власти, свидетельствующие весьма убедительно, что это наконец-то власть подлинно народная.

Через много лет в разговоре с шофером Аркадием Шепиловым, о котором главная речь впереди, он скажет, провожая его на фронт:

— Ты, молодой, значит, само собой — счастливый. Как родился, все тебе ясно: пионерия, комсомол, партия. Строим коммунизм — тоже понятно, пускай пока не очень, подучишься — поймешь на все сто. А как нам было? Только революция случилась, прибегают эсеры, меньшевики, джадиды... Один кричат: «Богатый тоже может быть за рабочих!», другие: «Сперва надо германцев побить, потом революцию делать», третьи: «Наши братья — турки. Только с ними вместе надо идти»... Голова пухнет, честное слово; сам ты вроде бы как тонешь, сил нет, готов за каждую руку ухватиться, только бы вытащили. И вот сколько к тебе сразу протянуто! Но попробуй разберись... Я взял руку большевиков. Почему, спросишь? Не

догадываешься, а все очень просто: мозоли на ней, как у меня самого были. Рука трудового товарища. Такая не подведет. Ну а если по-другому говорить — почувствовал я, — хлопал он себя по левому карману френча, где всегда носил партийный билет, — что на их стороне правда. В Ленина поверил сразу, за Лениным пошел...

Удивляла многих, а впоследствии принималась как должное способность Юсупова безбоязненно принимать окончательные решения.

Бывали они, как показала жизнь, иногда не самыми лучшими, но и тут следует правды ради оговориться — может быть, потому, что неизвестно, к чему привел бы отвергнутый Юсуповым путь. То был талант врожденного организатора, умеющего предвидеть будущее. Сразу и бесповоротно пошел он за большевиками. Вслед таким, как восемнадцатилетний Усман Юсупов, кидали камни и посылали пули. Благоразумные соседи уговаривали их отступить. Муллы грозили адскими муками. Как отвечал на это Юсупов? Сопоставим факты общественные и личные. В этом ответ.

Летом 1918 года председатель СНК Туркестанской республики В. И. Колесов вынужден был послать В. И. Ленину телеграмму следующего содержания: «Туркестанская республика во враждебных тисках. Фронты: Оренбург — Ашхабад — Верный... В момент смертельной опасности жаждем слышать ваш голос. Ждем поддержки деньгами, снарядами, оружием и войсками...» В зале, где заседал осенью того же года VI Чрезвычайный съезд Советов Туркестана, треть делегатских мест была занята левыми эсерами. А в ночь с 18 на 19 января 1919 года в Ташкенте вспыхнул военный мятеж. Возглавил его недавний прапорщик Осипов, назначенный на упомянутом съезде Советов военным комиссаром Туркеспублики. По нынешним меркам — мальчишка, действовал он в своем неблагоприятном кровавом деле с присущей возрасту бездумной жестокостью и чудовищным легкомыслием. Последнее, как это случается нередко, и ввело в заблуждение взрослых, серьезных людей. Никто из четырнадцати ташкентских комиссаров не усомнился в том, что в поздний час на территории военной крепости назначено экстренное совещание. Они вошли в сумрачный двор, окруженный унылыми двухэтажными казармами с редкими голыми и мокрыми деревьями у окон, и никто не заподозрил (да и невозможно было!), что пулеметы, стоявшие на пышках, уже повернуты по приказу Осипова внутрь, а в подземных казематах ожидают палачи с раскрасневшимися от спирта бравыми казачьими физиономиями.

Все было задумано наподобие дурных сочинений любимого Осиповым Брешко-Брешковского.

В больной голове бывшего прапорщика витали планы о Туркестанском

государстве под эгидой Англии и во главе, разумеется, с ним, Осиповым. Но заговор был обречен исторически. У него не было и не могло быть опоры в крае. Свершив свое черное дело, Осипов с полусотней люто проклинаящих его казаков сбежал в горы, а потом — за рубеж, где и окончил бесславно дни свои.

Мятеж был подавлен в течение нескольких суток, и как тут не упомянуть, что против контрреволюции единым фронтом выступили и русский пролетариат, и трудящиеся Старого города. Узбекскими дружинами руководили первые местные большевики: П. Ходжаев, М. Миршарапов, И. Бабаджанов, С. Касымходжаев. Трудовой народ Узбекистана вновь доказал, что идет за большевиками. В эти ряды встал и один из тысяч, рабочий каунчинского хлопкозавода Усман Юсупов.

В те дни, когда эхо выстрелов, раздававшихся на улицах Ташкента, достигало и селения Каунчи, Юсупов, один из самых первых на заводе, вступил в профсоюз — поступок по тем временам героический. В 1919–1921 годах в Зангиатинском уезде Сырдарьинской области было совершено 426 покушения на жизнь рабочих, «продавшихся неверным» — так назывался на языке врагов любой, вступивший в партию или профсоюз.

Сергей Константинович Емцов, видный партийный работник, большой личный друг Юсупова, вспоминает:

— Первое поручение у меня такое было: следить, чтобы смена была не больше девяти часов. Не восемь, а девять, но и то слава богу! До революции по двенадцать стояли и молчали.

Я, значит, и говорю рабочим: «Уходите», а мастеру: «Вот решение профкома». Ну, он скандалить, конечно; я не отступаю, а рабочие некоторые боятся. Тогда я — за рычаг и останавливаю джины: «Пошли!»

Домой иду, только в тупик свернул, трое стоят. Уже темновато, кто — не пойму. Я тогда молодой был, решительный. Ну, думаю, ждать разговоров не надо. У меня палка была, я в нее нож воткнул, как пика получается. «Подходите по одному», — говорю, они — в сторону. Только я прошел, как засвистят камни. Один в плечо попал. Правда, чуть задел.

Потом еще такие же случаи были. Я привык постепенно. Все привыкли.

Что делать оставалось, а?

Сохранился и документ, акт об обследовании хлопкоочистительного завода в селении Каунчи, составленный год спустя комиссией рабоче-крестьянской инспекции за № 12350. Свидетельствует он, впрочем, уже о другом качестве — настойчивости, не менее, чем мужество, необходимой человеку, вступившему на путь революции. В акте этом, копии которого

направлены Совнаркому и ВСНХ, отмечаются отступления от норм охраны труда и техники безопасности на Каунчинском заводе и предлагается Турктекстилю принять экстренные меры для устранения недостатков и упущений, в частности, срочно обеспечить завод приводными ремнями и сшивками (вспомните несчастного, искалеченного Дусмата...), а также оборудовать вентиляцию в цехах. Документ подписан заместителем наркома РКИ и заведующим технопромышленным отделом.

Были эти ответственные работники отнюдь не какими-то бюрократами, а попросту были они засыпаны ворохом дел, писем, жалоб, летевших со всех предприятий молодой республики от организаций и от рабочих, впервые осознавших за собой **права**. Каждый требовал немедленно положительного ответа и точно так же — срочного удовлетворения производственных нужд. А в аппарате РКИ сотрудничало два десятка человек, имелся один телефон и одна повозка на лопнувших рессорах. Сверхусилия потребовались от девятнадцатилетнего парня из Каунчи, который в каждый свой выходной день упорно отправлялся в Ташкент.

В поезде, признавался позже, умудрялся проехать бесплатно, а в трамвае не удавалось: кондуктора в Ташкенте были бдительны. Шел от вокзала до торгового дома на углу Соборной — там помещался Дворец труда — пешком, хлюпая разбухшими чунями по выбитым тротуарам. Но главное — терпение требовалось, когда сидел часами в узкой приемной, где висели плакаты, из смысла которых улавливал только, где буржуи, где рабочие, да таблички с запрещением курить. Он в ту пору изредка употреблял едкий нюхательный табак, который кладут под язык. Судя по тому, что многие товарищи, как зеницу ока берегущие свою очередь, тоже то и дело закладывали изрядную порцию под язык, чтоб легче переносилось ожидание, на этот самый «нас» запрет не распространялся.

Бывало, он уходил, не дождавшись нужного товарища, потому что заседания все не кончались, а надо было поспеть к последнему поезду: утром в цех, как всем. Тогда особенно проникся Юсупов неприязнью к ожиданию в приемных. В своей он впоследствии не терпел очередей из чинно сидящих, тоскующих, неодобрительно поглядывающих друг на друга людей. Требовал от помощников, чтобы каждому посетителю по записи назначили время с точностью до минуты. Не явился — пеняй на себя.

Юсупов выдержал все тяготы, добился приема и сказал, что рабочие ждут инспекцию.

Наступал декабрь. От товарища, который принял Юсупова, требовали

годовую отчетность; голова у него пухла от забот, но он все же улыбнулся, глядя на непреклонного парня из Каунчи.

— Приедем непременно, — сказал он.

— Когда? — спросил тот и объяснил: — Я же должен точно сказать рабочим. — Он сделал упор на последнем слове.

— В начале месяца, — сказал товарищ.

Он сдержал слово. Юсупов был счастлив, хотя в то время, когда комиссия ходила по заводу, пояснения давали старшие, а он молчал и держался позади, как и положено на Востоке. Но так уж устроена жизнь коллектива: помнится накрепко и хорошее и худое, — вместе складывается то, что называется репутацией. Юсупов не забыл, конечно, о своих хлопотах по поводу комиссии, но числил это поручение в ряду других, похожих и непохожих. Когда же его вместе с сестрой Назирой принимали в кандидаты партии, то больше всего на собрании говорили, что он, Юсупов, за рабочий класс болеет, и приводили этот пример с комиссией: «Не ради себя, ради общества старался». Кто-то вспомнил даже: «Один раз в Ташкент за комиссией ездил, промок, болел даже». — «Наш парень, — сказали, — за трудовой народ душу отдаст».

О себе он не думал, что действительно такой. Решил быть таким. Ильич завещал это. В партию вступали они с Назирой по знаменитому ленинскому призыву, в 1924 году.

В начале 1925 года шесть профсоюзных активистов и среди них Юсупов направились из Каунчи в Ташкент. Выехали ночью, чтоб поспеть раньше других на площадь Иски-Джува, где перед народом должен был выступить Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин. Михаил Иванович Калинин прибыл в Ташкент для участия в работе Учредительного съезда Советов Узбекской ССР и I съезда Компартии Узбекистана. До рассвета сидели в чайхане на Чорсу, около самого старого и обширного ташкентского базара. Чайхана стояла на глинистом, размытом дождями высоком берегу Бозсу. В холодном влажном воздухе были слышны самые отдаленные звуки, и Юсупов тормозил товарищей: кажется, там уже собираются...

На площади, когда они пришли туда, действительно уже был народ. Но они все-таки оказались в первых рядах. Ждать пришлось очень долго. Теперь за ними волновалось и шумело людское море. Все смотрели не отрываясь на небольшое сооружение — дощатую трибуну, обтянутую красным сатином. Над ней висели портреты Ленина и Маркса, а между ними был протянут лозунг, написанный арабской вязью. Он призывал трудящихся мусульман к строительству новой жизни плечом к плечу со

всеми народами бывшей царской России.

Сохранились снимки, сделанные на митинге: дотошные исследователи находят на них и Юсупова. Трудно все же сказать определенно, он ли это; их сотни, в одинаковых тубетейках — внимательных, доверчивых и надеющихся. Эксперт, задавшийся благородной целью, возможно, установил бы неопровержимо, что этот вот, сорок седьмой в пятом ряду, в халате, особенно широко распахнутом на груди, и есть Усман Юсупов в возрасте двадцати пяти лет. Важней иное: любой из тех, кто, подчинившись одному лишь велению сердца, пришел в то еще очень хмурое утро на Иски-Джува, мог оказаться Юсуповым, и он тоже был каждым из них: сын народа, внешне неотделимый от него. Ни тогда, ни позже.

Но все же о том, какое впечатление произвел на него Калинин, вспоминал много лет спустя, уже будучи первым секретарем ЦК Компартии республики, в машине, когда возвращались с закладки памятника М. И. Калинин у на Иски-Джува (кто посетует теперь на шофера Шапкина за то, что он, как и Шепилов, внимательно прислушивался к тому, что мог к случаю, по ходу ли разговора обронить Юсупов!):

— Вот честное слово, что Калинин человек такой, как мы все, даже ничуть не верил. Увидел: он на трибуну вышел, маленький, только шапка на голове высокая, бородка. Ну, как наш аксакал прямо! Слышу, разговаривает. Каждое слово — мне, одному. А народу, между прочим, тысяч десять, и все так, как я, думали: Калинин с ним лично разговаривает. Все, про что хотел услышать, услышал: «Каждый народ имеет свободу... Мы сверху ничего не навязываем».

Для многих из нас, кто пришел тогда на площадь, он открыл глаза, что мы, бедняки, участвуем в управлении государством, а это государство — Узбекская республика — входит в состав Союза республик.

Самое простое слово у него золотом стало.

Домой пошли, я все думал: «А если бы самого Ленина услышать!»

Вера уже поселилась в его душе давно, с первого года революции. Сейчас она разгорелась, стала святыней. И люди видели это, избрав Усмана Юсупова председателем своего союза рабочих строителей Пригородного района Ташкента. А вскоре он возглавил окружной комитет Союза строителей и переехал в Ташкент. Об этом периоде его жизни сохранились воспоминания товарищей, работавших вместе с ним. Секретарем окружкома был Георгий Анисифорович Хорст, впрочем, тогда — почти полвека прошло! — просто Гоша Хорст, студент мелиоративного факультета, еще не так давно бегавший на лекции без ботинок за неимением таковых (кстати, и доцент Жарков стоял за кафедрой босой,

ничуть не смущаясь). Размещался комитет в одном из многочисленных прилепленных друг к другу сырцовых строений на Ленинградской улице, занимаемых профсоюзами. Под железной лестницей была устроена комната с круто восходящим навверх потолком. Ее разделили надвое. В первой сидел над канцелярскими книгами Хорст. Во второй половине — Юсупов и его заместитель Чимбуров.

Для того чтобы представить, какая честь была оказана Юсупову избранием на эту должность, напомним, что профсоюз строителей явился первой в истории узбекского народа общественной организацией. Людей, которые возглавляли его в 1917 году, — Ачила Бабаджанова и Султанходжу Касымходжаева — с полным основанием называют первыми узбекскими революционерами. Юсупову, который был моложе, суждено было в известном, смысле продолжить деятельность, ведущую к перевороту общества.

В протоколах тех лет, подписанных уже весьма уверенным юсуповским росчерком, сохранился перечень вопросов, которыми занимался профсоюз. В них отразилась эпоха. Тут поднятие трудовой дисциплины, рабочее снабжение, помощь голодающему населению, добровольное отчисление белья для выздоравливающих в больницах; заготовка дров, мобилизация служащих на различные мероприятия; тарифно-нормировочные дела; порядок премирования; составление списков для получения мануфактуры; перепись беспризорных детей — для оказания помощи, работа районных просветительных комиссий; санитарное дело; выборы инспекторов труда; получение пайков, товарищеские и дисциплинарные суды; отпуска; труд несовершеннолетних; вечера вопросов и ответов; шефская помощь Красной Армии, Воздухофлоту; солидарность с мировым пролетариатом; физкультура, жилищкооператив, субботники, агитбригады, Автодор, Освод, Осоавиахим...

Уйма дел, забот, попросту неслыханных слов и понятий обрушилась на Усмана Юсупова.

Он обращался к Чимбурову, с которым сидели лицом к лицу, — столы были сдвинуты, — или к тому же Хорсту за разъяснением терминов или аббревиатур, которые были в большой моде, а чаще за советом: «Как, думаешь, сделать надо, чтоб лучше было?» Откровенно, не таясь: «Я в этом тарифно-нормировочном деле не очень понимаю. Давай вечером вместе сядем, разбираться будем, потом на окружном выносить. Так, что ли?»

И не ронял из-за этого авторитета, а рос.

Любому делу отдавал себя целиком. Ранней весной 1927 года на строительстве канала Джун возник производственный конфликт между

администрацией и зимогорами-мастеровыми. Было их тысячи три, не меньше, прибывших главным образом с Волги из голодных деревень. Пожитейски понять их было нетрудно: ехали за скорыми заработками, а тут работу свернули (возникли неожиданные затруднения с прокладкой трассы по карте) и говорят — ждите. По переписке судя, выходило: правы и руководители стройки, и рабочие. Юсупов решил, надо ехать на место. Отправился сам, верхом в дождь. Промок и продрог до мозга костей. Не спал сутки, разбирался. Разъяснял рабочим: «Профсоюзы не для того, чтобы брать за горло администрацию. Она у нас не чужая — своя, пролетарская. И деньги общенародные, не из хозяйской мощны. Вам нынче дай лишнее, другой без зарплаты останется». Но нашли решение: начать работы хотя бы на одном участке (впервые произнес тогда Юсупов: «Всю ответственность беру на себя») и выдали зимогорам аванс.

Сидя в комнате под лестницей Дворца труда, глотал аспирин — его лихорадило от простуды, — сипел, но был доволен: «Сила мы, профсоюзы. Сила!»

С хозяевами шла борьба насмерть. Был разгар нэпа. В Узбекистане новоявленным предпринимателям было легче найти способ для отмененной революцией эксплуатации труда. У Юлдашбаева в артели штукатуров дюжина рабочих. Все родственники, как ни проверяй: «Первой жены (ее аллах давно взял) пятой сестры племянник. Один остался. Я его в свою семью взял. Зачем ему зарплата? Зачем какой-то отпуск? Он же как сын мне одинаково теперь. Скажи, Рахимджан?» Находили способ, чтоб Рахимджан разговорился откровенно, и призывали к ответу Юлдашбаева за то, что заставляет пария работать по 14 часов в сутки.

Нэп в Юсупове, не очень твердом тогда в теории, будил мучительные сомнения. Правда, в вере своей был незыблем: «Сам товарищ Ленин сказал, так надо. Скоро кончится это. Увидите».

В мае 1928 года поехал впервые в жизни в Москву, на Всесоюзный съезд строителей, как член узбекской делегации. Был поражен огромным, каменным, оглушающим городом и роскошью нуворишей, не скрытой, как в Азии, а демонстративно показной: с полусотенными кредитками, заталкиваемыми официанту за галстук, собольими палантинами на алебастровых женских плечах, с волосатыми пальцами, унизированными перстнями.

Но на съезде во всю ширину зала висели плакаты: «Из России нэповской будет Россия социалистическая!» и «Даешь пятилетку!» Он знал: это не просто лозунги, а программа, и она будет осуществлена как продолжение революции.

Вышел он после заседания в Охотный ряд вместе с Котловым из архангельской делегации, окающим пятидесятилетним плотником; в морщины на лице Котлова навеки въелась соль: двадцать лет ставил опалубку из горбылей на Сольвычегодских копиях. Вечер, влажно пахнувший цветущей акацией, был погожим и красивым. Вверх, к «Метрополю», неслись пролетки с фонарями и автомобили. Ярко светились торгующие допоздна лавки и магазины с названиями фирм и фамилиями владельцев. В облаке коньячных паров и духов вышла из вращающейся двери ресторана компания: несколько мужчин в безупречно отглаженных белых костюмах и возбужденные пухлые женщины в бархате.

— Посторонись, пожалуйста, дорогой, — с южным акцентом сказал белоснежный мужчина, провожая под локоть свою даму к экипажу.

Котлов назло встал как столб, загородив дорогу: женщина коснулась его и поморщилась. Ее кавалер хотел сказать что-то резкое, под стать случаю, но увидел глаза Котлова в глубоких, как ямы, впадинах и произнес, хмыкнув все же:

— Очень извиняемся, гражданин пролетарий. Не обижайтесь, пожалуйста, что мы на вас немножечко подышали. Это, клянусь честью, отлично выдержанный коньяк. Компания заржала, Котлов задержал веселого человека за фалду.

— Два слова на прощанье, — сказал он. — Ты не на меня, на ладан ты уже дышишь, нэпманская зараза. Понял?

Уже в гостинице он объяснил Усману, что такое «дышать на ладан».

— Хорошо ты сказал, друг, честное слово! — обрадовался Усман. Ему очень хотелось сказать Котлову, что и у узбеков есть похожее выражение: «Мотылек гордится тем, что он красивый, а жить-то ему только до заката». Но он еще не знал русского слова «мотылек», а «бабочка» казалось неточным и не очень приличным.

Двенадцать лет спустя вспомнил об этом за столом, как о забавном. Говорили о том, как известная артистка, — она с мужем в тот день обедала у Юсуповых — спела в концерте арию Баттерфляй, и кто-то заметил, что «баттерфляй» в переводе «бабочка».

— А мотылек что такое? — спросил Юсупов.

— Тоже бабочка, только небольшая.

— А я думал, наоборот: мотылек и бабочка, как баран и овца, — Юсупов рассмеялся первым и рассказал о том майском вечере в Москве на закате нэпа.

Тогда, едва ли не сразу же после возвращения со съезда, Юсупову предложили первую в его биографии партийную должность: заведующего

организационным отделом Ташкентского окружкома большевистской партии. Он отказывался очень искренне, ссылаясь — и это была правда, — что не очень подготовлен теоретически, вот, спасибо, в Москве, на съезде, многие моменты стали понятны — по поводу политики внешней и внутренней тоже, но все-таки знаний не хватает.

Тут его перебили и сказали, что для этой самой внутренней политики и приглашают на партийную работу его, бывшего батрака и пролетария Усмана Юсупова. Ему и таким, как он, предстоит окончательно победить нэп, завершить революцию на экономическом фронте. Для этого нужны кадры, а уж он-то доказал, что умеет разбираться в людях, с ходу определить, кто наш, кто чужой. Это одно, а второе — необходимо, конечно, создать партийные ячейки в каждом кишлаке, на каждом предприятии. Вот из этих отрядов и составляется армия строителей социализма. И опять же при этом нужно классовое чутье. «То, что у тебя, товарищ Юсупов, имеется, мы убедились. Это — талант! А теорию, время придет, освоишь».

К нему быстро привыкли. Он не входил, а вбегал в белое с розовыми лепными украшениями на фасаде здание у знаменитого ташкентского сквера, где все еще стоял литой памятник генералу Кауфману, окруженный провисшими тяжелыми цепями. Молодой, плотный, с жесткими, уже редющими волосами, с крупными чертами лица, полный энергии, желания жить, действовать. Не просто легкий на подъем, а жаждущий движения, дела.

За неимением квартиры поселили Юсупова в старой двухэтажной гостинице, приметной разве лишь тем, что здесь, внизу, в длинном, лишенном окон буфете подавала бесподобные беляши известная всему Ташкенту угрюмая, но спорая в своем деле Викентьевна.

Он и потом, когда стал знаменитым Усманом Юсуповым, по старой памяти, не без озорства, склонность к которому никогда не утрачивал, заглянул сюда, оставив шофера в машине. Был самый безмятежный для буфета час, около полудня. В помещении было пусто, лишь у дальнего стола двое хорезмийцев в золотистых папах пили чай из стаканов, обжигая с непривычки пальцы. Костлявая, сутулая, уже утратившая следы молодости женщина молча подала ему горячие беляши с белыми пузырьками неостывшего масла на золотистых бочках.

— Не узнала, Викентьевна, а? — спросил он, с удовольствием надкусывая круглый плоский пирожок.

— Почему же? — спокойно ответила женщина. — Юсупов вы. Кто же вас не знает? Тем более, жили у нас. В двадцать девятом, кажется.

— Спасибо за беляши, — сказал Юсупов. — Нигде таких вкусных нет. — Он пожал Викентьевне руку и добавил: — А в двадцать девятом я был уже не здесь. В Самарканде был я.

Об этом посещении рассказал шоферу Конкину, восхитился, кстати, памятью Викентьевны и вспомнил сам несколько эпизодов из той, кратковременной деятельности своей в окружке.

Как в Заркенте трое суток непрерывно шло открытое собрание ячейки с участием бедняков и «тыловики». Странное собрание: не в помещении, а большей частью в поле. Ходили скопом от надела к наделу, осматривали каждый бугорок, перемеряли, спорили до хрипоты, устанавливая истину. А заключалась она в том, что сам секретарь ячейки, в которую и входило-то всего четверо партийцев, попался на удочку к кулакам. К слову, наживка была, как вспоминал Юсупов, не такая уж худая: за шестнадцатилетнюю девушку, отданную секретарю в жены, калым заплатили два богатых дехканина. А секретарь, работая в земельной комиссии, нарезал им участки подороже да еще такие, на которые вода идет самотеком. К слову, кулаки возиться с хлопком не желали, предпочитали снимать по два урожая клубники и овощей, благо, город с его всегда ненасытными рынками был неподалеку.

— Я б его там, прямо на месте, расстрелял, если бы можно было. Народ, понимаешь, с какой верой к партийцам относился. Это же самые чистые люди. Для себя ничего, все для людей. Так полагается. А он, паразит, эту веру в грязь втоптал! Это хуже, чем отца своего предать.

Второе воспоминание, тоже весьма характерное для Юсупова. Здесь улавливаются его интонации, его взгляд, а главное — отношение к жизни, к людям:

— На станции Ташкент сплю ночью в комнате у дежурного, на диване, только не на мягком, как ты привык, а на деревянном, голом. Больше спать негде, а поезд только утром. Вдруг будят. Смотрю — двое, пацаны совсем, босиком стоят, из халатов вата лезет. «Возьмите нас в большевики», — просят. Я злой как черт: «Зачем разбудили?» — «Уедете, — говорят, — а мы опять останемся беспартийные». Ну что ты скажешь! «Зачем вам в партию?» — «Против баев бороться, свободную жизнь строить для бедняков». Подкованные! И сюда дошло, значит. Я подумал, подумал: что ты им объяснять будешь? А спать охота. «Ладно, — говорю, — писать умеете, так вот вам боевая задача: сделать лозунги: «Да здравствует Советский Узбекистан!», «Да здравствует союз рабочих и дехкан всего мира!» Чтоб к утру висело на вокзале». Поезд подошел, я проснулся, бегом к вагону, а они меня опять поймали: «Смотрите, комиссар ака!» Глянул:

висят плакаты. Ну что с ними делать? Взял с собой в Ташкент, на курсы культработников устроил. Сейчас один очень видный человек стал. Даже не догадаетесь кто. Вот так...

О фактах, отраженных в газетах и документах, он не вспоминал, потому что при этом волей-неволей нужно было бы оценить и себя, и свою роль: «Я беру слово, выхожу на трибуну...» — а это в глазах Юсупова выглядело хвастовством.

Он недолго работал в орготделе, и все-таки это был важный кусок жизни. Он был отмечен прежде всего событием историческим, хотя в хрониках и исследованиях оно красным карандашом не подчеркнуто. А следовало бы. Речь идет о слиянии воедино узбекского и русского Ташкента, узбекских и русских Советов и партийных организаций. Юсупов был избран в состав секретариата третьей окружной партийной конференции, на которой главным вопросом было: «Максимальное сращивание партийных организаций Старого и Нового города». Выглядело все это без намека на неуместную театральность и бурное проявление чувств, а по-деловому, как официальное оформление классового единства трудящихся и партии, по природе своей отвергающей мысль о каком-либо разделении своих рядов по признаку национальному.

Два первых года партийной работы были суровой школой для Усмана Юсупова.

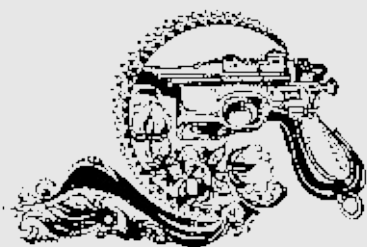
Перемена, почти мгновенная, происшедшая в течение этих лет, была удивительной. В самом деле: недавний полуграмотный рабочий, для которого мир был ограничен небольшим селением Каунчи (Янгиюлем), стал общественным деятелем республиканского, а вскоре всесоюзного масштаба. Что это: прихоть судьбы, веление эпохи, по воле которой вчерашний солдат становился директором банка, а машинист — начальником железной дороги? И это. Но главное — все тот же редкий дар, талант, развивающийся по своим законам, до сих пор не исследованным, поддающимся логическому анализу только до определенных пределов.

Итак, менее двух месяцев заведует Юсупов организационным отделом Ташкентского окружкома, но именно по его требованию ставится на обсуждение третьей окружной партийной конференции важнейший для того времени — и жизнь подтвердила, что это было действительно так, — вопрос: сращивание двух ташкентских партийных организации — старгородской, по преимуществу состоящей из большевиков-узбеков, и новгородской, куда входили главным образом русские, — в единую. Юсупов говорит об этом на конференции всего лишь в прениях. Впервые

выступает он в зале старинного кирпичного здания бывшей женской гимназии, а тогда — Среднеазиатского университета. Он волнуется, русская речь его звучит еще не всегда понятно — подчас с искажениями, вызывавшими бы в ином случае и у другой аудитории улыбку, но он покоряет незаурядной убежденностью, огромным темпераментом, и ему аплодируют, с ним солидарны, его благодарят за умение открыть и выразить то, что еще только рождается, но от чего зависит будущее партии, республики.

И еще один вопрос, который он поднимает тогда же, на той же конференции. Он говорит о необходимости расширить хлопковый клин и ставит это в прямую зависимость от ирригации. Выделяет аспект политический: водоснабжение недостаточно советизировано. Что за этим стоит — понятно: кулаки, байские недобитки и подпевалы пробрались в органы водхоза, заправляют распределением жизнетворной влаги по своему классовому усмотрению. Второй аспект — хозяйственный. Если мы хотим жить (вот так он ставит проблему!), нам надо все силы бросить на восстановление и развитие, сохранение ирригационной сети, а то на арыке Зах, к примеру, произошла катастрофа: затоплены 6 тысяч десятин земли.

Так возникают на самой заре политической деятельности Усмана Юсупова главные темы всей его жизни: интернационализм, хлопок, вода. По-своему решает в эти годы Усман Юсупов вопрос о семье. Нарушая извечные законы шариата, он женится на русской девушке Анастасии Большаковой. Не нам судить, почему не сложилась в последующем эта семья, но вызов мусульманским устоям был брошен рабочим парнем и здесь.

3 НА ПЕРЕЛОМЕ

Февраль в Узбекистане зачастую лишь по названию месяц зимний. Краю этому изначально было суждено стать благодатным (не одной прихотью исторических судеб можно объяснить, что именно здесь, в междуречье Амударьи и Сырдарьи, в глубокой древности возникли процветающие государства: и Согдиана, и Парфия, и Хорезм). Однако и наблюдательный глаз старого узбека, этакий прищуренный, с виду неподвижный, в темном веере морщин, безошибочно отметит местное сретенье, а ноздри, казалось бы, отвердевшие, восковые, вздрогнут, безошибочно почуяв первое веяние стоящей у порога, не робкой, не застенчивой, а по-южному неукротимо откровенной весны. Ее приход и буйное торжество можно представить разве что, прибегнув к сравнению с кино, где используется, впрочем, уже весьма привычный, операторский прием, когда хотят изобразить чудо пробуждения природы и одновременно подчеркнуть быстротечность времени: ветви, еще вчера голые, зябнувшие под ветром и снегом, на глазах покрываются почками, они набухают, увеличиваются, — и вот уже развернулись клейкие листья и затрепетали в звонком воздухе, и уже возится внутри густого соцветия пчела, собирая мохнатым брюшком новорожденную пыльцу.

...Холодный и скучный дождь заливал вытертые кирпичные тротуары на самаркандских улицах, когда 17 февраля 1929 года делегаты IV съезда КП(б) Узбекистана, а значит, и Усман Юсупов, прибывший из Ташкента в город, который в те годы был столицей республики, пробирались из скромной гостиницы (красное имя ей — дом для заезжих; в квадратной комнате восемь узких солдатских коек впритык) к лучшему в ту пору в Самарканде зданию бывшего офицерского собрания, где утром открывалось первое заседание. Но пока топтались, покуривая, обстоятельно, по-восточному, здороваясь со всеми, включая тех, кого не

знали лично (упаси бог кого-либо не заметить, не подойти к товарищу с рукопожатием!), дождь стих, быстро побежали к западу тучи, блеснуло в прогалине утреннее солнце, заиграло в частых лужах, и ранняя птица вскрикнула обрадованно, скликая подруг.

Юсупов зажмурился, блаженно втянул в себя воздух, пахнувший близкой весной. Но едва ли не одновременно крестьянское сердце кольнула тревога: вот-вот надо начинать сев, а съезд собрался надолго, едва ли не на две недели; предстоит обсудить множество вопросов, вплоть до мелких, не говоря уже о докладе ЦК ВКП(б) и Средазбюро ЦК ВКП(б), отчетных докладах ЦК и ревизионной комиссии Компартии Узбекистана.

Не один лишь Юсупов тревожился из-за того, что в напряженную пору посевной на местах, — то есть не в служебных кабинетах, а в кишлаках, среди дехкан, вера которых в силу и возможности нового строя прямо зависела от будущего урожая, — не будут находиться они, руководящие партийные работники. Всего в Самарканд прибыло более семисот делегатов — цвет узбекской партийной организации.

До открытия съезда состоялся так называемый сеньорен-конвент — собрание представителей делегации отдельных областей. Юсупов представлял Ташкентскую организацию. Не желая долго и обстоятельно взвешивать частности, когда ясно главное, он попросил слова и горячо, а потому более сбивчиво, чувствуя, что мысли вот уж поистине опережают русские слова, запас которых у Юсупова хотя и был достаточен, но произносились они трудно, и приходилось останавливать себя, когда хотелось высказаться быстрее и убедительней, и речь становилась еще сложнее, так что стенографистка, юная девушка, преисполненная чувства ответственности за едва ли не первое порученное ей дело, даже постанывала, то и дело останавливая стремительный бег карандаша по разлинованной бумаге. Но странно: и ей, уже понимавшей собственную сугубо техническую, как бы изначально бесстрастную роль, было интересно слушать этого черноволосого узбека с высоким выпуклым лбом, с крупными чертами выразительного лица, пусть речь его была далека от адвокатского совершенства, нередко скрывающего пустоту. Он говорил дело. В звучном голосе его жила тревога человека, умеющего видеть будущее и потому предостерегающего от возможных ошибок. Он вспомнил и о трех первых в Узбекистане колхозах, которые были созданы на трудных яз-яванских землях неподалеку от Андижана. Уж где-где, а там нужна рука и глаз партийца: как ни трудны условия, урожаи на колхозном поле должны быть выше, чем у середняков. Вот это и будет лучшей агитацией за коллективное хозяйство. Зримым, осязаемым вещам дехканин поверит

скорее, чем самым убедительным словам.

Многие делегаты уже подали заявления с просьбой, чтобы сеньорен-конвент разрешил им выехать на посевную, но Юсупов от имени Ташкентской организации предложил иное: съезду работать по девять часов в день, чтобы исчерпать повестку раньше.

Впрочем, обсуждение докладов проходило настолько остро, с таким накалом страстей, что заседания затягивались и дольше. В Кокандской, Бухарской, Зерафшанской и некоторых других партийных организациях в подборе кадров наблюдалась групповщина, то, что в повседневности носит название — кумовство, а по-местному — ошначество. Слово неуклюжее, но точно выражающее особенности быта: ош — в узком смысле означает на узбекском языке — плов. Годами, путем весьма строгого и придирчивого отбора (в английских клубах, пожалуй, лишь сама форма чопорней) складываются компании, разумеется, сугубо мужские, которые, когда чаще, когда изредка, собираются ради совместной трапезы за ляганом, наполненным янтарным пловом. Это — особенным образом приготовленный рис на бараньем сале со специями, вкуснейшее блюдо, если оно к тому же еще и попахивает дымком от очага, в который подкладывают, опять же с великим умением, соблюдая режим пламени, сухие корявые ветви урючин и вишен. Узбеки давние и высокие ценители плова — яства, которое по праву может быть названо благородным.

На первых порах не всегда хватало у того или иного руководителя мужества и твердости в недавно обретенных взглядах для того, чтобы отстранить от должности несправляющегося или заблуждающегося не просто человека, а такого, который зовется «ошни» — друг, сотрапезник; суть здесь не только в том, что с человеком этим проведено немало приятных часов; суть — в нравственных дружеских обязательствах, возникающих неизбежно в течение многих лет. Нужно было быть сложившимся коммунистом, чтобы переступить через предрассудок.

К слову, Юсупов, как истый узбек, не только любил плов, но и сам прекрасно готовил его, когда выдавалось время, хотя случалось такое не часто.

Фатима Юлдашбаева, комсомолка двадцатых годов, боевая девушка с наганом, впоследствии начальник политотдела узбекской дивизии, в тридцать четвертом году приехала в Москву. Усман Юсупович учился там в ту пору на курсах марксизма-ленинизма и проживал в одной комнате со своим другом Сатты Хусаиновым, драматургом, журналистом, переводчиком Шекспира и Руставели. Хусаинов тоже учился в Москве, но не на курсах, а в Институте красной профессуры.

В ряду воспоминаний Фатимы Ходжамбердыевны остался и дивный плов, который в весьма неподходящих для подобного почти что священнодействия условиях приготовил Усман Юсупович. Что ж до компании сотрапезников, то в нее Юсупов включал всегда всех, кто находился в эту минуту рядом, отнюдь не показного демократизма ради, — и шоферов, и сторожа, а в доме у Юсупова за обеденный стол непременно садилось пять-шесть человек из числа приезжих, и все домашние, и все подчиненные. Думаешь об этом не как о подробности житейской, не как о милой черточке, украшающей характер видного деятеля партии. Важно, что и тут проявилось то качество, которое отличало Усмана Юсуповича с самых первых шагов от многих, кто начинал рядом с ним нелегкий, сопряженный не только с известным самоограничением, но и с ломкой унаследованных от дедов, прадедов взглядов, привычек, обычаев путь коммуниста. Он был дальновиден и потому ясно представлял, к чему приводит безоглядное понимание дружеских обязательств. Юсупов оставил после себя сотни, а то и тысячи людей, которые каждый по-своему и по различным поводам благодарны ему за поддержку и помощь. Он не оставил ни единого, включая собственных шестерых детей, человека, который мог бы сказать, что Юсупов выручил его, вступился за него, пожертвовав принципиальностью партийца.

На IV съезд КП Узбекистана Юсупов приехал, будучи заведующим организационным отделом Ташкентского окружка партии. Должность, связанная с подбором и расстановкой, использованием кадров. Рядом с Ташкентом, всего в часе езды, находилось селение Каунчи — Янгийоль, где осталось немало тех, с кем вместе бедовали, трудились на хлопковом заводе, с кем не один пуд соли вместе съели. Мудрено ли, что старые знакомцы, движимые извечным и понятным желанием — устроиться в Ташкенте, обращались к земляку, который стал, по еще не изжитому в ту пору выражению, «большим человеком». Однако же Ташкентская организация не услышала на съезде столь серьезных, как другие, упреков ни за то, что называлось групповщиной, ни за ошибки, допущенные в работе по расширению партийных рядов. Была ведь еще и другая, свойственная периоду беда: имущие — кулаки, бывшие баи, — быстро смекнули, что можно замаскироваться, протиснуть в партию, а там, если удастся, пролезть и на руководящие посты. В двух районах Ферганской долины, Бешарыкском и Чуст-Папском, как отмечалось на съезде, органы диктатуры пролетариата превратились на практике в органы защиты классовых интересов байской верхушки. Закономерно, что съезд обязал Центральный Комитет впредь решительно выдвигать на руководящую

работу в партийном, советском и хозяйственном аппарате рабочих, батраков и бедняков. Закономерно и то, что одним из секретарей ЦК КП Узбекистана был избран на этом съезде бывший батрак, рабочий, бедняк Усман Юсупович Юсупов. От роду ему еще не было тридцати. Участок ему поручили едва ли не самый трудный — село, коллективизация.

От дедов, прадедов, возделывавших испокон веку поле в засушливом крае, передается новым поколениям бережное отношение к воде, а главное — понимание, что именно вода — первооснова жизни. Если основное содержание истории других народов и политической и социальной — борьба за землю, то для узбеков это борьба за воду, да и то сказать, земли, незанятых площадей и поныне недостаточно, но они мертвы до поры, как тот сказочный богатырь, пока его не окропили «живой» водой.

Вот то начало забот о воде, о хлопке, которыми жил секретарь ЦК Юсупов. В его представлении процветающий Узбекистан был прежде всего краем, сплошь покрытым артериями и капиллярами, несущими жизненную влагу хлопковым плантациям. Орошение и расширение узбекских полей совпадало с потребностями всего многонационального народа. Хлопок, который можно было выращивать главным образом в Узбекистане, нужен был молодой Советской стране не меньше, чем хлеб. К весне 1929 года, когда в Самарканде шли заседания IV съезда КП(б) Узбекистана, потребность Союза в хлопке удовлетворялась едва на две трети. Более ста миллионов рублей золотом могла бы экономить ежегодно страна, если бы была достигнута хлопковая независимость. Едва ли нужно пространно рассуждать о том, как ценно было это золото в пору, когда люди (нэпманы не в счет) масло получали по карточкам и искренне радовались ордеру на галоши, выданному фабзавкомом; ясно было, и съезд сказал об этом со всей определенностью, что значительно увеличить производство хлопка в Узбекистане можно лишь на основе социалистического преобразования и индустриализации сельского хозяйства. Борьба за большой хлопок означала, таким образом, борьбу за коренное переустройство всей жизни народа, за социализм.

Так смыкались классовые интересы узбекских трудящихся с интересами всей Советской страны. Не хлопок любой ценой, не хлопок для России, а **социалистический** хлопок, продукция социалистического сельского хозяйства, в каждом грамме которой — концентрат всеобщего труда: уральского рабочего, отковавшего лемех для плуга; питерского профессора, читающего с кафедры Ташкентского университета лекции вчерашним чабанам; врача, оставившего дом и практику в Виннице, чтобы лечить джизакских ребятишек от трахомы; маститого режиссера, эстета и

чуточку сноба, опекающего первую группу будущих профессиональных узбекских актеров; геодезистов и топографов, белобрысых и дочерна загорелых, шагающих с рейками и планшетами по сланцево-твердым, растрескавшимся такырам, — труд бодрствующего в полночь поливальщика-мираба, которому шестое чувство помогает безошибочно определить срок, когда надо поить землю; усилия миллионов пахарей и кетменщиков; мужество девчонки из земельной комиссии, пробирающейся под свист кулацких пуль из кишлака в кишлак; терпеливость и трудолюбие узбекской женщины, чьи пальцы даже с осенней земли, рассыпавшейся сухими комьями, подберут самую ничтожную дольку волокна.

Но переход к социализму означал и окончательную ломку сложившихся в течение тысячи лет (если считать со времени арабского завоевания Средней Азии и принятия ислама) обычаев, этики, жизненного уклада. Не мог этот процесс свершаться бескровно и гладко, и не одни лишь классовые враги восставали против нового: коллективного хозяйства, раскрепощения женщин, школ, в которых не вдавливают в детские головы заумные суры из Корана, а учат тому, что земля круглая. Да, был бай, притаившийся, как ему казалось, до поры; революция лишила его богатств, гарема, власти, раболепного преклонения со стороны черного люда. Был полным ненависти мулла, к успокоительным и сладким речам которого относились все с большим недоверием, потому что рядом с мечетью, в красной чайхане, агитаторы-комсомольцы читали лекции о дарвиновском учении и показывали «волшебным фонарем» картинки, разоблачающие лихоимство и ханжество служителей культа. Был кулак, который уже не мог безнаказанно мытарить батраков, жиреть за их счет; все они бесились от злобы, не желая примириться с неизбежным концом.

И была масса — Эшматы и Ташматы в дедовских чапанах, из которых торчала пожелтевшая вата; у каждого в приземистой кибитке, покрытой оплывшей глиняной крышей, дюжина босоногих, чумазных ребятишек, нетерпеливо протягивающих тощие руки, покрытые красными цыпками, к единственной лепешке.

Первые не желали слышать о новом строе. Они могли только ненавидеть и вредить, открыто ли, тайно ли.

Вторые сердцем чуяли, что правда на стороне тех, кто назывался «большевик», узбекским устам проще было произнести «балчибек», — кто уже дал беднякам землю и воду, прислал не требующего платы фельдшера и запретил баю, уже закидывавшему было глаз за бедняцкий дувал, увести в свой гарем двенадцатилетнюю любимицу дочь. Но воспитаны они были в слепой вере и покорности, на которых с добавлением изрядной толики

крови замешен ислам; убеждены были, что за земной юдолью последует вечное блаженство для души в мире потустороннем. Мудрено ли, что подчас и рваный халат прижимался к плечу, обтянутому блестящим бекасамом.

Жизнь поторопилась трагично подтвердить, как нелегка задача, стоящая перед Юсуповым. Он едва успел принять дела, еще не освоился с большим кабинетом, обставленным по-старинному тяжеловатой мебелью, еще не разобрал до конца накопившиеся почти за месяц бумаги: циркуляры, письма, жалобы, — когда вздрогнул, по-особому задребезжав, будто возвещая звонком о беде, массивный деревянный телефон. Юсупов снял трубку, вскочил, еще не веря в происшедшее, думая, что ослышался; но ошибки не было: секретарю ЦК сообщили, что два часа назад в Ферганской долине зверски убит шейхами — духовной мусульманской знатью — и подстрекаемой ими толпой Хамза.

Если сказать, что Хамза Хаким-заде Ниязи был первым советским поэтом и драматургом, композитором и режиссером, педагогом и публицистом в Узбекистане, то эта характеристика даст лишь самое приблизительное представление о выдающейся личности, о необыкновенном человеке, в котором с полнотой, встречающейся нечасто, воплотились лучшие стороны народного гения и лучшие черты революционера.

Русский стихотворец Николай Тихонов сказал о Хамзе, что этот певец братства народов, убежденный интернационалист, был истинным коммунистом и может быть внесен в любую золотую книгу Почета, но он уже внесен в золотую книгу Почета народной памяти и стал известен всем: и своим творчеством, и подвигом своей жизни. Была она до обидного коротка, как, впрочем, у многих гениев. Хамза родился 7 марта 1889 года в старинном городе Коканде, в семье бедного, но образованного человека, лекаря Ибни Ямин Ниязоглы. Спустя сорок лет, в том же весеннем месяце марте, в пору цветения садов, Хамза был не просто убит, а растерзан врагами нового строя, врагами революции, певцом и солдатом которой он всегда оставался.

Время родило «Марсельезу» и «Варшавянку». Для узбеков бессмертный дух революции заключен в песне «Эй, рабочий!». Слова и музыку ее сочинил в 1921 году Хамза:

Эй, угнетенный, эй, рабочий,
Пришла твоя пора — вставай!
Не выпускай из рук свободы.

Да сгинет шах, да сгинет бай!

Хамза и его друзья, из которых он составил первую в Средней Азии труппу актеров, бросили эту песню в народ, а люди труда подхватили ее как знамя и понесли с собой в сражения.

И для Юсупова песня эта, впервые услышанная на митинге в пыльном селении Каунчи, прозвучала откровением и призывом. Он любил слушать ее и даже потом, уже на склоне жизни, включал, когда она звучало в передаче, приемник на всю мощность, чтобы из репродуктора лился со всей силой мужественный голос бессменного исполнителя песни «Эй, рабочий!», известного артиста Саттара Ярашева.

В автобиографии Хамзы, уместившейся на шести страницах, чаще всего встречаются слово «школа» и «просвещение». Он называл себя учителем. В народе жили его песни — семь сборников, названные именами цветов. Он сам положил свои стихи на музыку, используя фольклорную основу. Театры и самодеятельные труппы ставили его пьесы, о которых он говорил: «Посмотрите и поучитесь на показанных вам примерах». Очевидцы помнят, как плакали в зале, как, проникнутые верой в правду происходящего, зрители со сжатыми кулаками бросались на артистов, изображающих лихоимцев и притеснителей. Его стихотворное обращение «К узбекской женщине» («Из темной жизни выходи, зарею светлой будь»), элегия-плач «На смерть Турсуной», посвященная отважной девушке, которая, не страшась угроз, стала первой узбекской актрисой («Продолжать борьбу, сестры, нужно нам, гибель Турсуной учит вас тому»), были факелами, осветившими дорогу для «худжума», так называлось наступление на феодально-байское отношение к женщине.

Сам же Хамза последние месяцы своей жизни провел в кишлаке, который теперь называется Хамзаабат. Он собирал бывших батраков и бедняков в артель, заботился об открытии красной чайханы и памятника В. И. Ленину перед ней; о посадке леса по склонам гор, окаймляющих дивный по красоте кишлак. Не скрывая радости, как о великой победе, писал Хамза незадолго до гибели, что «...своей агитацией мы из общего числа семидесяти домохозяев привлекли около пятидесяти...». И еще — как о большом грядущем событии: «Мы намерены построить Дом дехканина».

Он вызывал церковников на открытый бой. В Шахимардане находится мавзолей одного из мусульманских святых, так называемый мазар. К нему приходят на поклонение верующие из самых отдаленных мест. Отсюда такое обилие шейхов в небольшом горном кишлаке. В годы гражданской

войны в мазаре укрылся окруженный басмачами небольшой красноармейский отряд. Шейхи, почитавшие кощунством даже прикосновение к мазару грешными руками человека, не принадлежащего к духовенству, в этом случае выдали фетву — благословение на то, чтобы мазар был обложен соломой и подожжен.

— Как же вы могли сжечь святую гробницу? — спросил в упор Хамза. — Да и святая ли она вообще? — Худощавый, лобастый, с пронизывающим взглядом, он стоял перед бородатыми надутыми служителями аллаха как судья.

Шейхи смолчали. Они выбрали другой час, чтобы расправиться с Хамзой.

Уже впоследствии на суде, на котором присутствовал и Юсупов, убийцы сознались, что не решились бы на крайний шаг, из страха за собственную шкуру, разумеется; но Хамза был страшен не только для тех, кто обирал невежественный народ в Шахимардане. Они-то, враги, понимали подлинное значение этой огромной фигуры; каждое слово Хамзы было шашкой динамита, взрывавшего мир, построенный на угнетении и лжи. Его устами говорила правда, а тиранам испокон веку было угодно, чтоб подобные уста молчали. Он же в день гибели радовался тому, как бойко научился читать замурзанный Худайкул — девятилетний сын дехканина. В переводе имя это означает «раб божий». Оно тоже упоминалось в суде.

С наганом под подушкой спали коммунисты. Бой не прерывался. В кишлаке, где еще не умолкли вопли плакальщиц над телом убитого комсомольца, появлялся боец агитпропа в выгоревшей комиссарской фуражке или в чувстской тубетейке — белые стручки по черному полю, — плотно сидящей на стриженной голове. Он говорил о первой пятилетке, о тракторах и колхозах, о людях, для которых только та незабвенная эпоха могла найти точное имя — ударник. Он призывал почтенных аксакалов садиться за парты, а женщин — сбрасывать паранджу, жить с высоко поднятой головой. Из темного угла чайханы доносилось шипение вражеского подпевалы; на горной тропе под ноги коню, на котором товарищ красный агитатор, пробирался в соседний кишлак, скатывались, грохоча, камни. Злые тени бродили всю ночь вокруг сельсовета, где он ночевал. Враги новой жизни не уступали. Как все обреченные, они полагались на террор. Как все обреченные, они не в состоянии были понять, что террор лишь рождает сплоченность и множит ряды в другом стане.

Назира — сестра Усмана Юсупова — стала партийным работником. В апреле 1929 года, окончив в Ташкенте партийные курсы, она возвратилась в Каунчи и была назначена заведующей женским отделом райкома партии. Очень похожая на брата, с полными щеками, придававшими ее чернобровому лицу доброе выражение, взялась за дело не только трудное, но и опасное.

Должность заведующей женотделом в 1929 году не давала вспомнить о себе. Так и случилось с Назирой Юсуповой, возглавившей по партийному долгу раскрепощение своих подруг в районе, испокон веку кишевшем самыми яркими ревнителями ислама. И тут следует напомнить о положении женщины на Востоке, столь отличном не только от европейского, где не отзывало эхо средневекового рыцарского преклонения, но и от российского, где совсем недавно скручивала в бараний рог дюжих волжских мужиков горьковская Васса Железнова, а до того царствовали гласно Екатерины и Елизаветы, а кузнец Вакула, исполняя каприз очаровательной Параси, мчался верхом на черте в стольный град Питер за царскими черевичками. Был, разумеется, рядом и домострой, и кулаки пьяного Ивана, но при всем этом жизнь русской женщины, нередко правившей и домом и мужем, узбечке показалась бы сказочно достойной человеческого звания.

Жизнь, а точнее, существование узбекских женщин, положение их в обществе было основано на непререкаемых догмах Корана. Вот одна из них, весьма красноречивая в своей недвусмысленности. В главе 4-й — «Жены», в стихе 38-м читаем: «Мужья стоят выше жен, потому что бог дал первым преимущество над вторыми и потому что они из своих имуществ делают траты на них... Тех, которые опасны по своему упрямству, вразумляйте, отлучайте их от своего ложа, делайте им побои».

Такова даже несколько сдержанно звучащая теория. На практике рекомендация «вразумляйте и делайте побои» осуществлялась так: в 1842 году по приказу кокандского хана была зарезана вместе с шестью ее детьми поэтесса Надира. Ее предупреждали, чтоб не сочиняла песен, но она была, выражаясь языком того же Корана, упряма.

На конных базарах глашатаи сообщали во всеуслышание, впрочем, не без уныния: «Правоверные! Знайте, что верблюды подешевели, но женщины, увы, подорожали».

Из более поздних, уже послереволюционных времен. Лидия Августовна Отмар-Штейн, видный партработник, вспоминала, как осенью 1921 года направилась на рынок и случайно встретила своего сослуживца. Поговорив несколько минут, они разошлись. И тут же у Лидии Августовны

за спиной появились два наездника в милицейской форме. Они заявили, что она арестована за беседу с мужчиной на улице.

В начале двадцатых годов в Ферганскую долину приехала молодая женщина — корреспондент «Известий». На вокзале города Намангана с ней случилось происшествие, едва не окончившееся плачевно. На базаре она купила национальный женский костюм и пышные серебряные украшения для волос, серьги и браслеты. Вернувшись в вагон, журналистка заплела косы и нарядилась в узбекское платье, а затем выглянула в окно купе. Тотчас же начался гул, и собралась толпа мужчин, которые угрожающе кричали ей что-то по-узбекски. Лица их и мелькавшие кулаки не предвещали ничего доброго. Как оказалось, они вообразили, что женщина эта местная уроженка и не только сбросила паранджу, но и собиралась бежать из Ферганы.

В эпизоде этом присутствует тень юмора, но в тот же день неподалеку от Намангана в кишлаке Ассакке произошло убийство. Муж-хозяин зарезал жену, сбросившую черную сетку, закрывавшую ей лицо. То был не единственный случай...

Только в первой половине 1929 года в Узбекистане было зарегистрировано 226 убийств, связанных с раскрепощением. В АлтыАрыке учительница Сатылганова была убита своим братом. В Избаскентском районе жертвой фанатиков стала делегатка, депутат Совета Тахта-биби Балтаева.

Но уже появились в длинных списках жертв рядом с женскими и мужские имена: «Уполномоченная по раскрепощению женщин в Шафрикане Хадича Гаипова и ее муж». В Каунчи (туда как раз и была направлена на партийную работу Назира Юсупова) вместе с двумя открывшимися женщинами был убит секретарь партячейки Газыханов, вставший на их защиту.

Борьба против затворничества, против вековых предрассудков, позорящих и унижающих женщину, по самой сути своей была проявлением революционности, которая вела к уничтожению феодального быта.

Лозунг «худжум» был брошен в 1926 году, на третьем Среднеазиатском совещании работников среди женщин. Впервые сказал о наступлении — развернутой массовой борьбе с затворничеством — И. А. Зеленский, председатель Средазбюро ЦК ВКП(б). Но само движение возникло гораздо раньше, буквально сразу же после победы социалистической революции. В Ташкенте, в Доме имени Луначарского, в 1920 году, в день открытия Всетуркестанского съезда женщин, на стенах висел написанный неровными буквами и стилем примечательный лозунг:

«Только совместная работа мусульманки и русской работницы поможет устроить жизнь на новых, лучших началах». В стоптанных галошах на босу ногу, в веревочных лаптях (водилась в Средней Азии и такая обувь) выходили на трибуну делегатки: узбечки Джахан Абидова, Таджихон Шадиева, русские Ольга Попова, Анна Аксентович (кстати, свободно владевшая местными языками). На съезде выступил с речью М. В. Фрунзе, командовавший Туркестанским фронтом: «В борьбе с экономической разрухой мужчинам без женской помощи не справиться». Вновь прозвучало с высокой трибуны признание восточной женщины равноправным строителем социализма. Ида Исааковна Финкельштейн, член партии с 1917 года, жена расстрелянного контрреволюционерами ташкентского комиссара, рассказала собравшимся о героических делах их подруг в России, где она недавно побывала; о том, как преодолевая и голод и нужду, строят работницы Петрограда, крестьянки Вятской губернии новую жизнь.

В дни работы съезда пять узбечек-делегаток сбросили с себя паранджу.

Великое чувство классовой солидарности всегда вело европейских женщин-коммунисток в массы. Они в буквальном смысле просвещали — открывали свет своим обездоленным подругам. Одним из первых, кто оцепил опасность этой работы для притеснителей всех мастей, был, в чем, впрочем, нет ничего странного, небезызвестный. Ф. Бейли, английский разведчик, руководивший так называемой «военно-дипломатической миссией» в Туркестане. Не без внутреннего сопротивления вывело его перо следующее признание: «Больше всего я боялся Финкельштейн, которая вела против нас работу среди женщин и детей в Старом городе»^[4].

В полном соответствии с внутренними законами, определенными Марксом и Лениным, революционная ситуация нарастала постепенно и привела, когда для этого созрели предпосылки, к взрыву — «худжуму». И хлынул могучий весенний поток, сметая со своего пути все препоны, а было их немало.

Было сопротивление и активным и пассивным. Какое хуже — трудно сказать.

Письмо, составленное не без витиеватости и восточного иезуитства и адресованное активистам и активисткам одного из кишлаков: «Пусть дойдет скоро, чтоб было получено в воскресенье.

Жителей наших вы очень обижаете тем, что мужчины и женщины бывают вместе. Ничего странного не будет, если мы еще до айтрамазана^[5] явимся к вам. Вас, женщин и учителей, ждет наказание: мы будем вас

закапывать живыми в землю, отрезать руки, языки, бросать вас в реку.

Нас 80 человек. Если вы не услышите нашего предупреждения, то тем сами подготовите себе смерть».

Угрозы, как уже отмечалось, не оставались лишь на бумаге.

Заявление 35 женщин из Янгиюльского района в женотдел, которым руководила сестра Юсупова Назира: «Местный торговец не продает нам никаких товаров и оскорбил за то, что мы открылись. Мы написали заявление начальнику милиции, а он ответил: «В дела торговца вмешиваться не можем, а насчет оскорбления требуются свидетели».

Значит, заявления 35 женщин ему мало!

Были случаи, прокуроры прекращали дела, связанные с сопротивлением раскрепощению.

ЦК КП Узбекистана по представлению женотделов принял специальное постановление о защите женщин, снявших паранджу. Оно обязывало дела по этому вопросу рассматривать вне всякой очереди, строго карать всех, кто оказывает активное или пассивное сопротивление «худжуму».

О том, чтобы претворить это по-революционному решительное постановление в жизнь, заботился Усман Юсупов. Это постановление приходилось осуществлять повседневно его сестре Назире, заведовавшей женотделом райкома.

Не только внешностью, но и характером она была очень похожа на брата, который был старше ее на четыре года. Подвижная, улыбчивая, переполненная энергией, жадной деятельности, но несуетливая, точная в движениях и когда укладывала под тюбетейку длинные косы, и когда легко садилась на коня. В четырнадцать лет шила мешки на том же хлопкоочистительном заводе. Зарабатывала немного, но была счастлива, потому что находилась среди рабочих людей, в коллективе, где стозвонно отзывалась каждая новость. Она поступила на курсы по ликвидации безграмотности, научилась вскоре говорить по-русски, но подлинным университетом была для Назиры и ее народа сама эпоха. В двадцать лет она вступила в партию. Необходим был тот недюжинный запас сил, целеустремленности, упорства, многих достоинств, составляющих талант бойца революции, чтобы вынести на своих плечах нелегкую ношу работы — и в цехе, и партийной. Назира сразу же стала активисткой женотдела; еще раньше она и ее мать первые в Янгиюльском районе сбросили паранджу. От первого встречного, еще даже не мужчины, а подростка, с закурчавившимися редкими волосками на щеках, она слышала ставшую потом привычной, словно приветствие, угрозу: «Обмотаем косы вокруг

шеи и повесим на первом суку». Подруги вызвались возвращаться с работы вместе с Назирой, но и тогда вслед нередко летели камни.

Назира не отступала, и вскоре ее лишь провожали косыми взглядами и сплевывали себе под ноги, правда, и тут опасливо, потому что знали: брат Назиры Усман и его товарищи — парни неробкие, да к тому же и поражало, и пугало всех, кто не представлял, как же это вдруг рухнет тысячелетиями складывавшийся быт, то, что Усман, мужчина, брат, обязанный по шариату опекать нравственность сестры, хозяин ее жизни до той поры, пока не продаст ее за приличный калым мужу, — как это он не только терпит, но и благословляет бесстыдство, готов грудью закрыть и от взгляда, и от ножа и Назиру и мать, — то был вызов и бой, и реакция окружающих не ограничивалась одним лишь словесным неодобрением.

Семья Юсуповых была одной из первых, а за ней пошла масса.

Едва спала дневная жара, в кишлаке Ниязбаш на пыльной площади собрались все мужчины. (Босоногие мальчишки, мелькая потрескавшимися пятками, загодя разнесли по селению весть: в сельсовет приехали представители из района, будут вести речь о новой жизни.)

Седобородые старейшины, храня безмятежность на морщинистых лицах, заняли почетные места на ветхом помосте в чайхане. Дехкане помоложе стояли у них за спиной, насупившись, глядя под ноги. На почтительном расстоянии от них сгрудились йигитлар (парни). Нет-нет да и поглядывали выжидающе на обитую потрескавшейся клеенкой дверь сельсовета. Гул пронесся над толпой, когда оттуда вышел прихрамывающий председатель, а с ним — женщина в широком платье. Большеротая, смуглая, она смотрела на мужчин открыто, смело, приветливо.

— Послушаем, земляки, что нам скажет сейчас представитель райкома, товарищ Назира Юсупова! — прокричал председатель.

— Такой же товарищ, как овца скакуну! — выкрикнул сзади насмешливый голос. В группе парней глуповато заржали.

— Умолкни-ка лучше, Юнус-байбача!^[6] — посоветовал председатель. — Не мутит народ. Будто не знаешь, что перед Советской властью все равны: и мужчины и женщины.

— Ага, — вроде бы поддержали опять-таки из задних рядов. — Вон твоя внучка плачет. Взял бы да покормил ее титькой!

Теперь зашумели возмущенно бедняки, начали оглядываться на говорившего, кто-то поднял жилистую руку. Назира отстранила растерявшегося председателя сельсовета, подошла к краю крыльца. Нет,

она не обиделась, не рассердилась. То, что происходило сейчас в Ниязбаше, было привычным. Начиналось очередное сражение, и, как опытный боец, Назира Юсупова стала лишь собранней и решительней. Она говорила о коллективном хозяйстве. У нее были цифры и факты о жизни первых узбекских колхозов, и она приводила их, рассказывая о кишлаках, где дехкане впервые ощутили блага, которые приносит совместный труд на себя и дружеская взаимопомощь: о сытых детях, о ситце в кредит, о собственной школе, о тракторах. И об узбечках, которых на деле признали людьми.

Сама речь этой женщины, которая с достоинством и сознанием собственной силы глядела прямо в глаза десяткам мужчин, завораживала, рождала доверие к каждому слову ее.

Тот же вражеский голос вновь попытался прервать Назиру, но теперь его остановили куда решительней.

...Ее подстерегли, когда стемнело. Шестеро мужчин окружили Назиру; они топтали ее ногами, душили. Уже убегая, самый трусливый несколько раз кряду воткнул в ее уже неподвижное тело кривой нож. Дочь ее Кундуз станет отныне дочерью Усмана Юсупова.

Летом того же 1929 года Усман Юсупов женился на Юлии Леонидовне (Логвиновне) Степаненко. Как уже замечено, браки между людьми различных национальностей были мусульманской религией не только запрещены, но и считались первейшим святотатством. Человека, отступившего от предписания, установленного шариатом, подвергали всяческому преследованию, вдохновителями которого были муллы и исламские фанатики. Жениться в старом Туркестане, к примеру, на русской девушке означало объявить открытую войну многочисленным адептам мусульманской морали. Примечательно, что одним из первых восстал против нелепого устоя, лишившего счастья не одну влюбленную пару, все тот же Хамза Хаким-заде Ниязи. В кары небесные он не верил, земными угрозами пренебрег и женился на Аксины Уваровой. Разъяренные священнослужители восстали против Хамзы всех и вся. Жизнь на родине стала для него и его русской жены невыносима. Он вынужден был в конце концов, спасая Аксины, отправить ее в Россию, а вскоре и сам должен был покинуть Коканд и несколько лет скитался по Индии и Аравии, прежде чем смог возвратиться в Туркестан.

Революция сразу же отменила нелепые ограничения человеческой свободы, в том числе и ту, о которой идет речь. Время религиозного засилья кончилось, однако же давно замечено, что окончательно побеждает революция не на баррикадах, а в нравах, в психологии людей. До этой

победы в Узбекистане, каким он был в 1929 году, было еще неблизко.

Излишне говорить, что Усмана Юсупова мнения и взгляды, мгновенно отставшие от стремительного хода жизни, ни в коей мере не ограничивали. Но он не мог не учитывать их как секретарь ЦК и здесь был рад возможности личным примером подтвердить торжество новых норм общественной морали. На обычный в подобных случаях вопрос, который ему-то, прочем, задать не смели: «Что скажут люди?» — ответил бы: «Скажут, что сами убедились: при Советах для того, чтобы жениться, нужна только любовь, а потому еще раз: «Да здравствует Советская власть!»»

Не на словах, на деле, каждым поступком своим восставал против националистов, откровенных и скрытых, тех, что ничтоже сумняшеся надеялись едва ли не примирить с социализмом ислам. (Бесплодная идея, родившаяся на заре века, но вот же и поныне занимающая головы иных зарубежных политиков...)

«Была бы любовь...»

Любовь была.

Никогда не принимавший всерьез такое понятие, как предначертание судьбы, он тем не менее в иные минуты с восхищением, окрашенным, впрочем, юморком, затаившимся в темных глазах, говаривал:

— Батя твой, Юлька, мудрый человек, честное слово! Взял когда-то, поднялся и привез тебя с Украины сюда. Если бы он так не сделал, я бы просто как сирота был бы.

В судьбе Логвина Степаненко, отца Юлии, наглядно отразилось время. Судьба эта заслуживает того, чтоб с ней познакомиться ближе.

В начале века город Харьков был не так велик, как ныне, и потому многие знали сильного сероглазого парня по имени Логвин. Имя редкое даже для Украины, отличающейся известной пестротой прозвищ и имен. Был Логвин мастер на все руки: и столяр и плотник, и в это трудное время, не боясь неизведанного, в двадцать с небольшим лет он с женой и крохотной дочерью Юлей отправился в надежде найти заработки в Ташкент.

Положив большую ладонь на плечо жены Василисы, смотрел Логвин, как кормит она Юлю сухарями, размоченными в кипятке, и повторял, что, дескать, ничего, ничего, потерпите, милые, скоро все образуется. Однако пришлось неделю-другую скитаться ему по широким тенистым улицам Нового города, застроенным аккуратными белеными особняками с палисадниками, огороженными подстриженной живой изгородью. Во дворах, на террасах под виноградниками сидели сытые хозяева: чиновники,

служившие в многочисленных колониальных ведомствах, военные, гимназические учителя с холеными женами, с хорошо кормленными детьми. В услугах сероглазого босоногого плотника, говорившего с непривычным для весьма изощренного туркестанского уха южным произношением, они нуждались редко. Рабочих, подчас почти даровых, в Ташкенте хватало. К вечеру Логвин возвращался на вокзал, где оставил семью, вымотанный непривычной жестокой жарой, устало опускал на землю деревянный ящик с инструментами, молчал, отворачиваясь от Василисы и дочери, без вины виноватый перед ними.

Само собой случилось, что перестал он искать работу в Новом городе, за тихими благополучными улицами которого следило недреманное око городских, а пристал к артели грузчиков здесь же, на станции. Двужильные эти люди с набитыми ватой, пропитанными потом валиками на согбенных плечах, обвязанные лохматыми веревками по животу, соперников не жаловали, но Логвин покорила их тем, что испокон веку уважалось в мужском кругу, — силой и хваткой.

Он стоял в сторонке от платформы, наблюдая, как четверо мужиков пытаются снять и погрузить на подводу заботливо укутанное в рогожу пианино. Действовали грузчики неслаженно, мешали друг другу, и в Логвине разыграло ретивое.

— А ну-ка, хлопцы, дайте я, — сказал он, отодвинул их плечом, ловко обвязал пианино веревкой, взвалил его себе на спину и, хотя и не без усилий, понес один на удивление окружающим, к великому удовольствию владельца инструмента, представителя опальной ветви дворян Оболенских, еще статного пятидесятилетнего мужчины в выгоревшем под туркестанским солнцем, мундире со следами эполет.

Оболенский, вздыхая и посмеиваясь, процитировал некрасовские строки о Руси, о ее неисчислимой силушке и дал Логвину серебряный рубль.

Логвин Степаненко прижился на станции. Житейское море что ни день выбрасывало на теплую ташкентскую пристань то расстригу-семинариста, то спившегося чиновника, сквернословия и умницу, то скромного мастерового, у которого в сундучке под двойным дном лежали тоненькие брошюрки на желтой бумаге с именем автора — В. Ленин. С помощью этих доброхотных учителей выучился Логвин читать и начал разбираться в жизни.

Жила семья в глинобитном домике, в одном из многочисленных «шанхаев», лепившихся по берегам быстрого, мутного Салара и вокруг Госпитального рынка. Логвин снимал в одной из лачуг комнатку — без

пола, с низким потолком (вставая, касался головой полуистлевших камышинок). Там в 1911 году родилась вторая дочь, названная Полиной. Степаненко к этому времени, как полагали не без зависти многие бедняки соседи, уже выбился в люди. Сноровистого, неутомимого в работе, его взяли в проводники.

Ночью на глухой станции Аральское море, пока ждали встречного поезда, услышал, как подслеповатый телеграфист рассказывал сонному, но вмиг встревожившемуся дежурному по станции о том, что в Петрограде революция, царь отрекся от престола, Россия объявлена республикой. Весть захлестнула, но до победы было еще далеко. В Ташкенте вскоре после того, как Логвин вернулся из поездки, состоялся I краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. В краевой Совет вошли главным образом меньшевики и эсеры. Они заявили о своей преданности Временному правительству Керенского, бывшего присяжного поверенного из Ташкента. Логвину был знаком его кирпичный особняк неподалеку от Ходжентской улицы, а потом, когда об Александре Федоровиче заговорили как о новоявленном правителе России, он припомнил, что был когда-то среди его пассажиров такой вот невзрачный надутый человечек с жесткой рыжеватой прической-бобрик. Логвин словно видел, как он стоит на узкой трясущейся площадке и рассматривает выпуклыми водянистыми глазами скучную казахскую степь. «Эх, знать бы... Вот когда — толчок, и под колеса во имя трудового народа...»

Но Логвин Степаненко, тридцатилетний ташкентский железнодорожник, уже понимал, что свергать надо не Керенского, а власть буржуазии.

В Ташкенте, во всем Туркестанском крае возникали массовые организации трудящихся: и русских, и местной бедноты. Летом был организован профсоюз узбекских рабочих-строителей. Его возглавили первые революционеры-узбеки: С. Касымходжаев и А. Бабаджанов. В Самарканде объединились швейники, в Андижане — кожевники. Вернувшиеся домой, мобилизованные еще царским правительством так называемые рабочие-тыловики создали «Совет мусульманских рабочих депутатов». Тогда же, в июне 1917 года, возник союз трудящихся мусульман (Ислам Мехнаткашлари Иттифаки) в Коканде. Е. А. Бабушкин сам занимался этим союзом и добился, чтобы в нем укрепилось большевистское влияние. Активные деятели союза трудящихся мусульман — Ю. Маткаримов, У. Шукуров, А. Мирпулатов — стали одними из первых узбеков, вступивших в большевистскую партию.

В «Очерках истории Коммунистической партии Узбекистана»

отмечается важнейшее явление: «Между организациями местной бедноты, Советами и профсоюзами русских рабочих шел непрерывный процесс сближения, обмена представителями, что затем на основе борьбы против общего врага привело к созданию единых многонациональных Советов и других массовых организации трудящихся».

Когда в сентябре 1917 года, в погожий благостный день, в Александровском парке волновалась толпа: рабочие, солдаты, студенты, — Логвин Степаненко (он был здесь же, в группе железнодорожников) с великой радостью замечал и смуглых людей в тюбетейках. Страсти бурлили не только потому, что речь на митинге шла о борьбе с хозяйственной разрухой, а проще о том, как обеспечить трудящийся люд работой и хлебом; многие еще не разобрались, на чьей стороне правда, за кем идти. Лозунги заманчивые были и у левых эсеров, и у меньшевиков, и даже у анархистов. Все же в ревком, который был избран на митинге, вошло пять большевиков (столько же эсеров), а в исполкоме большевики получили одну треть мест. И резолюция была одобрена большевистская. В ней выражался протест «против действия краевого Совета, который не стоит на защите рабочих и солдат и ведет политику соглашательства с буржуазными партиями»^[7].

Спасая свою власть в крае, с которым его связывали не одни сентиментальные воспоминания (если Индия была жемчужиной в английской короне, то Туркестан, несомненно, — в российской), Керенский направил в Ташкент карательную экспедицию генерала Коровиченко. Генерал действовал, не только опираясь на штыки, но и весьма надеясь на раскол и даже распри между Старым и Новым городом. Он приложил немало усилий к тому, чтобы возбудить мусульманскую знать, которая сама уже почувствовала, какую угрозу для нее таит в себе единый фронт местного и российского пролетариата. Баи, муллы со своими приспешниками прибегали ко лжи, к запугиванию, а потом, как обычно случается с неправыми на пороге бессилия, пустили в ход и ножи. Но узбекский трудовой люд уже почуял бедняцким сердцем, на чьей стороне правда.

В самом центре Ташкента, у курантов, установлен мраморный обелиск с высеченным на нем изображением ордена боевого Красного Знамени. Этот орден — награда пролетариату узбекской столицы, который буквально вслед за питерскими рабочими поднялся на бой против Временного правительства.

Казаки и юнкера генерала Коровиченко исступленно и бесполезно для себя штурмовали железнодорожные мастерские — «рабочую крепость».

Офицерство бесилось еще и потому, что их отлично обученные и вооруженные люди не смогли сломить сопротивления черни. Среди сражавшихся был и Логвин Степаненко — вожак отряда проводников. Он ликовал вместе с товарищами, когда к ним в «рабочую крепость» пробилась на помощь дружина рабочих-узбеков.

Выдержав натиск, большевики повели народ в наступление. 1 ноября пала военная крепость — последний оплот врага. Революционное восстание в Ташкенте победило.

Ноябрьские ночи сыры и холодны, но семья Степаненко спала на земляном полу. Боялись пуль. По темным улицам шастали банды недобитков и провокаторов. Случалось, стреляли прямо в окна рабочих лачуг. Опасаясь, что девочки простудятся, Василиса застилала пол всем тряпьем, которое хранилось по бедняцкой привычке «на всякий случай». Слава богу, вернулся домой Логвин живой, невредимый, только печальный: на его глазах убили кума и друга Холявко. Уже после победы пустили пулю в спину из-за угла.

Логвин рассказывал о боях. Вспомнил и мальчишку-узбека из старгородской дружины. Тот с палкой в худых руках кинулся на казаков. «Зазря погиб», — сказала Василиса. «Не зазря, — сердито ответил Логвин. — Ладно, спите».

Он и прежде любил повторять: «Настанет новая пора, заживем, дочки!» Теперь сбывалось. Переехали в комнату в хорошем доме. В школе-семилетке учились обе девочки. Юлю, старшую, одноклассники любили и побаивались; прямота ее суждений граничила с резкостью. Зато решать все споры шли к ней. Строга была не только к другим, но и к себе. Почти беспощадна. Когда в школе (трудовой не только по названию) ввели педагогическую специализацию, ходила несколько дней угрюмая, а потом подала заявление, чтоб перевели в другую школу. «Из меня учительница не получится. Незачем обманывать себя и других».

Логвин Степаненко, — в 1919 году он вступил в партию, — выполняя поручение станционной ячейки, по случаю занялся разбором дела о вагоне с испортившейся шерстью; предполагали саботаж, оказалось — обыкновенное разгильдяйство, халатность. Чтобы установить истину, пришлось влезть в суть не только хранения, но и производства, а дальше его начали использовать уже как спеца по шерсти, так что вскоре назначили заведующим шерстомойкой в Келесе, а потом директором акционерного общества по производству шерсти. Проснулись в Логвине Степаненко благодаря отрадным переменам способности, о коих он и не подозревал, хотя унаследованы они были, наверное, еще от безвестных предков,

выделывавших славные полтавские рыжие смушки. Жили дружно, хотя и побаивались отца. Выдержан, но, если наступят на мозоль, держись! Возвращался поздно, усталый, в хорошем настроении — для всего дома радость. Он умел удивить неожиданным. Привезет гитару — и Полине: «Учись, играй». Полина была в отличие от старшей смешлива, тянулась к театру. Вечерами в доме читали вслух Чехова. В выходной день вдруг повезет дочек на Воскресенский базар на площадь, где ныне цветной фонтан и оперный театр. Тогда же она была сплошь облеплена магазинами, разномастными лавчонками. Нравилось ему самому выбирать для дочерей лаковые туфли на каблучке. В таких случаях не жалел денег, а выходная юбка у сестер, когда они подросли и выровнялись, была, между прочим, на обеих одна-единственная даже в ту пору, когда Юля уже окончила школу и по комсомольскому направлению стала заведовать отделом галантереи в одном из самых больших ташкентских магазинов на Воронцовской улице. Общую бедность, общенародную судьбу, не падая духом, свято веруя в светлое будущее, в полной мере разделяла со всеми семья Степаненко.

Комсомолка Юля, как многие, была рыцарски верна идее, которая жила в сердце и без которой жизнь становится пустой. Строгого взгляда красивой коротко стриженной девушки в жакете мужского покроя боялись не только ловчицы, но и те работники прилавка, которые не видели особого греха в том, чтобы продать дефицитную вещь не гражданину, выстоявшему в длинной очереди, а племяннице или дяде.

Ее любили, потому что, как ни меняются эпохи, честность и преданность людям остаются немеркнущими ценностями.

В мае 1929 года Юлия приехала в Самарканд на съезд комсомола. Ей дали слово в прениях, и она крыла (вышло-то словечко из употребления, а жаль...) перестраховщиков и бюрократов из треста, растяп, ротозеев и тех, у кого липкие руки. Говорила дельно, но по молодости, с непривычки, сбивчиво, запальчиво, а когда постукала маленьким кулаком по трибуне, по залу даже пронесся смешок, но не осуждающий, а одобрительный. Очень уж искренна была эта девушка и хороша. Вот здесь-то и обратил внимание на нее Усман Юсупов.

Юля села на свое место в зале как в полусне. Говорил уже кто-то другой, его внимательно слушали, а ей казалось, что в мыслях у всех только она, ее речь, которая казалась ей сейчас неубедительной, пустой. Мучило то, что упустила, как он казалось, главное, но, когда к ней в перерыве подошел худощавый молодой человек в европейском костюме и тюбетейке и, улыбаясь одними глазами, сообщил, что с ней хочет поговорить секретарь ЦК товарищ Юсупов, Юля подумала, что наболтала

сгоряча лишнего.

Не одно лишь желание расспросить бойкую комсомолку поподробнее о делах в галантерейной торговле побудило Юсупова пригласить ее в комнату президиума. Началось, правда, с этого. Юсупов — он показался Юле незаурядным вовсе не потому, что занимал высокую должность, а благодаря необычной энергии и силе, которой был полон, — помогая себе выразительными жестами, поблескивая живыми глазами, заинтересованно расспрашивая головастых парней в халатах о жизни в их кишлаках, почтительно прижав руку к сердцу, беседовал со старым учителем. Юле он кивнул, едва она вошла, радостно растянув полные губы. Когда она приблизилась, Юсупов помолчал, а потом — в этом был он весь — предложил без обиняков поехать после съезда посмотреть славный город Самарканд, где Юля Степаненко прежде не бывала. Она растерялась, — ждала-то едва ли не выговора! — не знала, как ответить, но он сказал, как о решенном, где ее будет ожидать машина.

На третий день знакомства, провожая Юлю в Ташкент, Юсупов сделал ей предложение. Он не ошибся, хотя по строгим правилам, основанным, впрочем, на опыте и здравом смысле, узнать человека, с которым соединяешь жизнь за такое короткое время нельзя. Но он ухватил главное в характере, в поведении, во взглядах Юлии на жизнь, — и безоговорочно решил: это та женщина, которая ему нужна. Как тут не сказать, что тридцать семь лет спустя, в последние свои часы, трудные не только потому, что была стеснена грудь и жизнь уходила из слабеющего тела, но и по многим душевным причинам, Юсупов, едва жена отойдет от постели, будет повторять: «Юльку позовите. Вез Юльки тяжело, невозможно».

И это будут едва ли не последние его слова.

Пока же, летом 1929 года, Усман Юсупов, волнуясь, послал телеграмму в дом к Степаненко: просил позволения на визит к матери. Вскоре вместе со своим двадцатилетним секретарем Сеней Барабашем появился Юсупов в доме на улице Кафанова.

Накануне мать, Василиса Петровна, не спала ночь. Все перемешалось: и то, что она, как обычно матери, полагала, что Юльке замуж рановато; и мучивший, непреодоленный предрассудок: выйдет за местного, а вокруг жили украинские семьи, они по привычке тянулись поближе друг к другу, и в каждом доме — такие хлопцы, как раз под стать Юлии.

Сама Юля была в не меньшем смятении. Шептались до рассвета с Полиной, хотя какой совет от нее, восемнадцатилетней, услышишь?

Мать отвечала Усману неопределенно, все отводила глаза, потом сказала:

— Пускай отец скажет свое слово.

Произошло, правда, во время визита Усмана одно событие, небольшое, но и развеселившее Василису Петровну, и расположившее ее к этому повосточному деликатному, но, чувствовалось сразу, сильному человеку. Она готовила тесто и спросила из кухни:

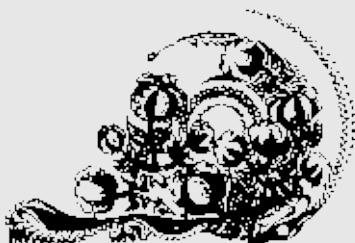
— Вам блины пресные или кислые лучше?

— Средние, — ответил Усман. Анекдот этот навсегда остался в семье.

Логвин Степанович Степаненко по делам находился в Бухаре. «Поеду к нему», — решил Усман. Нагрязнул он к отцу, вот уж воистину как снег среди знойного бухарского лета. Логвин Степанович дал ответ:

— Решайте сами.

Они и решили. В августе Усман Юсупов взял Юлю, Василису Петровну, Полину и повез их поездом в Самарканд. На свадебный вечер собрали немногих друзей. Сидели в саду. Предвечерний солнечный свет падал на густую листву урючин, таял в ней, не достигая земли. Вода обтекала чеканные пузатые кумганы с легким вином, поставленным в арык, чтоб оно охладилось, и медь тоненько позванивала. Покой и задумчивость были разлиты в воздухе, вкусно пахнущем дымком от очага (он поглядывал багровым глазом из угла двора). Порою кажется, не этот ли двор изобразил на одном из своих полотен не сразу понятый современниками упрямый и упорный Роберт Фальк? Тот самый Фальк, о котором через двенадцать лет, в страшное лето войны, секретарь ЦК КП Узбекистана Усман Юсупов лично прикажет позаботиться: устроить на квартиру, обеспечить пайком. Юсупов не нуждается в лестях, а потому не станем утверждать, что он высоко ставил Роберта Фалька как живописца. Но он был наделен великим талантом — даром руководителя, а это предполагает умение мгновенно оценивать людей и события.

4

«УЧИЛСЯ ОН РАДОСТНО»

Несомненно, есть закономерность в том, что все знавшие Юсупова вспоминают прежде всего не об облике его, тоже, впрочем, весьма примечательном, а о характере, и тут едва ли не сразу за поражающей окружающих способностью безошибочно без длительных рассуждений постигнуть истину упоминается решительность Юсупова, отсутствие в нем колебаний и сомнений даже тогда, когда на весах оказывалось собственное благополучие и спокойная жизнь. Впрочем, ни то, ни другое большой цены не имело в глазах когорты революционеров, к которым принадлежал Юсупов. Да, по праву можно называть именно так — революционерами первых узбекских коммунистов. Широкое понятие «революционер» связывается не только с участниками подпольной борьбы и защитниками баррикад; оно закономерно включает в себя передовых людей общества, действующих революционными методами; под их руководством, при их повседневном участии свершались коренные перевороты в укладе жизни, в идеологии, в семье, в быту. Свершались не сами по себе, а в жестоких схватках с контрреволюцией, принимала ли она облик басмача, щелкнувшего курком английской винтовки, старика, проклинающего сыновей за то, что они вступили в колхоз, двурушника, строящего козни против честных партийцев.

Решительность Юсупова, начисто отменявшая колебания, мучительные, увы, не только для покойного принца датского, была, впрочем, неизменно разумной, а не безоглядной, той, что строится на нехитрой формуле «была не была».

Он умел предугадать, какое значение имеет то или иное событие и для настоящего, и для будущего. Но не менее важно, что в то же время ему было присуще чрезвычайно острое чувство справедливости.

— Так будет правильно, — с неколебимой убежденностью говорил он.

— Так будет по-большевистски.

Фраза эта и характерный жест — густые брови, сдвинутые к переносице, нередко заменяли обстоятельную аргументацию, с которой Юсупов в раннюю пору своей общественной деятельности затруднялся подчас.

Теперь известно, что в ЦК республики шли дебаты; стоит ли предавать широкой огласке события, связанные с расправой над Хамзой? Существовало и такое мнение; зачем, мол, создавать невыгодное впечатление о нашей идейно-воспитательной работе в массах? А помимо этого, можем ли мы пренебрегать тем, что кое-где и дехкане, и молодые интеллигенты сделают неверные выводы о мнимой силе реакционеров? Не повредит ли это нашей организаторской, пропагандистской деятельности? Поймет ли нас народ?

— Судить надо, и на виду у всего народа, — заявили секретарь ЦК КП(б) Узбекистана Акмаль Икрамов, председатель СНК республики Файзулла Ходжаев и их молодой соратник Усман Юсупов. Они прибегли к помощи и авторитету Юлдаша Ахунбабаева, выдающегося общественного деятеля и прекрасного человека, с которым Юсупова с той поры и навсегда связала личная дружба.

Слово первого аксакала — первого старейшины — оказалось решающим. Убийц, как известно, судили при огромном скоплении дехкан. Вопреки опасливым предположениям народ, иначе быть не могло, все правильно понял и оценил. Ответом на расправу с Хамзой были вновь созданные сотни колхозов, каждый из которых желал носить имя великого поэта; комсомольцы открывали рядом с мечетями клубы и ставили на их сценах антирелигиозные пьесы Хамзы; пионеры пели его песни и клялись вырасти такими же бесстрашными, как он.

«Народ нас не поймет...» Юсупов приходил в ярость, если кто-то ненароком произносил подобную расхожую фразу. Не мыслящим себя ни над, ни около, а только всегда вместе, слитым воедино со своим народом, он негодовал, замечая тень пренебрежения к массам. Да, многие люди еще неграмотны, политическая терминология недоступна им. Но в том-то и состоит искусство пропаганды, чтобы разъяснять самые сложные партийные идеи языком, понятным вчерашнему батраку.

Да, он разговаривал с массами просто, по-рабочему, по-дехкански, но был искренен в этом. Стиль его речей был лишен и тени деланности, которая мгновенно возводит стену между аудиторией и оратором, занимая он самую уважаемую должность. Юсупова слушали часами, не замечая непогоды или зноя, позабыв об усталости.

Он брал не витиеватостью, столь ценимой искони в восточных диванах, а правдой, убежденностью, знанием психологии людей труда, умением воззвать к тому своеобразному чувству юмора, которое свойственно им. Его слова и фразы были лишены гладкости, красоты, но они рождались вот сейчас, здесь, перед этой массой, а не в тиши кабинета, загодя. Он приезжал на взмыленной лошади куда-то в пыльное селение Кермине, неподалеку от благородной Бухары. Знал, что район не выполняет планы по хлопку, колхозы бедны, разваливаются.

Собирал актив, учителей, спрашивал, как они ведут пропагандистскую работу. Ему отвечали фразами, которые на удивление быстро родились, усвоились и с той далекой поры звучат поныне — не придерешься: «Создали разветвленную сеть политпроса...», «Проводим регулярно семинары агитаторов на местах...»

— Результаты? — спрашивал он жестко.

Кто отводил глаза, кто смотрел на секретаря ЦК, не скрывая удивления: неужто он впрямь полагает, что плакат с красиво написанным агитационным текстом должен немедленно отразиться на темпах уборки хлопка?

— У кулацкой агитации результаты на лицо — за один только год в республике стало коров на шестьдесят тысяч меньше, чем было. Баи пугают: «Соберут ваших коров в один хлев, а за молоком на базар бегать будете», — и им верят. В Чукурсае, под Ташкентом, мулла всего с полчаса разговаривал с юнцами, и они убили Хосият Хасанову, уполномоченную окружкома комсомола, приехавшую создавать в кишлаке колхоз.

Их слово — лживо, наше — правдиво. Их забота о шкуре, наша — о народе. Мы же во сто раз сильнее! Так в чем же дело? — И сам отвечал: — Общими фразами разговариваем. О мировых задачах толкуем без конца, а подходить к ним нужно, начиная с того, что дехканина заботит ежечасно: от лепешки на его столе по утрам. От отреза ситца на платье для дочери. От того, обеспечит ли хлебом и мясом колхоз на зиму.

Показывал, случалось нередко, сам, как это делается. Узнавал заранее о многом, вплоть до имен местных бедняков и богачей. Шел в чайхану, к людям, и разговоры затягивались за полночь.

— Эй, Джума, сколько овец пасет твоя семья? Триста, говоришь? А семья Рахманберды? В кишлаке у сандала сидит. Что ж для тебя изменилось, Джума? Что дала тебе революция? У богача Рахманберды по-прежнему что ли день — праздник, а ты и твои дети просвета не видите. Рахманберды тебе платит, говоришь? Три барана от каждой сотни. Щедрый он, ничего не скажешь, — Юсупов вставал над собранием напряженно

слушающих, подавшихся вперед людей. — Это не колхоз, а обман! — яростно выкрикивал он. — Это контрреволюция! А настоящий колхоз вот что такое.

И тут начиналась и агитация, и пропаганда, и организаторская работа, потому что здесь же изгоняли из правления кулака Рахманберды и отдавали власть в колхозе в руки дехкан.

Особенно внимательно решали о середняках. Нередко были и в Узбекистане случаи, когда этих крестьян, умелых и трудолюбивых, не всегда, впрочем, безгрешных: не у одного, так у другого трудился на поле под видом дальнего родича батрак, — зачисляли то ли огульно, то ли по злобным, небескорыстным наветам в кулаки.

— Воспитывать их надо, а не давить. Лишить наемной силы, дать равные со всеми наделы, привлечь в колхозы. Так правильно будет.

Характерно, что в 1930 году именно под руководством Юсупова проводятся все совещания по вопросам коллективизации. Он полагал, и вполне справедливо, что выбор в пользу колхозов дехканин должен сделать сознательно. На практике это происходило не всегда так.

В марте 1930 года в ЦК из самой дальней Хорезмской области Узбекистана была получена радостная телеграмма: в Газаватском и Шаватском районах объединено сто процентов дехканских хозяйств.

Юсупов, усомнившись в правильности проведенной коллективизации, сам выехал в Хорезм, хотя путешествие на лошадях от станции Чарджоу через пустыню Кызылкум было предприятием непростым. Может, тогда еще, перебираясь верхом с бархана на бархан, страдая от усталости и непогоды, мечтал Юсупов о железном пути, который соединит Хорезмский оазис с Большой землей?

Положение на месте показало, что да, действительно, высокий уровень коллективизации достигался искусственным путем, путем голого администрирования. Дехкан принуждали вступать в колхозы под угрозой лишения их земли и воды. Нарушалось ленинское указание по отношению к середняку. Были случаи ареста, раскулачивания, лишения избирательных прав не только середняков, но и бедняков. Эти ошибки и перегибы были на руку классовым врагам, которые надеялись повести за собой недовольных дехкан, толкнуть их против Советской власти.

Нелишне заметить, что в этой поездке и сам он, и сопровождающие были вооружены карабинами. В песках еще скрывались недобитые басмачи. Как вскоре выяснилось, они ждали своего предводителя Ибрагимбека, который в это время собирался с силами на территории соседнего Афганистана. Вскоре с шайкой головорезов он действительно перешел

советскую границу, двинулся на север, но встретил отпор не только со стороны Красной Армии, но и со стороны отрядов самообороны. Многие из дехкан на этот раз в открытом бою с классовым врагом показали, что они прочно стоят за Советскую власть. Не последнюю роль в этом сыграл приезд в Хорезмский край секретаря ЦК Усмана Юсупова, его работа по созданию колхозов, его убежденное слово.

Поездка дала обильный материал для работы. Засел для подготовки постановления «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении».

Сообщения из районов радовали. Там, где применялись принудительные меры, там наблюдался отход дехкан от колхозов, а где принцип добровольности не нарушался — там начался приток в колхозы бедняков и середняков.

Весна была трудной. Нужно было не только исправить ошибки, колхозы требовали немедленной помощи.

Эта первая колхозная весенняя посевная должна была стать демонстрацией преимуществ колхозного строя. Для этого наметили целую систему мероприятий по улучшению агрономического обслуживания, по привлечению новой сельскохозяйственной техники и новой организации коллективного труда.

Весенний сев был успешно закончен не только в колхозном, но и в индивидуальном секторе. Отрадными были цифры увеличения посевных площадей.

В начале тридцатых годов Юсупову еще не доставало — что скрывать — даже общего образования, невзирая на то, что со всей яростной своей целеустремленностью, не щадя себя, он с первых лет революции занимался самообразованием.

В начале 1931 года было уже почти решено направить Юсупова на учебу, но отъезд, как нередко случается в жизни партийных работников, пришлось отложить на несколько лет. На пленуме в сентябре 1931 года секретарь ЦК КП(б) Узбекистана Акмаль Икрамов доложил членам Центрального Комитета:

— Состоялось решение Средазбюро ЦК ВКП(б) о том, что товарища Юсупова Усмана — секретаря ЦК Узбекистана — выдвигают председателем Средазбюро ВЦСПС.

Как проявилась эта натура в новых обстоятельствах? Вот вопрос, которым постоянно будет интересоваться нас в этой книге наряду с главным:

какое объективное значение для народа и истории имела деятельность Юсупова?

Он ознакомился с делами, узнал, что они порядком запущены; пленумы не созывались очень давно. Но прежде чем собирать товарищей со всей Средней Азии в Ташкент, решил сам побывать на местах, в том числе в Таджикистане, где было немало случаев такого ущемления прав трудящихся, которое только в контексте той поры, когда новая, советская жизнь еще окончательно не устоялась, только и можно понять. Вряд ли были известны тогда Юсупову точные юридические формулировки, но малейшее, по сути, ограничение личной свободы человека возмущало его до глубины души. Некоторые новоявленные руководители, все еще ходившие с огромными маузерами в деревянных кобурах на животе, полагали, что лучшим методом воздействия на неисполнительных и строптивых — арест. Юсупов и в доклад включил некоторые факты, с которыми столкнулся, в Таджикистане. В селении Пархара председатель РИКа потребовал у районного агронома лошадь для своих сотрудников. Агроном возразил: «У меня участок — двенадцать тысяч гектаров. Как мне без лошади?» Председатель посадил его под арест, но и агроном оказался упрямым: сбежал и с гауптвахты, и из Пархары. Район остался без агронома, но это еще, как говорил Юсупов, полбеда. Беда — в самоуправстве и беззаконии. В том, что люди, облеченные мало-мальски значительной властью, забывают, что революция дала трудящимся великие права, на которые посягать никто не вправе.

Руководить людьми и командовать ими — понятия разные по смыслу. Выступая на пленуме, Юсупов напомнил ленинские слова о свободном сознательном труде миллионов рабочих на себя и на социалистическое общество, сказал, что только в этом случае можно обеспечить тот рост производительности труда, от которого в конечном итоге, как опять же подчеркивал Ильич, зависит победа нового общественного строя.

Речь его, а он забывал, увлекаясь, о написанном тексте, всячески правили и приглаживали официальные и доброхотные редакторы и даже стенографистки, считавшие искренне, что будет лучше записать, к примеру, не «много случаев таких», как строил русскую фразу Юсупов, естественно, думающий на узбекском языке и согласовывающий речь с законами родного синтаксиса, а «нередки случаи». Ушел, за редким исключением, из протоколов живой язык Юсупова — неотъемлемая часть личности, помогающая увидеть его в то время. Как проявляется он хотя бы вот в таких фразах (здесь и форма и содержание, разумеется, одинаково важны): «Много таких безобразных фактов, которые я сотнями сегодня до вечера

перечислять мог бы... Мы, руководители профсоюзов, не до конца оценку им дали, не до конца поняли ленинское положение о труде, о производительности труда. Если это так, то это не профсоюзное руководство, а черт знает какое профсоюзное болото!»

Выделил в докладе своем вторым важнейшим разделом вопрос о качественных показателях. Сказал, что благополучные сводки никому не нужны. «Из самых хороших слов не сошьешь даже самый плохонький халат». Прирост по количеству продукции колоссальный, а качество плохое.

Б это время погас ненадолго свет, и Юсупов тут же воспользовался этим:

— Вот видите, товарищи, как только я заговорил о качественных показателях, так и свет потух. Это показали качество своей работы наши электрики...

Две тенденции сталкивались в выступлениях членов пленума. Говорил рабочий с Вахша Дрягин:

— Ко времени моего прибытия на Вахш из Красной Армии мы спали под открытым небом. Потом понемногу стали строить камышовые бараки и накрывать брезентом. У нас люди уходили, было мнение такое, что невозможно жить, но некоторая часть рабочих на это не посмотрела и сейчас работает. Нам надо было закончить котлован. Было задание — выбрасывать три кубометра, но хозрасчетные бригады стали давать пять с половиной — шесть кубометров.

А вслед за этим на трибуну вышел профсоюзный деятель не очень высокого ранга, но тем не менее с апломбом вещавший от имени пленума:

— Товарищи! Пленум с удовлетворением принимает рапорт Вахшского строительства, обозначающий те громадные успехи, которые они имеют по проведению социалистической формы труда. Разрешите передать этим делегатам и всем рабочим стройки о необходимости еще выше держать знамя высшей формы социалистического труда — хозрасчета и встречного планирования, которые дают нам лучшие показатели и наголову разбивают все оппортунистические вылазки...

Здесь в стенограмме замечено: «Тов. Юсупов говорит с места...», но, к сожалению, сам текст реплики не записан. Можно все же не сомневаться, зная характер Юсупова, с какой язвительной колкостью вернул он краснобаю на грешную землю.

Зато со вниманием, то кивая, то сокрушенно покачивая головой, слушал члена пленума Канторовича. Тот говорил об очень важном — о специалистах с высшим образованием:

— На руднике Шорсу в Ферганской долине нет технического руководства, и вот один инженер из центра соглашается сюда приехать, но на следующих условиях:

оклад 1600 рублей в месяц. Срок работы — один год. После этого полугодовая заграникомандировка; возвращается не в Шорсу, а в Москву, где ему обязаны предоставить работу, квартиру из трех комнат, гарантировать поступление сыну в вуз, а дочери — и консерваторию.

Тут Юсупов выкрикнул, хлопнув ладонью по столу:

— В тридцать три шеи гнать такого! Не нужен он нам!

Так, по сути, он выразил то, что хотел. Откровенная спекуляция на временных затруднениях привела его в негодование, как и впоследствии — каждое проявление рвачества, тайного или открытого. «Не наш человек», — выносил короткий приговор такому. В этом случае ни ум человека, ни знания, будь он даже редчайшим специалистом, роли не играли. «Долой такого!» (Вспомните, кстати, об этом, когда в одной из последующих глав будете читать, как бюро ЦК КП(б) Узбекистана специально рассматривало вопрос об идейной подготовке будущих инженеров.) Но поборником уравниловки и голого энтузиазма Юсупов тоже никогда не был. «Те, кто работает лучше, пускай и живут лучше. Так справедливо будет».

В Туркменистане он встречался с текстильщиками и спросил у ударников Умарова и Юмаевой:

— Как вы снабжаетесь? Лучше ли лентяев, рвачей, летунов?

Потом, созвав местных профсоюзных активистов, сказал:

— Надо дать ударникам лучшие условия, увеличить норму хлеба в столовой, премировать ударников, поднять их перед всем рабочим классом, и тогда, товарищи советские фабриканты, у вас не будет текучести в рабочей силе, тогда рабочие скажут, что нашелся действительный советский фабрикант, большевистский ФЗМК, который защищает интересы рабочего, заботится о рабочих и в особенности стоит за ударников, борющихся за выполнение решений партии.

Стенограмма, к счастью, не правлена, и потому хочется процитировать из нее еще несколько строк, потому что они говорят еще об одном свойстве Юсупова: его неумении и нежелании славословить попусту, его стремлении говорить вслух об упущениях и ошибках чужих и собственных.

— Хочу кончить тем, что не надо бояться, что в моем докладе я говорил только об одних недостатках. Вы можете спросить: где же достижения? Должен сказать, что эти достижения видны, любому слепому. Выйдите из сада (пленум проходил в городском саду. — Б. Р., Г. С.), пройдите полтора километра и посмотрите, как из Полторацка

(железнодорожная станция неподалеку от Ашхабада. — Б. Р., Г. С.), являвшегося очагом великодержавного шовинизма Туркмении, развивается пролетарский центр, воспитывающий кадры пролетариата, которые при дальнейшем воспитании станут ударной бригадой рабочего класса.

Он не боялся, если дело делалось плохо, подписаться именно под такой недвусмысленной оценкой:

«Считать темп ликвидации неграмотности среди членов профсоюзов неудовлетворительным. Юсупов».

Или в выступлении на третьем пленуме Средазбюро ВЦСПС летом 1933 года:

— Сумели ли профсоюзы организовать свою работу таким образом, чтобы возглавить массы, организовать их вокруг основных задач... против расхитителей народного достояния, на борьбу с недисциплинированностью, с мелкобуржуазными элементами среди отдельных слоев трудящихся, сумели ли действительно со всей крепостью организовать трудовую железную дисциплину? Ответ гласит следующее: нет, недостаточно, а порой неудовлетворительно.

В заключительном слове опять:

— Критика недостаточная, самокритика недостаточная. У нас же уйма фактов извращения линии партии.

Я не буду говорить о достижениях, достижения у нас в кармане, их у нас не отнимут.

Тот или иной ходячий термин Юсупов нередко осмысливал, как бы открывая его для себя, приводя к случаю эпизоды и наблюдения из собственной жизни, подчас звучащие как притчи. К примеру, о лакировке.

— К вам в Каунчи один афганец раз в год на базар ичиги привозил. Блестят, блестят, как зеркало, прямо. Смотришь — себя видишь. Женщины радуются, конечно. Покупают. Домой принесет, наденет раз-другой — кожа потрескалась. Муж злой, едет в Каунчи афганца того бить. А его нет и не будет. Я же говорю: он только один раз в год появляется. Понимаешь почему? Теперь спрашиваю: кому такой лак нужен?

Боролся с лакировкой, очковтирательством всеми способами, в том числе и теми, что по нынешним меркам вроде бы не подходят руководителю такого ранга. Примеры найдутся в каждом разделе юсуповской биографии. В ту пору заглянул как-то в санаторий «Чимган», находившийся в ведении Казахстана, но лечились и отдыхали там рабочие в основном из Среднеазиатских республик. (Курорт — в горах неподалеку от Ташкента.) Вернулся сердитый; написал письмо Казахскому крайкому ВКП(б) и Казахсовпрофу. Потребовал, чтоб руководители курортов

отчитались перед Средазбюро ВЦСПС, объяснили, почему в санатории грязно, почему плохо кормят, почему рабочий, которому в знак поощрения выдали путевку, покидает «Чимган», едва пробыв там неделю.

Отчет состоялся. Юсупов бил нерадивых администраторов фактами, а они диву давались: откуда он все знает?

Позже, лет этак пять спустя, остаться неузнанным уже не удавалось. А тогда, работая в профсоюзах, Юсупов нередко практиковал, к примеру, посещения заводских столовых без сопровождающих лиц из ФЗМК, а пристроившись вместе со всеми в очереди к кассе. Не считал такой поступок чем-то необыкновенным. От всех подчиненных требовал:

— Не брезгуйте. Садитесь рядом с рабочим, познакомьтесь с его работой, узнайте технику и на этом основании строите профсоюзную работу.

Разъяснял, что скрывается за лозунгом «Лицом к производству!».

Это главным образом вопросы зарплаты, вопросы нормирования, жилищное строительство, снабжение, быт. Знать все о рабочем, жить его заботами — вот цель.

— У нас решаются вопросы в целом, вообще, а взять бани, парикмахерские, где шкуру дерут за бритье. Парикмахер зарабатывает восемьсот-девятьсот рублей. Подумаешь, ведущая профессия!

Ценил толковых работников, того же Ходжамова, Канторовича, Уманского из центрального аппарата или Адолят Абдуллаеву — профинструктора на швейной фабрике.

На втором пленуме мобилизовали 40 опытных товарищей для срочной помощи профсоюзам земсовхозов, МТС и батрачества. В заключительном слове сказал:

— Мы с вами приняли здесь мобилизацию товарищей. Этого, конечно, мало, это грош, это капля в море. Наша задача заключается в том, чтобы мобилизовать все восемьсот пятьдесят тысяч рабочих и служащих.

Вот это задача!

Справиться с ней было нелегко. Не вдаваясь в подробный анализ, напомним все же, что в Средней Азии не было, как в России или на Украине, старых промышленных центров с давно сложившимися рабочими коллективами, традициями, опытом. К тому же не так просто было отбросить прочь груз отношений, называемых докапиталистическими. А между тем Средняя Азия и Узбекистан, в частности, отнюдь не были исключены из всесоюзных планов индустриализации страны. Почти двести предприятия было здесь построено в годы первой пятилетки. Молодой рабочий класс республики возводил фабрики и заводы, учился мастерству у

русских специалистов, опытных строителей, станочников, приезжавших в далекий для них край не в одиночку, а группами по направлению партийных комитетов. Сто пятьдесят квалифицированных рабочих и инженеров приехало из Москвы на Ферганскую текстильную фабрику, сорок ленинградских металлистов составили то ядро, вокруг которого вырос ныне знаменитый своими трудовыми делами коллектив Ташсельмаша.

Но стоит ли скрывать, что на строительной площадке, в цехе рядом с энтузиастами, партийцами, беззаветно преданными идее индустриализации бывшей окраины царской России, оказывались, и не в единственном числе, любители легких заработков, авантюристичные типы.

Немалые трудности возникали и с привлечением бывших дехкан к станкам.

На третьем пленуме Средазбюро ВЦСПС Юсупов говорил об этом:

— Кое-где считают, что люди местной национальности приспособлены к допотопным феодальным формам труда, поэтому лучше их использовать на ручной работе в десять раз, чем на машине, на заводе и предприятии. А вместе с тем мы имеем другие факты, когда, вместо того чтобы овладевать производством, рабочий пытается спекулировать своей национальностью, не вникает в технику производства. Мы должны бороться и с теми и с другими, — заключает Юсупов.

Боролись, но не сразу производство становилось таким, каким его хотелось видеть ему.

Промышленность не выполняла плановые задания, и только 1934 год стал годом, когда Юсупов по-настоящему увидел плоды труда и своего, и своих товарищей по профсоюзам. Не зря не спали ночи перед пленумами и совещаниями, добивались до самых дальних строительных площадок, рабочих поселков — где на перекладных, где на собственной, единственной лошади. Кстати, сохранился любопытный документ — выписка из протокола «О приобретении лошади для Средазбюро ВЦСПС»: «Постановили (опросом): разрешить управлению делами Ср. Аз. Б. ВЦСПС приобрести лошадь стоимостью 7500 рублей с передачей старой лошади краевой школе профдвижения. Председатель — Юсупов. Секретарь — Белова».

Штрих этот дает возможность понять, как непроста была даже в чисто организационном отношении работа для самого Юсупова и его сподвижников, среднеазиатских профсоюзных активистов. Но вот же: делали дело, и, как показало время, неплохо. Развернули соцсоревнование, движение ударников по всему краю. Об этом сообщил Юсупов, выступая

на VI съезде КП(б) Узбекистана. Его содоклад был посвящен строительству Ташкентского текстильного комбината — ударной стройки первой пятилетки (наряду с Чирчикским каскадом ГЭС и Ташсельмашем), над которой шефствовали профсоюзы.

Рождалось первое крупное социалистическое предприятие, уже не провозвестник, а живая часть будущего. Это ощущалось в архитектуре: высокие, светлые, красивые корпуса. Аллеи, скверы между фабриками. Не пожалели средств (а были, что говорить, не очень богаты) даже на лепные украшения и неперенный фонтан у входа. Возвели и жилой массив. Первые в Ташкенте четырехэтажные дома с удобствами, Дворец текстильщиков, школы. Имя району дали — Социалистический город, одну из улиц в нем назвали Профсоюзная. Название это дано не случайно.

В октябре 1934 года Центральный Комитет ВКП(б) принял постановление, в котором отмечалось, что среднеазиатские организации сыграли свою роль и поэтому они отныне упраздняются.

В декабре того же года Юсупова послали в Москву на курсы марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б).

В Москве, на Малой Грузинской улице, во дворе большого дома до сих пор сохранился флигель. По праву на его неприметном фасаде должно бы установить мемориальную доску. На ней значилось бы имя не только Усмана Юсупова, но и многих партийных и государственных деятелей тридцатых годов. Все они, кто год, кто дольше, занимали здесь скромную квартиру, находившуюся в ведении хозяйственного управления ЦК ВКП(б). Сбрасывались с плеч звания и заботы о руководстве партийной организацией, республиканским наркоматом, крупной стройкой. Люди, уже немолодые, становились слушателями высших партийных курсов и возвращались на время, а бывало, подобно Юсупову, впервые приобщались к чудесному братству однокашников. Да не покоробит никого это, впрочем, очень по-доброму звучащее слово, примененное к столь уважаемому учебному заведению, о солидности которого говорят хотя бы имена тех, кто читал здесь лекции; достаточно назвать А. А. Жданова и Е. М. Ярославского.

В большинстве слушатели приехали в Москву без семей и жили на Садово-Кудринской, в общежитии. Юсупов же не хотел расставаться с Юлией Леонидовной — не только с женой, но и с такой помощницей, когда наставницей, когда ученицей.

Ту самую квартиру Юсуповым предоставили по ходатайству Н. М. Шверника, председателя ВЦСПС. Комнатка с кухней в центре Москвы,

неподалеку от учебного корпуса была величайшим благом.

Юлдаш Бабаджанов, партийный работник, один из друзей по курсам, нашел самое точное слово, чтобы определить и отношение Юсупова к науке, и состояние, в котором он пребывал в Москве: «Учился Юсупов радостно».

Именно так. Потому отступала усталость и преодолевались трудности постижения самых серьезных наук, усугубляемые еще и тем, что тексты, не всегда с ходу понятные даже русским людям, были для него трудны вдвойне. Тут-то и помогала Юлия Леонидовна. Вдвоем просиживали порой до утра над книгами, составляли обстоятельные конспекты. Упрямство, упорство, юсуповская принципиальность не позволяли ему занести в толстую клеенчатую тетрадь хоть слово, пока он не одолевал до самой глубины его смысла и значения. Нужны были и понимание, и, не скроем, долготерпение Юлии Леонидовны, чтобы работать вместе с ним, ни разу не выказав недовольства, продиктованного хотя бы усталостью.

Для всего этого нужны были силы, и немалые, и черпались они все из того же источника — любви к губастому и высоколобому, то твердому как камень, то по-детски мягкому, неизменно благодарному за тепло и ласку человеку.

Сама Юлия Леонидовна была личностью весьма незаурядной. Штрихи, которые проявились в молодости, стали чертами характера цельного, волевого, подчас до мужской суровости. Все это не лишало ее, однако, женственности, обаяния, которое дается от рождения. Она была женой выдающегося человека, знала, что требует это от нее не обычных в семейной жизни уступок, а значительно большего — умения уйти, когда надо (безошибочно почувствовав этот момент!), в тень, а ведь и она сама впоследствии займет немалый государственный пост, станет наркомом легкой промышленности республики. Не самопожертвование, а понимание, что ему, Усману, дано больше, что он сможет свершить то, на что способны немногие, отличало Юлию.

Была награда в том, как высоко ценил он Юлию.

Много лет спустя в Голодной степи, в мазанке, где еще не было электричества, обрадовался тому, что заговорил наконец плохонький приемничек: заезжий шофер приладил к молчавшему радиоаппарату батарею от своего «газика», а Юсупов слушал музыку, прикрыв тяжелыми веками глаза, потом тронул батарею и сказал о приемнике:

— Был бы мертвый без нее. Как я без Юльки.

Тут уже безо всяких «может быть», с полным правом можно сказать, что вспомнил он и маленькую комнатку в Москве, и ее — терпеливую,

непреклонную, рядом с собой, то страдающим, то окрыленным ни с чем не сравнимой радостью постижения истины.

Обладали они тогда еще одним величайшим сокровищем — молоды были. И, презирая усталость, бегали, что ни вечер, в театры, в концертные залы, в кино.

Не исключено, что приобщение к большому искусству по праву входило в программу подготовки партийных кадров. К слову, на курсах этих даже танцам обучали. Но Юсупов этой премудрости так и не одолел. По крайней мере, в воспоминаниях самых близких танцующим он не сохранился, хотя, сомнений нет, если бы умел, то, невзирая на высокое положение и весьма заметную годам к сорока грузность, не стеснясь, пригласил бы даму и на танго, и на фокстрот.

Зато успешно сдал экзамены по истории партии, философии, математике, географии и, что для него было крайне важно, по русскому языку и литературе.

В жизни страны, как в жизни самого Усмана Юсуповича, перемежались события драматичные и счастливые. В мае 1935 года, накануне первой в своей жизни экзаменационной сессии, он вместе с однокурсниками был в числе первых пассажиров метро. Спустился, удивляясь и восхищаясь под стать всем, на эскалаторе в мраморный зал станции «Охотный ряд», домчался в мгновение ока до «Парка культуры», вышел, еще не остывший от необычных впечатлений, на площадь, пересек ее, присел на свежеекрашенную скамью над Москвой-рекой, от которой тянуло совсем не весенним холодком. В кармане была пачка газет, только что присланных из Узбекистана. Он получал и республиканские, и даже районные, из родного Янгйюля в том числе. Читал, мгновенно посерьезнев, о подготовке к обмену партийных документов на основании письма ЦК ВКП(б), хорошо известного ему и товарищам. Знал, что это фактически чистка партии, но полагал, что пойдет она сугубо на пользу организации. Ни на йоту не усомнился в справедливости крутых мер. Тем паче что сам сейчас вот читал в узбекистанских газетах о запущенности партийного хозяйства, о том, что даже партбилеты кое-где похищались, а кое-где выдавались без ведома райкомов. Где, спрашивается, гарантия, что партийный документ не попал в руки врага, убийцы?

В холодную пору ходил по Москве по-столичному быстро, поеживаясь, в черном суконном пальто, в шапке, отделанной черным каракулем, плотно сидящей на голове. Сопоставлял факты: четыре тысячи человек исключено в Узбекистане из партии за пассивность, а рядом вовсю разворачивается стахановское движение: в Коканде джинщик Назырула

Маткамалов перешел на обслуживание двенадцати джин вместо трех. Уж кому-кому, а ему не надо было рассказывать, как нелегко управиться даже с тремя хлопкоочистительными машинами. Но вот же: работает этот Назырула буквально за четверых и справляется! Значит, практикой повседневной стало то, что в своих конспектах он определял как «социалистическую организацию труда, рождающую неограниченные возможности к повышению производительности его».

С жадностью ждал вестей о хлопке. Знал, разумеется, о лозунге: сделать 1935 год переломным в борьбе за хлопковую независимость. II съезд колхозников-ударников Узбекистана призвал хлопкоробов республики дать стране до конца года миллион тонн сырца. И миллионный рубеж был взят. Первый из пяти. Земляк Усмана Юсупова комсомолец Каюм Хакимов из Маргиланского района дал новый мировой рекорд — его звено собрало по 60 центнеров хлопка с гектара. Это была урожайность, в пять раз превышающая ту, что была достигнута республикой, а ведь показатель — 11,6 центнера с гектара — был тоже весьма значительным по сравнению со всеми предыдущими годами и столетиями.

В белый декабрьский вечер в квартире на Малой Грузинской стало совсем тесно: ее заполнили хлопкоробы — и бригадиры, и самые обыкновенные кетменщики и поливальщики, — все раскрасневшиеся с непривычного мороза и от большой, только что пережитой радости: в Кремле Михаил Иванович Калинин вручил им ордена.

Хозяин дома развлекал земляков шутливым разговором, то и дело обращаясь к плите, где стоял вывезенный из Ташкента черный казан, в котором он готовил плов.

Не позволял никому шагу ступить.

— Вы мне прямо сердце согрели!

Вскоре еще одна радость: вступила в строй первая очередь Ташкентского текстильного комбината. Через всю жизнь пронес Юсупов любовь к этому своему детищу, далеко не единственному, но по праву первенца — одному из самых дорогих. Когда началась война, он в один из первых дней отправился к текстильщикам, чтоб поддержать дух этого коллектива и чтоб почерпнуть силы для себя, для нелегких лет, которые были впереди.

Уже давно, еще с той поры, когда Юсупов начал появляться в Москве, к нему присматривался зоркими, мгновенно улавливающими человеческую суть и неизменно благожелательными глазами один из старейших руководителей большевистской партии, Анастас Иванович Микоян. Они встречались не раз, пока Юсупов учился на курсах. Именно по

рекомендации Анастаса Ивановича был Юсупов после окончания учебы назначен наркомом пищевой промышленности Узбекистана. Однако и на этой должности он пробыл недолго, всего лишь чуть более полугода. В сентябре 1937 года на третьем пленуме ЦК КП(б) Узбекистана, членом которого Юсупов пребывал неизменно, он был избран первым секретарем ЦК Компартии республики. Начался главный период деятельности Усмана Юсуповича Юсупова.

5 ВЗЛЕТ

Кажется странным, но Усман Юсупов, знавший, как никто другой, сколь велика цена времени, редко носил часы. Объяснение просто, как почти все, что касается облика, привычек этого человека, который был всегда на виду во всей своей незаурядности и лишь, на первый взгляд — странностях: Юсупов не знал праздности; он не мог опоздать, скажем, на совещание, на митинг, на поезд, потому что в течение суток, за исключением нескольких часов сна, был не просто на ногах, а в деле, в работе. Для подчиненных такой стиль, утверждаемый руководителем, был, конечно, нелегко. Можно представить, как чертыхались, про себя разумеется, секретари и помощники, едва прикорнувшие после, к примеру, напряженного московского дня на располагающих к неге широких кроватях «Националя», когда далеко после полуночи их поднимал настойчивый звонок: «Усман Юсупович зовет всех к себе». Входили, опасливо позевывая, в его просторный номер, невольно задремывали в креслах, но он, подвижный, невзирая на грузность, быстрый в движениях, во взгляде, скоро втягивал подчиненных в работу; и не приказом, а заражая своей увлеченностью. И забывали люди о времени, так же как и Юсупов. Впрочем, отсутствие часов привело к случаю забавному. Как-то в Кремле Сталин спросил у Юсупова: — Сколько на ваших?

— У меня, товарищ Сталин, часов нет, — ответил Юсупов и добавил: — Извините.

Сталин протянул Юсупову часы:

— Держите мои.

Вряд ли после этого изменил Юсупов своим привычкам. Древнее правило, гласящее, что вежливость королем — точность, он трактовал по-своему: являлся не секунда в секунду, а раньше подчиненных. К слову, не только тогда, когда занимал высокие посты, но и в последнее десятилетие

своей жизни, когда руководил совхозом. В Халкабаде бригадиры по утрам пробирались к своим участкам окольными путями, чтобы не попасться с заспанным лицом на глаза директору. В пять утра он был уже на ногах, не очень молодой и, увы, не очень здоровый.

Подобный стиль, пожалуй, ключ к пониманию Юсуповского характера: с тревожных ночей 1920 года в селении Каунчи, где он, бритоголовый лобастый грузчик, дежурил, вооружившись дубинкой, на складе хлопкозавода, оберегал его от недавних хозяев, грозившихся сжечь бывшее свое добро, только не досталось бы оно голодранцам, и до тяжелого майского рассвета в 1966 году, когда он ощутил пронизывающий холод и спросил, сколько градусов на дворе, не побьет ли похолодание завязи на яблонях, — Юсупов чувствовал себя мобилизованным революцией.

Другой ключ — неумная жадность к жизни, скупость ко времени, сожаление о каждом впустую ушедшем часе. Все, что бы ни начал, жаждал он увидеть осуществленным, сбывшимся как можно скорее. Порою он отступал от строгой и унылой рассудочности, поддавался настроению, чувству, но как понятен он, большой руководитель, не растративший до конца своих дней юношеской нетерпеливости в достижении цели! Как часто обеспечивался конечный успех — жизнь подтвердила это — способностью Юсупова пренебрегать столь важными, — и не только для педантов, — конкретными обстоятельствами, которые позволяют иным людям обосновать жесткую фразу: «Все это не лишено смысла, но, простите, несколько преждевременно».

Планета жила предчувствием большой войны. В небо над ней уже вздымался дым горящих испанских городов, над нею стлался ядовитый туман от взрывов фашистских бомб и снарядов. Сытые, опьяненные бескровной победой немецкие обыватели в свеженьких мундирах с паучьими знаками маршировали по притихшим улицам Вены. У маньчжурской границы копошились японские вояки; пока что только показывали выступающие веером зубы, но вот-вот готовы были укусить.

Война, война стучалась в ворота Советской страны, которой от роду было всего чуть за двадцать.

«Но то, что нашей кровью завоевано, мы никогда врагам не отдадим», — пели, грохоча подкованными ботинками по булыжнику Стрелковой улицы, розоволицые красноармейцы. Мальчишки бежали рядом со строем, силились получше разглядеть фантастический РПД — вороненое чудо с огромным черным диском на 49 патронов. (Цифру эту знали точно.)

Вместе с командующим округом, старым туркестанцем Апанасенко, Юсупов прибыл однажды в предгорный район. Там проводила учения

узбекская комсомольская дивизия.

По голым каменистым склонам, поднимая пыль до небес, ползало несколько танкеток. Парни с черными от грязи лицами, согнувшись, бежали, разматывая провода полевой связи. По горбатым тропам, скрытые от глаз воображаемого противника, двигались колонны. Впереди первого полка под знаменем — начальник политотдела дивизии, секретарь ЦК комсомола республики Фатима Юлдашбаева в пилотке, в гимнастерке, перетянутой командирским ремнем с портупеей. Ступала, стараясь не морщиться от боли: надела по неопытности новые сапоги, полученные перед самым походом; натерла до крови ноги. Но шла быстро, показывая пример выносливости и упорства бойцам. К вечеру вышли на рубеж атаки, всю ночь окапывались, а на рассвете пошли в наступление. Комсомольское «ура!» прокатилось по дремлющим от века пскентским долинам и взгорьям.

На обратном пути полки остановились у развилки дорог. Здесь, под широким, словно стог, карагачем у чайханы на грузовике стояли Юсупов, Апанасенко и еще несколько товарищей — все в военном.

— Дорогие товарищи бойцы! — радостно и громко прокричал Юсупов. — Командование оценило учения комсомольской узбекской дивизии на «отлично»! — Он поднял сжатый кулак, потряс им, рассмеялся и закончил победно: — Вот видите, какие мы, а!

Уже в городе на стадионе «Спартак» состоялся митинг. Все выстроились на зеленом поле; их приветствовал Ахунбабаев; высокий комсомолец, запинаясь от волнения на каждом слове, задиристо и звонко прочитал текст телеграммы дорогому наркому обороны товарищу Климу Ворошилову: «Докладываем: комсомольская дивизия к бою готова. По первому зову партии все, как один, выступим на защиту завоеваний Октября...»

Парни и девушки долго не расходились со стадиона. Пели «Шагай вперед, комсомольское племя», «Сердце, тебе не хочется покоя...».

Юсупов подозвал Фатиму Юлдашбаеву, спросил, как самочувствие. Она ответила нарочито бодро, но, переминаясь с ноги на ногу, поморщилась.

— Ладно, — сказал Юсупов, — садись в мою машину, товарищ красный аскер. Отвезу тебя домой.

В дни мучительной боли за страну, бесконечных раздумий все об одном и том же: как же могло так случиться, что наша Красная Армия уступила фашистам Украину и Белоруссию, подпустила их к Москве? Неужто не были мы готовы к войне? — он вспоминал комсомольскую

дивизию, военные учения и решительно возражал: «Нет, мы были готовы; воюют не только танки и самолеты, — пусть их сейчас у Гитлера больше; ничего, мы еще посмотрим, у кого больше станет, — а воюют люди, и побеждает тот, кто сердцем предан своим знаменам, для кого каждое слово, вышитое на этих знаменах, свято. Вот наши люди как раз такие. Мы их сделали такими. Значит, мы подготовились к войне...»

В том же 1938 году, когда в городах то и дело устраивались учебные тревоги и девушки с курсов медсестер укладывали на носилки пока еще улыбавшегося, условно пострадавшего от вражеских бомб гражданина, Юсупов собрал на совет ирригаторов.

Ирригаторы, а по-местному — мирабы и сипайчи, были в Средней Азии испокон веку искренно уважаемы. Встречая их, мусульманин кланялся мастерству, а не белой бороде, не сану, не богатству, как в иных случаях. Известно, что мирабов и сипайчи так же, как и тех поразительных знатоков, которые по признакам, только им ведомым, находят воду в пустыне, почитали едва ли не святыми, хотя допускали грешную мысль о том, не якшаются ли они с нечистой силой.

От этих людей зависела в самом прямом смысле жизнь обширнейшего края, для которого вода была и остается первым условием существования. Завоевателям, не только жестоким, но и тупым, гонимым слепым животным желанием стереть чужую страну дотла, незачем было врываться в цветущие оазисы, в шумные торговые города. Они разрушали плотины, засыпали каналы, и могучие государства никли, как весенние маки, едва их опалит зной. Так погубили кочевники и Парфию, и Согдиану, и Ниссу. Нашествие монголов в XIII веке отбросило Среднюю Азию на сотни лет назад не только потому, что в борьбе с врагами погибли многие люди. Вопя и торжествуя, снесли монголы знаменитую плотину на реке Мургаб, уничтожили ирригационные сооружения на Амударье. Они ликовали в восторге, вот уж поистине диком, когда раскрепощенные воды ринулись на прекрасную столицу хорезмшахов, легендарный Гургандж и затопили город. И сразу же пески, которые столетиями терпеливо ждали своего часа, неукротимой лавой двинулись на поля и сады. Они погребли под собой каналы и плотины, возведенные поколениями безвестных строителей. И поныне в молчании и раздумье, будто у священных могил, застывают путники, когда перед ними в пустыне вдруг откроется засыпанное русло древнего канала.

Специалисты издавна преклонялись перед гением древних мастеров. Лет сто назад известный русский естествоиспытатель академик А. Ф. Миддендорф, обследовавший Ферганский оазис, изумлялся, как это народ,

не располагавший развитой техникой, сумел отвести на свои поля воду в гористой местности. Еще же большее удивление вызвало у почтенного академика то, что сложнейшие работы были выполнены без знания нивелировки и даже без необходимых для этого инструментов.

Присоединение Туркестана к России было первым в истории этого многострадального края событием, вслед за которым последовал не упадок, а прогресс. Суть здесь, помимо прочего, в гуманизме, который искони присущ не русским царям, а русскому человеку. Ни в летописях, ни в протоколах, написанных на машинке, не сыскать и единого факта, который поставил бы под сомнение человечность русских солдат, офицеров, чиновников по отношению к соседним народам. Средняя Азия не явилась исключением.

Да, русские люди, которые пришли в Туркестан, включая инженеров и ученых, были исполнителями чужой воли; жестокая, расчетливая воля толстосумов-текстильщиков требовала, чтобы были исследованы водные и земельные ресурсы, начато ирригационное строительство. Орехово-зуевские и ивановские капиталисты жаждали дешевого хлопка. На их деньги снаряжало царское правительство экспедиции и исследовательские партии. Но исполнители — знаменитые инженеры-ирригаторы Ф. П. Моргуненков, Г. К. Ризенкампф, И. Г. Александров, В. Ф. Булаевский, почвовед И. А. Димо, агрономы Р. Р. Шредер, Г. С. Зайцев, Е. Л. Навроцкий — смотрели на этот край не жадными глазами потребителей, а взором людей, желающих блага народам Востока, которые были подобны бедняку на запертом сундуке с алмазами.

Нет, не случайны поэтические ноты, звучащие в строгом труде «Проблемы орошения Туркестана», написанном Георгием Константиновичем Ризенкампом: «Мне кажется, что инженер-ирригатор, попавший из Европы в Туркестан, должен сразу лишиться спокойствия: эти бесконечные пустыни и степи, песчаные, голые, безлесные склоны гор, вплоть до линии вечных снегов, безмолвно говорит о том, что здесь каждая пядь земли... потребует от человека упорной борьбы за приобщение к культуре. Какое количество творческой энергии, физической силы и денежных средств потребовалось бы для того, чтобы пробудить Туркестан!

Мне вспомнилась арабская поговорка: «Каждая пустыня имеет свое будущее», и я невольно подумал о том удовлетворении, которое может доставить человеку распознавание будущего хотя бы одной из пустынь...»

Как не сказать и о менее видных людях, о русских крестьянах-переселенцах. Для них отводились только вновь осваиваемые земли. Русские учились у местного населения вести поливное земледелие, но и

сами учили, как обращаться с современными орудиями труда, как выращивать неведомые здесь прежде картофель, сахарную свеклу, помидоры, новые породы плодовых деревьев, как содержать пчел. Благодаря русским крестьянам местное население начало сеять хлопчатник не вручную, как это делалось сотни лет, а рядовой сеялкой Баннера. Более того, Иван Кунаков из Спасского поселка (близ Мирзачуля) изобрел гнездовую сеялку, которая явилась прототипом современных квадратно-гнездовых. Вот эти русские люди: ученые и крестьяне — заложили основы прочной дружбы с узбекским народом. Деяния, повседневный труд русских, которых дехкане, вставляя для удобства гласную, искренне называли «барат», сама жизнь преподнесла как урок тем, кто, по замечанию Герцена, «не умеет разделить русское правительство от русского народа».

Если подвижничество вообще свойственно русскому характеру, если Константин Паустовский мог по сходному поводу, не скрывая законной гордости, заметить, что именно бессребреников, ученых и художников, во все времена рождала и любила Россия, то в новых условиях к замечательным качествам этих людей добавилась еще и бескорыстная забота о будущем народа, который лишь в силу печальных исторических обстоятельств отстал от Европы.

К тому времени, когда Усман Юсупов впервые вышел с кетменем на поле, арендованное его отцом у бая, Клавдий Никанорович Синявский уже разработал идею орошения Учкурганской степи водами Нарына, а восточных районов Ферганской долины — водами Карадарьи. Изыскательская партия, возглавляемая инженером П. Н. Епанчиным, занималась переустройством местных ирригационных сооружений; она уточнила трассу канала, проложить который предлагал Синявский. Другой видный ученый, Иван Гаврилович Александров, предложил проект орошения юго-восточной Ферганы. Замыслы эти были осуществлены далеко не полностью, так же как смелый проект инженера П. Ф. Ульянова, который еще в 1872 году указал весьма реальные пути для орошения Голодной степи. К примеру, за шесть лет было проложено всего лишь тринадцать километров кауфманского канала, который взял начало от знаменитых Фархадских порогов на Сырдарье и углубился в безжизненную степь, но и то сказать, могло ли быть иначе, когда царская казна отпускала рабочему пять копеек «кормовых» в день. Великий князь Константин Романов, опальный царский родич, сосланный в Ташкент, чужак, прожектор, авантюрист, не мог пройти мимо идеи, сулившей славу и деньги. За два года — с 1883 по 1885 — под его началом был проложен 50-километровый канал Искандер-арык, оросивший чирчикской водой четыре

с половиной тысячи гектаров земли. Воодушевленный первым успехом, великий князь приступил к строительству канала Бухара-арык из Сырдарьи. Мероприятие могло быть успешным, но сказалась вельможная самоуверенность и упрямство: вопреки тому, что говорили инженеры, — а они требовали возвести прочную плотину из современных материалов, — Романов велел соорудить набросную каменную «царь-плотину». Это было осуществлено. 9 мая 1891 года по Бухара-арыку, длина которого составляла всего 27 километров, пустили при великом ликовании воду, а три дня спустя вопреки воле царственной особы Сырдарья смела гору камней, берега арыка разрушились, он погиб. Однако великий князь, отнюдь не обескураженный неудачей, прислушиваясь на этот раз, впрочем, гораздо внимательней к мнению ученых, благословил строительство нового канала, начинавшегося у селения Беговат. За четыре года было проложено 76 километров, ожививших еще 7600 гектаров Голодной степи.

В отличие от русских ученых князь занимался ирригацией отнюдь не бескорыстно. Его высочеству было выдано из казны 240 тысяч рублей и отведено две тысячи десятин орошенной земли для устройства усадьбы.

Самым значительным ирригационным сооружением дореволюционной поры явился романовский Североголодностепский канал, который и до сих пор исправно служит людям.

«...Судьба Востока зависит от искусства орошения», — Юсупов любил повторять это высказывание Маркса. Он понимал его буквально, как и должно быть, и его восхищало — Юсупов говорил об этом не раз и с трибун, и в узком кругу, и даже за семенным столом, — что и Ленин сразу же после революции не просто подумал о судьбе Туркестана, но и определил, как то было всегда свойственно вождю, главное звено — орошение.

Партийный работник из Узбекистана Мухамеджан Юлдашев разыскал в Москве, в архиве, оригинал изданного в мае 1918 года ленинского декрета «Об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ».

— Ты мне знаешь какой подарок сделал! Спасибо, честное слово! — сказал Юсупов, получив от Юлдашева фотокопию декрета.

По вечерам, когда оканчивались совещания, умолкали телефоны, исчезали из приемной настойчивые посетители, Юсупов приглашал в ЦК товарищей из Сазводстроя. Длинный стол и даже диваны застилали чертежами и кальками. Инженеры докладывали о проектах будничных и таких, которые казались едва ли не фантастичными. Юсупов воодушевлялся, дотошно расспрашивал о деталях, высказывал, блестя

глазами, свои соображения.

— Да... Нутром чует... — не без восхищения говорили инженеры, выйдя покурить.

Больше всего привлекала его тогда схема орошения Ферганской долины. Она предусматривала строительство трех крупных оросительных каналов: Большого Ферганского (длина 270 километров), Северного Ферганского (160 километров) и Южного Ферганского (120 километров), а также нескольких водоотводящих коллекторов.

К проектам прилагались сметы. Прямолинейная жестокость цифр действовала отрезвляюще. Юсупов не мог им не верить, но вся его натура, жаждущая увидеть уже завтра осуществленным то, что задумано сегодня, сопротивлялась сухой логике расчетов. Это были не только эмоции.

Юсупову не пришлось руководить военными действиями на фронте, но жили в нем, несомненно, те достоинства, которые присущи полководцу, кого зовут смелым не за то, что он первым идет грудью на вражеские штыки, а за то, что он, к удивлению одних, к недоумению других, создает собственную тактику ведения войны и побеждает. Юсупов был государственным, политическим деятелем; он вел непрерывное сражение за идеи и программу партии, к которой принадлежал, и потому учел тот могучий фактор, который не учитывается педантичными сводами правил и инженерными справочниками. Это дух, сознательность, энтузиазм исполнителей. Он знал, насколько ферганский колхозник, уверенный, что добытая его руками вода завтра придет на общественные поля, сильнее своего усопшего деда, который был выгнан на трассу «царского» канала по трудовой повинности и работал, невзирая на окрики и угрозы, спустя рукава, поскольку, даже будучи безграмотным, знал, что новые земли станут поместьем великого князя.

То были отнюдь не досужие рассуждения. Весна 1938 года даровала первое трудовое чудо, которое, впрочем, во всеуслышание так громко названо не было, но значение события это не умаляет. Речь идет о скромном, всего лишь девятикилометровом канале Лянгар. Его вырыла кетменями в очень короткие сроки тысяча колхозников в Папском районе. Вырыли по собственному почину, не дожидаясь проектов и благословения свыше, и оросили шестьсот гектаров новых земель.

Юсупов обрадовался этому событию не только потому, что на стройку не были израсходованы государственные средства (ему-то доподлинно было известно, как нужна была каждая копейка для обороны страны). Жизнь преподнесла убедительное подтверждение его уверенности в том, что дедовский кетмень в руках нынешнего узбекского дехкана стал

орудием, способным на чудеса.

Разумеется, о Лянгаре писали газеты, но главное сделал от века не смолкающий в Азии «узун-кулак». Из кишлака в кишлак, от чайханы к чайхане летели вести о папских колхозниках.

Узнали об этом, разумеется, и в Сазводстрое — так называлась крупнейшая в Ташкенте проектная организация, подчинявшаяся Наркомзему. Ирригаторы, и не только заслуженные, отдавшие Средней Азии лучшие годы многотрудной жизни, но и молодые (таких было немало; сами рвались после институтов в Узбекистан, где работы непочатый край), — все они и восхитились, и огорчились. Дело в том, что усилиями института был подготовлен не один отличный проект, который, будь он осуществлен, позволял решить проблему орошения для многих районов комплексно. Но денег на все не доставало, несмотря на то, что правительство, с ленинской поры начиная, постоянно отпускало средства для ирригации. С 1920 по 1932 год на эти цели было ассигновано 234 миллиона рублей, в годы второй пятилетки — почти в два раза больше. Полностью был претворен в жизнь первый пятилетний план по орошению и освоению новых земель. В Узбекистане появились уже не отдельные каналы, а целые ирригационные системы, благодаря которым были орошены земли в Ферганской долине, в Дальверзинской и Голодной степях в бассейне Сырдарьи, в Зеравшанской долине, в Кумкурганской степи в Сурхандарье — всего почти четверть миллиона гектаров новых полей.

Строились крупные современные плотины: Кампырраватская на Карадарье и Газалкентская на реке Чирчик, головные сооружения на отводах магистральных каналов; маловодные системы были подключены к богатым влагой источникам — всего введено в строй более двухсот ирригационно-мелиоративных объектов. И все же...

«На полку работаем», — вздыхали, бывало, проектировщики. Инженерная мысль, размах опережали возможности. Но, к слову, жизнь доказала их нужность: пришло время, и почти все проекты были пущены в дело.

Все же в конце 30-х годов иные авторы весьма толковых разработок, не дождавшись воплощения их в жизнь уезжали из Азии, тем паче что, случалось, на специалиста, проекты которого оставались до поры на ватмане, поглядывали косо. («Не то делаешь, выходит... Не ту линию гнешь...»)

Виктор Васильевич Пославский, коренной туркестанец, бредущий голову наголо, с острым взглядом голубых глаз, высокий, решительный — когда-то создавал первые водхозы в Ферганской долине, пробирался от

станции к станции на платформе, вдоль бортов которой были уложены кипы хлопка, — в них вязли басмаческие пули, — даже он, участник первой крупной ирригационной стройки — Вахшской плотины, — приуныл. Именно в этот момент и появился на жизненном горизонте у Пославского и его товарищей-ирригаторов Усман Юсупов.

Он не любил подчеркивать значение партийной работы, тем более противопоставлять ее другим, весьма достойным в его глазах занятиям. Высказывался иногда лишь в том смысле, что поток событий, заседаний, разговоров, подлинное значение которых подчас скрывается за внешней обыденностью, лишь внешняя, всем видная сторона. Главное же то, что стоит за этим, — умение в нужное время заняться самым актуальным делом, обратить внимание на самый горячий участок, разыскать среди огромного количества заметок и зарубок в памяти ту, к которой надо возвратиться именно сейчас. (Вспомните, когда-то Ленин говорил о часе восстания: вчера было рано, завтра будет поздно...)

Умение определить нужный момент и тогда действовать со всей решительностью — вот, пожалуй, как может быть названо великолепное качество, сполна присущее и самому Юсупову.

С утра Юсупов с помощниками изучал сводки о подготовке к выборам. Дело было новое, на местах, особенно в отдаленных районах, допускали немало путаницы.

Юсупову переслали запрос из степного района, адресованный Госплану. Помощник, докладывая, улыбнулся. Случай и впрямь казался забавным: для устройства кабин на избирательных участках просили дополнительно выделить балки и доски.

— Белыми нитками шито, — тоном снисходительного к людским слабостям разоблачителя сказал помощник. — Лес им, как всегда, позарез нужен, вот и решили воспользоваться избирательной кампанией.

Юсупов тоже усмехнулся, но тут же посерьезнел.

— Наверное, не только поэтому, — сказал он, насупившись. — Смеяться, наверно, не надо: они ответственность чувствуют. Понимаешь? Чтоб все солидно было, хотят.

Вежливый телефонный звонок напомнил, что в двенадцать вернисаж — откроется выставка, приуроченная к 1 съезду художников Узбекистана. Юсупов не часто бывал в Музее искусств, размещавшемся в старом здании с ампирами колоннами и мраморной статуей у входа — атлант с земным шаром на согнутых плечах. Помнил имена ведущих художников: Беньков, Буре, Кашина, Кедрин, Волков, Усто-Мумин. Иные картины казались Юсупову странными, лица некрасивыми, во всяком случае, если судить по-

житейски. Но ловил себя на том, что, к примеру, картина «В чайхане» приковывает чем-то непонятным, но сильным: грубые, почерневшие лица, огромные, почти уродливые, потрескавшиеся ладони бедняков. А в самой глубине глаз — свет человеческого достоинства, пробужденного словом: Ленина. Он тоже был здесь: на стене чайханы висел его портрет. Ленин был неуловимо схож с трудовым человеком. Между ними существовало единство — художник сумел это выразить.

В искусстве Восток привык к благолепию, а эстетикой Юсупов занимался весьма бегло лишь на курсах в Москве. Но и в этой куда уж больше тонкой области на помощь приходило внутреннее чутье, пожалуй, главная черта юсуповского таланта. Он ощущал собственную связь свою с теми рабочими в чайхане: вот так же он, неграмотный парень, в убогом селении Каунчи слушал о революции, о Ленине... Значит, в картине жила правда.

Не всегда мог Юсупов вот так объяснить себе и другим, в чем достоинство картины, но не случайно же, не по прихоти, это ему не было свойственно, поддержал он, пригреб в годы войны и уже упоминавшегося Фалька, и многих других художников, артистов, писателей.

Работы Буре, изображавшего ярко, с обилием этнографических деталей жизнь старого Самарканда, а также Бенькова — его Юсупов знал лично, даже хвалил как-то за внимание к современной тематике, — были понятней и на выставке тоже занимали центральное место...

К себе вернулись лишь во второй половине дня. Несколько часов кряду, распорядившись, чтобы никого не впускали к нему, сидел Юсупов над материалами к предстоящему бюро ЦК, на котором вновь поднимался вопрос о работе среди женщин. Самым опасным были сейчас перегибы: кое-где по недомыслию, а кое-где вполне сознательно доводили до абсурда справедливое партийное требование о выдвижении женщин на руководящую работу. Всему Узбекистану стал известен анекдотичный случай, когда женщину назначили директором мужской бани. Юсупов находил в этом не только смешное. Противники женского равноправия меняли тактику; на враждебные поступки не решались — нашли другие ходы.

Чрезмерное усердие иных ретивых исполнителей тоже не приводило к добру. В Самаркандской области на новенькие тракторы посадили неопытных, только что окончивших курсы девушек и загубили моторы. Зато в сводке с гордостью указали добрый десяток женских имен. Были и документы, свидетельствующие о драматичных случаях внутри семьи: избиения, самоубийства. Юсупов сделал заметку на полях справки,

подписанной прокурором: «Надо каждый раз выяснять, есть ли действительно феодально-байские мотивы». Мысль эта у него давняя. В самом деле: в русских семьях, проживающих в республике, ссоры, скандалы, когда в ход пускают кулаки, тоже еще случаются, однако в этом логично видят лишь хулиганство, грубость, жестокость по отношению к собственной жене, а не к женщинам вообще.

Но очень многое Юсупова радовало. Не только общие, приятные цифры о росте образованности среди женщин, об увеличении числа узбечек, вставших к станкам и машинам, об активных общественницах и бойких комсомолках, о женщинах, выдвинутых кандидатами в депутаты Верховного Совета Узбекистана. Красным карандашом отчеркнул он особенно понравившиеся ему факты.

В Ташкенте парашютистки Хабиба Умарова, Бибинисо Болтабаева и Акила Атауллаева готовятся к групповому затяжному прыжку.

В Андижане, не дождавшись, пока милиция отзовется на их жалобы и примет решительные меры, студентки педтехникума устроили засаду, поймали хулиганов Тохтасынова Эргаша и Балтаева Арипа, заглядывавших и стучавших по ночам в окна общежития, и заперли обоих в темном чулане на трое суток, чем, как указывалось в бумаге, нарушили закон.

«Прежде всего закон нарушил начальник милиции и хулиганы, а девушки молодцы!» — написал Юсупов.

На республиканском конкурсе юных математиков первое место заняла Султанпаша Касымджанова.

Госиздат готовит к выпуску «Песни девушек» поэтессы Зульфийи.

Юсупов вспомнил ее: совсем юная, с вьющимися над высоким лбом локонами, с лучистыми глазами... Читала на каком-то торжественном вечере свои стихи. Красивый, из глубины души идущий голос. Так же, как каждое слово.

Он еще раз перевернул кипу бумаг, выбирая нужные, отчеркивая те места, которые должны быть использованы при подготовке доклада ЦК VIII съезду КП(б) Узбекистана.

Юсупов отпил чаю из крохотной тонкой пиалы, посидел с минуту, прикрыв глаза, вызвал машину. Дом был совсем рядом со зданием ЦК, с великим удовольствием дошел бы до него пешком, но предписания органов требовали строжайше соблюдать меры против покушений, хотя после убийства Кирова ни одного подобного случая не произошло.

Отдыхал, как обычно, час, и во все это время в большом особняке на Гоголевской дети ходили на цыпочках либо вообще предпочитали играть во дворе, в саду: двое сыновей — тринадцатилетний Лёня и восьмилетний

Владик, названный в честь Ленина. Когда Юсупов, уже тяжеловатый — это становилось заметней, если он был не в обычной своей куртке с накладными карманами (зимой — из защитного цвета шевиота, летом — из чесучи), а в домашней, похожей на сетку рубашке, в широких штанах, — вышел на террасу, по молодым урючным листьям, по яблоням, сбивая на землю белый цвет, хлестал обильный, внезапно налетевший майский дождь. Набросив на голову мужской пиджак, укрыв им годовалую Инну, вбежала откуда-то из глубины двора нянюшка Маруся. Девочка смеялась; ее развеселил дождь и беготня. Юсупов поманил ее, и она потопала к отцу, широко ставя пухлые ножки. Он приласкал ее, прижав головкой к сердцу, поглаживая легкие шелковистые волосы.

Инна, Инесса... И это имя выбрано неспроста. Родилась в Москве, когда Юсупов учился на курсах, когда жили в тех самых двух маленьких комнатах в общежитии ЦК на Малой Грузинской. Сюда и вернулась, из роддома Юлия Леонидовна с дочерью на руках. Девочка родилась семимесячной, мать и нянюшка хлопотали над ней с утра до ночи, но вряд ли выходили бы, если бы не московский друг Юсупова, врач-испанец, политический эмигрант. Южанин, забавный с виду посреди холодной московской зимы, в заячем треухе с опущенным задком и тщательно увязанными под подбородком наушниками, он уже на рассвете стучался в юсуповскую дверь и, едва отогрев на батарее пальцы, склонялся над девочкой, сам пеленал ее и укутывал в вороха ваты.

Она выжила, окрепла, стала настойчиво требовать грудь, и обрадованный Юсупов, искрение благодаря друга, попросил, как о подарке:

— Дай, пожалуйста, сам имя моей дочке. Как говоришь? Инесса? Очень красиво. Спасибо тебе.

Детей он любил, как все узбеки, и своих и чужих. Но время, когда это свойство души проявилось в полной мере и у него, и у народа, было еще впереди.

Комиссар Степаненко, уже готовый сопровождать Юсупова обратно в здание ЦК, с чрезмерной от вежливости заинтересованностью следил за смолкающим дождем. У подъезда стоял темно-вишневый «бьюик».

— Поехали, — распорядился Юсупов.

Несколько минут спустя он вышел в обычной своей полувоенной одежде. На вечер были назначены дела, связанные с подготовкой совещания ирригаторов. Юсупов задумал собрать их, чтобы до республиканского съезда партии (дата его открытия, начало июля, была давно известна) посоветоваться и решить, что можно сделать для орошения новых земель не в будущем, отдаленном ли, близком ли, а сейчас, сегодня,

завтра.

Помощники были на месте, но запаздывал заведующий отделом. Он вошел в кабинет почти вслед за остальными, но чувствовал себя виноватым.

— В чем дело? — все же спросил Юсупов.

Заведующий позволил себе отдохнуть на полчаса дольше, чем обычно, но упаси бог употребить при Усмани Юсуповиче это слово — отдыхать! Сам показывал пример завидной работоспособности, даже беспощадности к себе, к своему организму, который, впрочем, был не столь уж могуч. Час дневного сна, пять, а в войну и того меньше — ночью — это была необходимость, от которой, увы, не уйти, как ни досадуй на то, что время уходит, а дела стоят на месте.

Заведующий промолчал; Юсупов не настаивал на ответе, спросил о другом: на месте ли Коржавин, главный инженер Управления водного хозяйства?

Подчиненному в этот вечер явно не везло. Он не был уверен, не отправился ли Коржавин, как это случалось нередко, в командировку, но знал, что Юсупов не признает и «не знаю». Взрывается: «А ты узнай! Вот не люблю таких!» Сам показывает при этом глазами на священный телефон СПС — специальной правительственной связи — и добавляет: «Ты думаешь, я туда могу так ответить, а?»

Заведующий, воспитанный Юсуповым, сказал:

— Усман Юсупович, на совещании Коржавин будет; он подготовится по всем необходимым вопросам.

— Завтра чтоб явился. — сказал Юсупов и заглянул в настольный блокнот. — В девятнадцать часов проводим предварительную беседу у меня. Пригласишь Аскаченского, Коржавина, Лебедева, Пославского... — Задумываясь ненадолго, загибая палец за пальцем, перечислил всех, с кем хотел говорить, спросил: — Никого не забыл?

Он и в лицо-то знал всех более или менее видных ирригаторов, дела, которыми каждый занимается. В «Колизее» — так в быту называли концертный зал в центре Ташкента, здание, предназначенное поначалу и вправду для цирка, Юсупов до начала совещания ходил по изогнутому дугой фойе, останавливался то около одного, то около другого. Увидел Пославского; тот сидел у стены, отрешенно смотрел голубыми глазами в сторону. Удивился, даже вздрогнул, когда Юсупов направился к нему.

— Ты что же это, а? — спросил Юсупов. — В летчики захотелось?

Пославский смутился. Он в самом деле подумывал о том, чтобы уйти в пилоты, пока еще не стар, получить новую, очень популярную

специальность. Говорил об этом как-то и вслух, в особо горькие минуты, когда сдавал в архив очередной проект, в углу которого красной тушью написано было и одобрение и указание — отложить реализацию до появления материальных возможностей. Но как узнал об этом Юсупов? Да в том ли суть — как? Важно, что занимает его, секретаря ЦК, судьба весьма скромного в собственных глазах инженера Виктора Васильевича Пославского.

Он смутился, как-то неловко встал, потому что Юсупов был ниже его, но не шевелился, застыл.

— Брось! Чем авиация, лучше ирригация, — Юсупов засмеялся, довольный тем, что получилось что-то вроде присловья, складно, и подошел к группе инженеров: Богун, Федодеев...

На совещании этом сам Юсупов говорил мало, но высказаться заставил многих. Особенно детально обсуждали существующую уже пять лет схему орошения Ферганской долины, а также только недавно завершенную водноэнергетическую схему не только для Узбекистана, но и для всей Средней Азии. Уже тогда было задумано, научно и технически обосновано строительство грандиозных плотин, которые сейчас, в металле и бетоне, стоят, преграждая бурные реки, сдерживая миллиарды кубометров влаги, скрывая в своих могучих телах мощные энергоагрегаты: Нурекская на Вахше, Туямуюнская на Амударье, Токтогульская на Нарыне, Фархадская на Сырдарье, Чарвакская на Чирчике...

— Будущее начинается сегодня, — сказал Усман Юсупович с трибуны совещания. Он где-то слышал эти слова, они ему понравились, и он с удовольствием употребил их к месту. А еще он говорил увлеченно и горячо, как хотелось бы вот теперь же, не откладывая, начать все это строить. — Но все это будет осуществлено, товарищи, можете не сомневаться! — говорил он и уверенно, по-пролетарски выбрасывая вперед кулак. И с несомненным удовольствием слышит аплодисменты, к которым эпоха была вообще охоча. Но сейчас хлопали не только ему; секретарь ЦК сказал, что снимут с полок многие чертежи, начнут осуществлять пусть еще не самые заманчивые проекты, на которые нет пока средств, пусть те, что поскромней, но будут строить больше уже сегодня. Он не скрывал от ирригаторов, что с машинами, материалами будет по-прежнему туго. На что же надежда? Лянгар! В недрах народа веками копилось стремление — напоить жаждущую землю; не только свой крохотный надел, а все поистине бескрайние степи, пустыни. Представлялось это сказкой, пока каждый был за себя, а за всех аллах. Да и то сказать: не только полноводный канал, любой арык, едва его пророет дехканин, так или иначе

становился собственностью бая. Теперь же люди ощутили себя в полной мере народом с общим достоянием, будущим, и оказалось это радующим, вдохновляющим, удесятеляющим силы.

Но не один лишь народный почин и энтузиазм имел в виду Юсупов. Готовясь к совещанию ирригаторов, к VIII съезду КП(б) Узбекистана, он дал задание экономистам тщательно, буквально до килограмма и метра — так и сказал — взвесить, учесть все фонды строительных материалов и, снова-таки приняв всю ответственность на себя, определил, что для ирригации можно будет выделить дополнительно и металл, и цемент, и машины.

Об этом сказал и с трибуны съезда, проходившего в первых числах июля, когда небо над Ташкентом уже к полудню казалось белым, словно плавящимся от зноя, а асфальт, которым были покрыты тротуары на главных улицах, стекал с их краев в арыки.

«Жарко будет», — говорили вокруг, когда была назначена дата съезда.

Он перебирал справки, документы, письма, наброски разделов — то, что называют сухими словами «материал к докладу». Все это он успел изучить, готовясь к съезду, едва ли не наизусть. Но не меньшее значение для Юсупова имело то, что хранилось в памяти: сотни встреч, разговоров, лиц, опаленных солнцем, натруженных ладоней, которые с почтительностью и радостью пожимали в поле, в цехе руку первого секретари ЦК республики.

Его радовало, что народ стал жить лучше. Республика была на подъеме.

Было построено почти две сотни новых заводов и фабрик. Росли ряды рабочего класса. Страна получила более полутора миллионов тонн хлопка. На колхозных полях трудилось уже 20 тысяч тракторов. Уже никого не удивлял не только рабочий, но и инженер, техник, вышедший из вчерашних дехкан.

Особенно отрадно было, что укреплялись колхозы. Достаточно было одного показателя: доходы колхозников возросли в шесть раз.

И все же...

Юсупов, как всегда, с неудовольствием, но решительно повернул карандаш красным грифелем вниз. Вскоре уверенные росчерки испещрили бумагу. До сих пор многие полевые работы выполняются все теми же дехканскими руками, не хватает специалистов: механизаторов, ирригаторов, ресурсов в крае немало, а используются они недостаточно. Для тех, кто понимал под этим только природные богатства, нужно дать партийное разъяснение: главный наш капитал — люди. И крупно,

размашисто — пометки о важных проблемах, о которых нельзя забыть в докладе: движение новаторов должно быть подлинно массовым.

Предприятия — все без исключения! — обязаны работать ритмично. Не верить сводкам. Определить, какие колхозы отстающие, и принять все меры для того, чтобы поднять их до уровня передовых. И вновь красная черта подчеркивает строку в докладе, и рядом с тремя восклицательными знаками Юсупов отмечает: «Обязательно!!! Темпы, темпы и еще раз темпы!»

Тот же знак ставится в начале следующего раздела. Юсупов пишет: «Ликвидация неграмотности, обязательное изучение русского языка. Для этого: укрепить органы народного образования коммунистами!!!»

Общие же итоги, с которыми республика пришла к съезду, позволили делегатам не без гордости за то, что было сделано народом, записать в резолюции по докладу, с которым выступил Юсупов: «Вооруженные ленинской теорией о возможности перехода отсталых стран с помощью победившего пролетариата передовых стран к социализму, минуя этап капиталистического развития, трудящиеся Узбекистана под руководством Коммунистической партии, при помощи передового русского рабочего класса быстро преодолели свою экономическую и культурную отсталость и превратили Узбекистан из аграрно-сырьевого придатка царской России в цветущую передовую социалистическую республику, равную среди равных в великом созвездии могучего и непобедимого Союза Советских Социалистических Республик».

Война уже заявила о своем приближении первым, пока отдаленным раскатом грома. Только закрылась первая сессия Верховного Совета Узбекистана, депутаты еще не разъехались по домам, — Юсупов одну за другой принимал делегации областей, когда ему стало известно о боях у озера Хасан. Конечно же, понятно было, что японских вояк — их называли, вкладывая в слово презрительный оттенок, самураями — интересовал не пустынный участок территории у Хасана, а прочность советских границ и Красной Армии. То была первая предпринятая врагами разведка боем.

Юсупов более, чем другие, был в курсе военных событий. Бои шли ожесточенные. Он и не сомневался, что враги хорошо вооружены, солдаты их натасканы. В сражение вступила наша авиация. Японские части начали отступать на маньчжурскую территорию, Юсупов с тревогой ждал сводок: введут ли японцы новые войска? Нет, они убралась, как написали вскоре наши газеты, поджав хвост.

События у Хасана бурно переживались всеми. Еще не было сообщено

о победе, когда Юсупов собрал у себя ответственных работников ЦК и вновь созданного Совнаркома. Френч его более чем когда-либо напоминал военную куртку. Над накладным карманом алел эмалевый флажок с золотыми буквами — знак депутата Верховного Совета СССР. До начала совещания кто-то заговорил о Хасане, и сразу же в беседу включилось несколько человек, завязался даже небольшой спор о новых видах оружия. Поглядывали выжидательно на Усмана Юсуповича: он-то знает больше. Юсупов встал за столом, поднял ладонь.

— Товарищи, — он начал, как всегда, негромко, — поговорим, посоветуемся о главной задаче сегодняшнего дня, — и бросил в напряженную тишину как призыв: — Это хлопок! Убрать урожай нужно до последней коробочки. Вот наш, узбекский вклад в оборону Советской страны, вот наш ответ врагам.

Говорил это и думал: не забыть дать задание помощнику — основательно подготовить материал об усилении оборонно-массовой работы среди населения.

В том году Узбекистан вышел на первое место в мире по урожайности хлопка.

По вечерам над листвой парков, уже посеревшей от зноя, плыл в густом теплом воздухе паточный голос Вадима Козина — непонятное, как все, что относится к моде, увлечение молодежи, которая, впрочем, с гораздо большим энтузиазмом распевала не приторно-сладкие козинские романсы, а бодрые боевые песни из кинофильмов. Юсупову нравилось, когда его ребята ставили на патефон пластинки Леонида Утесова или «Веселый ветер», но случалось, из-за соседних оград несло бесконечно повторяемое: «Брось сердиться, Маша...» Патефоны были в большой моде. Их выпускали даже складными, чтоб можно было брать с собой на прогулку, и Юсупов, замечая парня в широченных коломянковых штанах, который держал под локоток подругу, неся в другой руке обтянутый красным дерматином громоздкий чемодан, говорил шоферу:

— Вот какие пошли молодые люди, посмотри: без музыки вроде жить не могут совсем.

Что ж, молодежь, как обычно, удивляла: и увлечения, и образ жизни, и тенденции века она доводила порой до крайностей, но была в юношеском максимализме положительная сторона: недостатки выпячивались, становились зримыми.

Утром Юсупову доложили, что в Фергане, где проходила комсомольская конференция, шести коммунистам, уйгурам по национальности, предложили покинуть зал заседаний. Мандатная комиссия

заподозрила, что у этих людей могут быть родственники за границей, в Синьцзяне. Юсупов рассвирепел. Он продиктовал секретарю текст телеграммы, запретив менять хотя бы слово: «На каком основании вы, беспартийные сопляки, выводите коммунистов из конференции? Опомнитесь! Что вы делаете? Юсупов».

Телеграмма, как велел Юсупов, была зачитана с трибуны вслух. Коммунистов пригласили в зал, извинились, немедленно доложили об этом Юсупову. Он рассеянно выслушал сообщение помощника. Голова была занята иным: нельзя так. Нет. В сейфе лежала бумага, не анонимная, с подписями, обвиняющая двух видных инженеров во многих смертных грехах. К заявлению было приложено и техническое обоснование вины «вредителей»: они, оказывается, предлагали построить плотину и водохранилище, которое — если плотина рухнет, разумеется, — выльется на город и уничтожит его. Уже звонили несколько раз по поводу этой бумаги.

Юсупов снял трубку, сказал коротко, что займется расследованием сам.

Вновь принял он ответственность на себя и вновь не ошибся: оба инженера отлично трудились много лет, а плотина оказалась сверхпрочной.

И вновь напрашивается сравнение с полководцем. Области деятельности гораздо более близкие, чем кажется на первый взгляд, потому что ни штурмом Зимнего, ни штурмом Перекопа революция не завершилась. Она продолжалась; стал иным лишь характер сражений, но миссия полководца, обязанного принять единственно верное решение, принять на себя ответственность за успех дела, за истраченные силы и средства, за судьбы людей, а нередко — всего народа, за будущее, остается неизменной. Именно поэтому партийным руководителем становится тот, кто видит дальше других, кто смел не безрассудно, а потому, что сумел раньше других взвесить все «за» и «против» и, говоря все тем же партийным языком, вовремя поднять нужный вопрос.

Юсупов не просто обрадовался почину папских колхозников, проложивших канал Лянгар, но и загорелся душой, почуяв начало знаменательных событий.

— Поднимем людей, тысячи, десятки тысяч. Устроим всеузбекистанский хашар. — Даже в окружении юсуповском не всем еще было понятно, что он имеет и виду, хотя о древнем обычае — хашаре, когда вся сельская община собирается вместе, чтобы за одни день построить глиняный дом для бездетных стариков или перекинуть мостки через горный поток, знали хорошо.

И как отзвук юсуповских мыслей (а может, наоборот?) в самом начале 1939 года в той же Ферганской долине, в Маргиланском районе, на собрании водопользователей, где речь шла все о том же — о недостатке влаги для полей, уважаемый всеми мираб Урутжан Расулев сказал, что следует, дескать, и нам поступить так же, как в Папе, — построить своими силами канал для переброски воды из многоводного по весне Исфайрамсая. Едва узнав об этом, Юсупов немедленно сообщил, что его поддержка колхозному почину обеспечена. Он готов был дать команду начинать работы хоть сейчас, но здравый смысл всегда соседствовал в нем с увлеченностью. Юсупов понимал, что даже 32-километровый канал без изысканий и проекта не проложить.

Вновь всплыло сакраментальное требование: сроки. Но если колхозники, вооруженные кетменями, носилками и энтузиазмом, берутся сделать невероятное, то неужто инженеры...

Они тоже совершили то, что до сих пор представляется удивительным: всего за три недели были не только проведены изыскания, но и выдан готовый проект соединительного канала Ляган. Вот фамилии инженеров, которые в тиши кабинетов, как принято это называть, положили начало трудовому подвигу: В. Ф. Машков, Ф. М. Миронов, Н. И. Сатурнов, Ф. Д. Русанов, К. Л. Сумароков, Е. Н. Орлова. Главный инженер проекта А. И. Ключков. Помощь Юсупова состояла не только в том, что он вдохновлял этих людей своим словом, увлек их идеей. Отнюдь не искусственной препоной встал на пути у замысла сельхозбанк. Он отказался финансировать работы на местности по обоснованной причине — проект не утвержден, не включен в соответствующие списки. Юсупов пригласил к себе директора сельхозбанка Исмаилова, спокойного, уверенного в своей правоте работника.

— Как так получается: я даю людям задание, ты деньги не даешь?

— Будет проект — будут деньги.

— Есть проект, товарищ Исмаилов, — сказал Юсупов. — Это я тебе говорю: есть! Не мешай делу, слышишь? Иногда ломать надо, отступить от буквы. Жизнь такая штука — в рамки не лезет. Понимать надо, — и помолчав: — Я буду отвечать. Понятно?

Деньги дали, и, когда еще не просохли «синьки», когда еще дребезжали примитивные на современный взгляд арифмометры в сметной группе, в Ферганскую долину уже отправились надежные люди Юсупова, инженеры И. Ф. Федодеев и Б. Д. Коржавин, назначенные руководителями народной стройки. Сам Юсупов в это время ехал с делегацией Узбекистана в Москву на XVIII съезд ВКП(б). Но еще прежде, в самом начале 1939 года,

он выступил на очередном пленуме ЦК КП(б) Узбекистана, а потом — со статьей в «Правде», настойчиво повторяя все ту же мысль о «самодеятельной ирригации». Замыслы у Юсупова были грандиозны. Он уже жил идеей — проложить, подняв на всенародный хашар, Большой Ферганский канал.

В марте тридцать девятого, выступая с трибуны XVIII съезда партии, он уже знал — одни из немногих, — что вопрос о Большом Ферганском канале практически решен. С председателем Совнаркома Абдурахмановым они привезли в Москву предварительную смету затрат, составленную Среднеазиатским проектно-изыскательским трестом. Сумма выглядела внушительной — 144,3 миллиона рублей. А прибавь сюда возмещение стоимости всех видов отчуждений (ведь канал пройдет по земле с пашней, строениями, садами — за все это надо платить!), и цифра расходов подпрыгнет еще выше, к ста пятидесяти миллионам.

У государства не было таких денег на одну стройку — они это прекрасно понимали. Они и не просили. Вопрос стоял так: какую часть затрат может взять на себя Госбюджет и, главное, сумеют ли без ущерба для себя, для своей экономики покрыть остальную (считай — большую) часть ферганские колхозы.

Юсупов знал: главный бой им дадут по этому, второму, пункту. Трезвые хозяйственники из государственных плановых органов, молчаливо и сосредоточенно сосавшие «Беломорканал», вежливо останавливали выступавших из республик при первых же попытках мелодекламации. Их интересовали только цифры. Настырностью, темпераментной болтовней их нельзя было пронять. (Юсупов испытывал к такого рода людям смесь симпатии и суеверного страха — чувствовал себя рядом с ними недоучкой.)

Недаром так тщательно, не давая покоя помощникам, десятки раз перекраивая, изменяя, готовил он свою десятистраничную речь к XVIII съезду ВКП(б). Не потребностью похвастать, не фанфаронством вызваны эти его слова;

— ...Посмотрите на экономику республики, на жизнь, на людей и попробуйте сказать, что наша национальная политика не воплощена в жизнь!.. Мы имеем в республике сейчас пятьсот колхозов-миллионеров. Среди них есть такие колхозы, которые получили в 1938 году свыше восьми миллионов рублей дохода, и трудодень у них составляет двадцать восемь рублей...

(Эта же цифра — пятьсот колхозов-миллионеров — фигурировала и в докладной записке в плановые органы. «Более шестидесяти процентов хозяйств с миллионными доходами, триста с лишним колхозов, —

говорилось там, — приходится на районы Ферганской долины, где намечено строительство. Если каждый такой колхоз возьмет на себя полностью содержание собственных строителей канала, оплачивая их работу на трудодни, обеспечит их питанием, инвентарем, арбами, лошадьми, — это составит не более одного-полутора процентов годового колхозного дохода, — следовательно, не только не подорвет экономику хозяйства, но фактически будет незаметно в общем балансе его расходов».)

Юсупов говорил с трибуны съезда, не называя пока Большой Ферганский канал: да, мы уже способны и на такое. Социалистическое сельское хозяйство Узбекистана твердо стоит на ногах. Нам по плечу большая стройка.

Перед ним на вечернем заседании 11 марта выступил Щербаков. Они сидели в президиуме съезда недалеко друг от друга, и будто специально для него Щербаков неожиданно стал говорить о канале Москва — Волга, недавно построенном, о том, сколько новых стахановцев, героев труда родила эта стройка.

Юсупов разволновался: надо было вставить в выступление хоть два слова о Лягане. Как он не подумал об этом! И тут председательствующий назвал его имя. Он шел к трибуне, так и не решив: говорить или нет? И промолчал. Трудно сказать почему. Ведь в те дни, когда работал съезд, когда Юсупов говорил с трибуны, недалеко от Ферганы, в местечке Ляган, шла генеральная репетиция к Большому Ферганскому, народная стройка тридцатикилометрового канала из Шахимардансая в Исфайрамсай, кетменный восемнадцатидневный предшественник нарынской эпопеи.

Можно себе представить, как нетерпеливо, как мучительно ждал он вестей оттуда, как много значили для него скупые строчки телефонограмм, регулярно поступающих в Москву: «13 марта сделано 22 процента земляных работ. На строительство вышло 14 тысяч человек...»; «15 марта. Дневная производительность на человека от двух с половиной до пяти с половиной кубометров земли...»; «17 марта Алты-Арыкский район, идущий впереди, начисто закончил проведение канала на протяжении пяти километров. Алтыарыкцы перешли в порядке соцпомощи на участки второй очереди».

Большой Ферганский канал был для Узбекистана, для страны, в истории наших пятилеток не меньше, чем Магнитка, Днепрогэс, Кузнецк. Как и они, эти стройки-легенды, как дрейф «Челюскина», перелеты Чкалова и Гризодубовой, как зимовка папанинцев на льдине, Большой Ферганский — в общем ряду ярчайших проявлений набиравшего взлет социализма — сформировал лицо целого поколения, сам будучи

классическим его детищем, стал своеобразным паролем эпохи, дав ей неповторимую окраску, ритм, вошел в историю государства как образец массового коммунистического отношения к труду.

«Я считаю одним из счастливейших воспоминаний — мое пребывание на Ферганском канале. Там все было великолепно, как в эпоху заверченного коммунизма. И я так жалел, что я не музыкант, чтобы передать это все в звуках, что я не поэт, чтобы воспеть это дело. Конечно, лучше было бы работать как прозаику, но я не сделал этого, потому что думал, что нужно быть всем вместе — и поэтом, и прозаиком, и музыкантом — настолько это было великолепно и многокрасочно... Я здесь видел живую силу народа, сконцентрированную на моих глазах и показывающую, что будет делаться в дальнейшем».

Это говорил не восторженный юноша. Слова эти сказаны Петром Павленко в 1950 году после того, как он побывал на финской и Великой Отечественной войнах, после того, как увидел дымившуюся в пепелищах, разграбленную, растоптанную Европу. Да разве только он один как песню пронес в душе Большой Ферганский!

Странная, чудная вещь ретроспекция.

В какой-то растерянности думаешь о том, что всего-то этого, громкого и величавого, не знал тридцатидевятилетний секретарь ЦК КП(б) Узбекистана Юсупов. Для него, сидевшего в Большом Кремлевском дворце предвоенной Москвы, все это существовало пока в будущем. Этому еще предстояло свершиться.

Отчего же он был так упорен? Что руководило им? Почему так зло, методично отметал он любой довод против строительства?

...«Вот если взять такую проблему, в отношении которой почти пять лет спорили: можно ли что-нибудь получить с точки зрения улучшения орошения Папского района? В этом году результаты показали: канал, о котором пять лет шли споры, о котором говорили, что его без цемента, железа и бетона нельзя построить, сейчас в основном этот канал построен!»

Это выписка из направленной стенограммы его февральского выступления на IV пленуме ЦК КП(б) Узбекистана, за месяц до съезда. Четырежды брал он тогда слово, возвращаясь всякий раз к одному и тому же: «Хватит тянуть волынку! Смотрите: в Папе ведь построили! Ляган накануне пуска. Течет, черт возьми, вода на колхозную плантацию! Чего же вы мямлите, уважаемые спецы, про хрестоматию ирригационного строительства? Вот хрестоматия:

...«Деды наши, отцы наши строили десятки, сотни лет без цемента,

без железа. Надо последовать многовековому опыту!..»

Не правда ли, не очень убедительно сейчас звучит это: «деды строили»? Но мы-то, сегодняшние, точно знаем: канал протяженностью в триста с лишним километров, построенный в основном дедовскими методами, живет и трудится поныне. Да, странная, чудная штука это — ретроспекция.

Думал ли Усман Юсупов, что рискует? Ведь был риск — и немалый! — об этом говорили ему люди, отлично знавшие свое дело, позволившие себе сомневаться лишь по праву трезвого расчета, в силу сознаваемой ответственности. И ведь не беспочвенными были их сомнения. Просто вывести на ограниченную территорию сто пятьдесят тысяч живых душ, которым в течение полутора месяцев надо пить, есть, спать, — это ли не задачка? Не говоря обо всем остальном: изыскании трассы, проекта. Только это!

Он мог быть доволен: республику на съезде хвалили. Главным образом за прошлогодний хлопок, за рост урожайности на гектаре (а год был тяжелый, безводный. Первый фактически год, когда он стал отвечать за все).

Он с нетерпением ждал, когда А. А. Андреев, выступавший по вопросам сельского хозяйства, дойдет до раздела «технические культуры». Напрягся, сжав в пальцах карандаш, услышав: «А вот какие дела творятся по хлопку...»

Непривычная по нынешним представлениям фраза не резанула его, казалась естественной, как и остальным, сидящим в зале. Андреев перечислял районы Узбекистана, добившиеся наивысшего урожая. Назвал Избаскентский район, получивший по тридцать три центнера с гектара (Юсупов вспомнил, как тысячи ферганцев поднимались прошлым летом по тропинкам в горы с кетменями на плече — помочь вскрытию ледников, поддержать минимальный уровень в реках).

— Вы видите, товарищи, — звучал глухой, без интонаций голос Андреева. — как летят все пределы, все теории, все разговоры о плодородных и неплодородных землях под напором передовых колхозов и колхозников.

Прозвучали аплодисменты. Юсупов глянул из-за плеча: Сталин смотрел в его сторону, хлопал вместе со всеми. Ему стало жарко, радостно.

В докладе о пятилетием плане Узбекская ССР была названа основным производителем хлопка в стране. Звучали с трибуны волнующие слова:

— ...Это уже успех не отдельных людей или групп работников. Это победа узбекского народа, который на деле показал, какие громадные силы

тятся в наших колхозах.

Никого из делегатов XVIII съезда ВКП(б), и Юсупова в том числе, не удивила скромная цифра капиталовложений в сельское хозяйство на новую пятилетку — в сравнении с тем, что вкладывалось в промышленность. Ответ читался на свежееотпечатанных листах газет.

«Подробности контрреволюционного переворота в Мадриде».

«Вооруженная борьба на улицах Мадрида».

«Оккупация Чехии и Моравии германскими войсками».

«Как сообщает агентство Рейтер, изменническая мадридская хунта сдала Мадрид генералу Франко».

«Итальянский фашизм совершил новый разбойничий акт. Он напал на маленькую беззащитную Албанию и с помощью оружия захватил ее. Сначала жертвой итальянского агрессора стала Абиссиния. За Абиссинией последовала интервенция в Испании, героический народ которой почти три года сражался против наглых захватчиков. Сейчас очередной жертвой итальянского фашизма стала Албания».

Война стучалась в наш дом.

В резолюции XVIII съезда стояло: довести урожайность хлопка на поливных землях до 19 центнеров с гектара, коренным образом улучшить севообороты. Ничего этого нельзя было сделать без дополнительной воды. Вот на этом пункте, пожалуй, и кончились сомнения Юсупова. А риск? Он рисковал всю жизнь.

29 марта председатель Президиума Верховного Совета Узбекистана Юлдаш Ахунбабаев перерезал красную ленточку на временной перемычке между Исфайрамсаем и каналом имени XVIII съезда ВКП(б), построенным в дни его работы добровольными строителями из ферганских кишлаков.

Успел на торжественный пуск Лягана и Юсупов, прилетевший сюда из Москвы членом Центрального Комитета ВКП(б).

Опыт маленького Лягана не просто изучали. Его разобрали по косточкам скрупулезнейшим образом. По свежим следам Центральный Комитет КП Уз и Совнарком республики обсудили итоги стройки, приняли, обнародовали постановление, строго наказав областным оргкомитетам ЦИК и обкомам партии в месячный срок подготовить конкретные предложения по переустройству ирригационной сети. Ляганский почин обрел строгие формы концепции.

В первый день по возвращению из долины ему позвонил редактор «Правды Востока» А. Т. Александровский, попросил выступить со статьей «Уроки Лягана». Юсупов ответил, что согласен, спросил, однако, с

иронией:

— Название уже есть? Может, статья тоже готова, Абрам Теодорович? Подписать только?..

В отличие от некоторых он любил писать, не отказывался от предложений редакций, подталкивал соратников, членов бюро, руководителей:

— Давно не выступал... Давай напиши в газету. Есть же о чем!

Завидовал по мальчишески Ахунбабаеву за его дар рассказчика, за нешаблонность, свежесть его письма, говорил с оттенком удивления:

— Юлдаш-ака рожден писателем. Ему бы, как и мне, образование. Он бы здорово писал. Не хуже Айни.

Упорно вырабатывал собственный стиль (дома хвастал удачной фразой, особенно перед старшим сыном Леонидом, пятиклассником: «Читали? Сам придумал. Я лучше вас по-русски пишу...» Жаль, по сию пору не собрано воедино, не издано журналистское печатное наследие Юсупова).

Статью о Лягане он, разумеется, назвал по-своему: «Возглавить народный подъем». Он написал в ней о трудной, неблагоприятной весне, о том, что дожди, неожиданный снег, заморозки во многом помешали нормальному ходу посевной, но что сев хлопчатника все-таки в основном закончен и что впервые за многие годы перевыполнен план по севу люцерны.

Юсупов говорил в статье, что Ляган вызвал в народе удивительный подъем, что дехкане по примеру ферганцев строят собственными силами арыки и каналы к приближающемуся летнему поливному сезону, что народными методами уже вырыты каналы в Пскентском районе, в Кировском районе, что прорыт заново древнейший канал Зандони в Бухаре.

«Трудно описать многообразное и многокрасочное проявление народного энтузиазма в процессе этого строительства, — читаем мы в статье. — Трудно описать отдельные волнующие и вдохновляющие эпизоды, которыми насыщены дни сооружения и открытия каналов. Можно только сказать, что тот, кто побывал в эти дни на строительстве Ляганского и других каналов, наглядно увидел, как глубоко вспахала социалистическая революция советскую почву, какие глубокие пласты народной целины подняты ею и какой богатейший урожай созрел на этой почве...»

(Спустя три недели в «Правде» появилась известная статья Усмана Юсупова «Замечательное народное движение», в которой впервые публично говорится о готовящемся строительстве Большого Ферганского канала.)

Ляган стал боевым оружием Юсупова в спорах (кстати, «Ляган» в переводе на русский — большое керамическое блюдо, довольно увесистое). Когда его припирали к стенке, он вопрошал победно:

— Ладно, допустим. Но вот Ляган?..

Это был отличный союзник — настоящий канал. Все, через что потом прошел Большой Ферганский, было испытано вчерне, апробировано — в скромных, разумеется, по сравнению с ним масштабах — на трассе рукотворного канала имени XVIII съезда партии.

Чтобы оцепить по достоинству сделанное ферганскими колхозниками в тридцать девятом году, понять ответ шестидесятилетнего Юсупова: «Ферганский канал» — на просьбу назвать самую значительную в его жизни работу, нужно знать о таких вещах, как режим рек и тесно увязанные с ним условия и принципы водопользования в зоне орошаемого земледелия Ферганы, в особенности — южной ее части.

Итак, зачем это понадобилось — рассечь из края в кран южную часть долины, где уже немало и без того протекало разного рода рек и речушек, еще одном водной магистралью?

Ферганская долина (точнее, котловина) стиснута с трех сторон горными системами Тянь-Шаня и Гиссаро-Алая, откуда берут свое начало все ее реки. Они неоднородны по режиму. Одни питаются главным образом водой высокогорных ледников. Время их основного паводка, совпадающего со временем интенсивного таяния ледников, — разгар лета. Это Сох, Исфара. Весной они маловодны, вялы. Другие, как Караунгур, Кургарт, Акбура, зарождающиеся сравнительно невысоко, напротив, несут больше всего воды весной, едва только солнце пригреет их снежные кладовые. Их хватает ненадолго. Запасы снега на невысоких горных склонах и в лощинах быстро иссякают, реки мелеют.

Но есть в этой речной иерархии свои баловни — Нарын, Кассансай. Это реки смешанного питания, с двумя паводками — весенним и летним. В них практически круглый год вдосталь воды. И надо же, именно Нарын, полнящийся водой в самые горячие месяцы летних поливов, течет себе преспокойно на север, огибая стороной томящиеся от безводья земли Южной Ферганы, главный поилец которых — Карадарья — в июле не преграда даже овцам, переходящим ее вброд.

Представьте себе теперь, что все эти реки с различным временем паводков соединились между собой, стали единой водной артерией (наподобие схемы кровообращения в учебнике анатомии), а роль основного соединительного отвода взял на себя канал. Теперь у этой новой единой

реки непрерывный паводок. Остается только регулировать его, направлять весной воду в конец канала, где реки, питающиеся от ледников, пока еще дремлют в безводье, и, напротив, отнимать у них лишнее в июле, переключив канал на подачу воды в Карадарьинскую систему, истощившую к тому времени свои ресурсы.

Мало того. Трассу Большого Ферганского предполагалось выбрать с таким расчетом, чтобы пересечь низовья всех прежних ирригационных систем Южной Ферганы. Канал должен был разделить орошаемую этими системами территорию на две части. Правобережную предполагалось орошать самим каналом. Земли левобережья оставались на обслуживании ранее существовавших систем, с них, таким образом, снималась значительная часть нагрузки, и они теперь были в состоянии обеспечить водой значительно урезанный земельный клин.

Так — схематично — выглядела техническая идея, заложенная в основу будущего канала.

Витала она в разных вариантах довольно давно, еще с начала нынешнего века.

На памяти десятилетнего Усмана — приезд в кишлак диковинных по облику людей — в тяжелых ботинках на толстой подошве, в белых рубашках без рукавов, в одинаковых, тяжелых на вид, но удивительно невесомых на поверку шляпах, застегивающихся ремешком на подбородке.

Приезжие обнаружили беспримерную щедрость на угощения, без счета одаривали кишлачную босоногую детвору сладостями, мальчишки ходили за ними плотной толпой, водили приезжих на колкие от сгоревшего под солнцепеком кустарника, пыльные, неприятные холмы в окрестностях Каптархоны, тащили с натугой наверх длинные палки с нарисованными значками, тяжелые, одетые гладкой черной кожей смотрильные машины, аккуратно упакованные в узкие брезентовые мешки. Дехканам было, конечно, крайне любопытно выяснить, что делают на их земле непонятные люди. Спросили наконец, улучив минуту, сопровождавшего приезжих круглолицего, медлительного в движениях урядника из волости, целый день дремавшего на байской веранде, пока его подопечные колдовали своими хитрыми игрушками. Урядник отвечал: не вашего, мол, ума дело. Ему самому все это было невдомек.

Только впоследствии выяснилось: навещали Учкурганскую степь инженеры-проектировщики английской фирмы «Пирсон и сын» и швейцарской Кюрштейнера для составления проекта большого оросительного канала, берущего начало из Нарына, а наняла их для оной работы Московская оросительная компания, недавно созданная на

капиталы крупнейших мануфактуристов России — Рябушинского, братьев Морозовых, Бахрушиных, Коноваловых, Кноп, Кузнецовых — и имевшая цель прибрать к рукам золотые, пока еще не орошенные земли Ферганской долины, сулившие после постройки магистрального канала тысячепроцентный барыш на каждый вложенный рубль. Мировая потребность в хлопке росла невиданными темпами. Московские текстильные магнаты нервничали: не обернись они проворней, обойдут как пить дать англичане, американцы, насулят с три короба туземцам, возьмут концессии, облапошат. И свои, единокровные, ивановские, орехово-зуевские промышленники тоже зевать, поди, не будут: кусок-то жирный. Московская оросительная компания — «Мок» — торопилась. В Фергане объявилась целая армия ее представителей. Они ездили вдоль предполагаемой трассы канала, вели переговоры с дехканами, советуя им продать русской компании их земли или согласиться покупать будущую воду, платя за нее натурой — хлопком.

Переговоры, однако, затягивались. Тогда акционеры «Мок», банкир Коновалов и фабрикант Рябушинский, пользуясь собственными мандатами членов Государственной думы, внесли на рассмотрение господ депутатов законопроект о передаче компании 250 тысяч гектаров земли Ферганской долины в аренду сроком на 99 лет. И провели бы закон, не извольте сомневаться, не помешай разразившаяся вскоре первая мировая война.

— Представляю вам, товарищи инженеры, начальника строительства канала...

Сидевший рядом с Юсуповым хитроватый на вид дядька с тонкими, серпиком, усиками по углам рта, с орденом Ленина на давно не глаженном кителе, предпринял не слишком активную попытку подняться со стула — Юсупов жестом посадил его обратно:

— Товарища Тишабая Мирзаева, председателя Оргбюро ЦИК по Ферганской области, вы знаете. Вот, товарищи... начальник строительства уже есть. Больше пока ничего нет. Мы уже три часа тут сидим, — он повысил голос. — и пока не услышали ясно и толково: когда будет проект? Все пока туда-сюда, никаких конкретных сроков... Вы мне назовите число. Или как хотите? Директивно это дело решать? Дадим вам число: что хотите, то и делайте. Или будем копать в сентябре, октябре? Хлопок провалим, скажем в Политбюро: мы канал копали, не ругайте нас, пожалуйста. Так, товарищ Асоченский?

Совещания в ЦК проходили почти ежедневно. Землеустроители, ирригаторы, инженеры ходили в конструктивистский особняк на

Гоголевской как на работу. Передавались из рук в руки в разгар прений телеграфные сообщения-оперативки из Ферганы: пройдено столько-то. На будущей трассе работали первые изыскательно-проектные отряды, геологические группы.

То и дело поднимали с места Лебедева, светлоглазого подтянутого белоруса с обветренным лицом степняка — автора проекта. Просили пояснить то, другое. Он отвечал коротко, улыбочиво глядя на спрашивавшего. (Этот похожий на подростка-втузовца веселый инженер был к тому времени составителем первых ирригационных, рельефных карт Ферганской долины, пятнадцать лет строил и конструировал водное хозяйство Узбекистана.)

— ...Хорошо. — останавливал нетерпеливо Лебедева Юсупов, — ты нам скажи, Иосиф Дмитриевич, за сколько такой канал построят американцы (к их темпам внимательно тогда присматривались)? Все вместе — проект, канал, сооружения...

Лебедев стоя листал свои тетрадки, находил нужное место, принимался читать... Всеамериканский канал в штате Калифорния — для орошения из реки Колорадо двухсот шестидесяти тысяч гектаров земли в долине Империяль. Протяженность сто двадцать девять километров. Строился новейшей землеройной техникой четыре года... Опыт строительства канала протяженностью в сто десять километров в штате Вайоминг. Проект утвержден в тридцать третьем году. Строительство началось три года спустя — в тридцать шестом на протяжении первых четырех километров. За шесть месяцев тридцать седьмого года вынуто немногим более полутора миллионов кубометров грунта...

— Стоп... — стучал по столу Юсупов. — Когда они закончат с такой производительностью?

— В общей сложности канал может быть построен за пять-шесть лет.

Юсупов громко хмыкал — американцы ему плохо помогали.

— Ладно, — говорил он, — оставим Америку. Им же не строить социализм... Объявляю перекур на пятнадцать минут.

Ферганский эксперимент вошел в историю мировой ирригации как явление уникальное, исключительное. Были сметены, опрокинуты в одночасье веками складывавшиеся параметры водного строительства, поколеблена инженерно-экономическая логика, где-то даже, казалось, здравый смысл. Трехсоткилометровая река — четыре метра глубиной, тридцать вширь — должна была возникнуть в ирреальные сроки — не за годы, не за месяцы даже — за сорок пять дней! Изыскание трассы и проект

— за два с половиной месяца!

...На том порешили — уже поутру — в расплывавшемся сизым папиросным дымом угловом кабинете первого секретаря. Иного выхода у них не было. Другого решения они принять не могли.

Юсупов засмеялся хрипло: участники совещания еще собирали со столов, засовывали в портфели бумаги, когда принесли пачку свежих газет. Он увидел мельком заголовок передовой в «Правде»: «Покончить с заседательской суетней».

Лебедев, другие специалисты торопились на ферганский поезд. Уезжал с ними и Тишабай, так и не произнесший за все время ни слова — казалось, дремавший во время споров (те, кто плохо его знал, косились в его сторону: ну и начальник строительства, нечего сказать!).

Юсупов подозвал помощника, попросил: — Принеси чего-нибудь пожевать... Подожди! (Тот уже был в дверях.) Свяжись с газетами. Пусть завтра дадут сообщение.

Оно появилось на следующий день, 10 июня, сообщение: «В ЦК КП(б)Уз и СНК УзССР. О строительстве Большого Ферганского канала»^[8].

«Правда Востока», 20 июня:

«Вчера, 19 июня, на самолете из Москвы в Ташкент прибыли кинорежиссер-орденоносец, заслуженный деятель искусств (постановщик картин «Броненосец «Потемкин», «Александр Невский») С. М. Эйзенштейн и оператор «Мосфильма», орденоносец, заслуженный деятель искусств Эдуард Тиссэ.

С. М. Эйзенштейн и Э. Тиссэ приглашены для постановки большого художественного фильма на тему о борьбе за воду по сценарию писателя П. Павленко».

Там же: «Коканд (по телеграфу). 17 июня полностью закончена трассировка Большого Ферганского канала. Проектно-изыскательские отряды стягиваем на андижанскую и кокандскую базы, где полным ходом идут камеральная обработка материалов и проектирование.

Инженеры и техники работают над составлением проекта с большим воодушевлением. Однако Кокандский и Андижанский горсоветы ровным счетом ничего не делают для того, чтобы обеспечить сносные бытовые условия для специалистов, напряженно работающих над составлением проекта Б. Ф. К.

И. Д. Лебедев, зам. главного инженера по проектированию Б. Ф. К.»

Что скрывать: не все понимали, сколь важен и этот почин, и будущий канал. Но находились — вот уж истинно, не для смягчения формулировки — отдельные люди, те, кто всему на свете предпочитал спокойное существование — не жизнь, потому, что есть, пить, спать, как известно, еще не означает — жить. Не впадая в крайности, отвечавшие духу времени, был Юсупов по отношению к таким людям — руководителям ли, рядовым ли — весьма и весьма крут. Случались и перегибы: бывало, и несправедливо наказывал того, кто попался под горячую руку, не тратя времени на то, чтобы разобраться в деле. По той же телеграмме Лебедева велел снять с работы за халатность директора Кокандской гостиницы; там даже в единственном на всех рукомойнике воды не было.

Уже на трассе канала обратил как-то внимание на хромого чайханщика; тот опираясь на костыль, тем не менее весьма ловко передвигался от одного огромного самовара к другому, быстро ополаскивая в тазу пиалы, а чай заваривал на удивление вкусный.

Юсупов, отдуваясь и отирая мощную шею платком, поблагодарил его, высказал предположение, что чайханщик унаследовал свою почтенную специальность от деда-прадеда.

Хромой человек улыбнулся, показав редкие зубы.

— Я на руководящей работе был, — сообщил он и добавил не без удовольствия: — Директором гостиницы назначили в городе Коканде. Только три дня директором побыл, сразу сняли. Из самого Ташкента команда пришла. Вот какой я человек видный, оказывается! — Он рассмеялся во весь щербатый рот, уверенный, что большому начальству история эта тоже покажется забавной.

— Это я велел, чтоб тебя сняли, — признался Юсупов. — Ты уж прости, не сердись.

— Спасибо, искренне сказал, прижав руки к груди, чайханщик. — Я же сам не хотел идти на выдвижение. Зачем мне все эти хлопоты? Здесь, на чистом воздухе, в сто раз лучше, ей-богу!

Справедливости ради заметим: на пути у Юсупова встречались не только чайханщики, выдвинутые директорами гостиниц. Но к чести его, он умел вовремя, как говорили об этом, «дать задний ход» и привести извинения несправедливо обиженному человеку. Зато и в благодарности своей был щедр. Талантливых, преданных делу людей поощрял всячески, поднимал, славил. А уж как была богата ими всенародная стройка —

большой всеузбекский хашар.

170 тысяч узбекских колхозников строили канал. Более тысячи из них были награждены орденами и медалями.

Вспомним все же, как это начиналось, но прежде перенесемся лет на сто назад, во времена последнего кокандского хана Худояра, и сделаем это не эффектного сопоставления ради, а чтобы глубже заглянуть в суть событий, значение которых далеко не исчерпываются их практическими результатами, хотя они и сыграли жизненно важную роль не только для Узбекистана.

Итак, во времена Худояра пустили воду из Карадарьи во вновь построенный арык Улунгар. Левый берег при этом был мгновенно размыв, и поток ринулся на поля, смывая посевы. Мусульманские шейхи, присутствовавшие при торжественном событии, дали мудрый совет: закрыть разрушенное место телами дехкан, которые носили имя Тохта («Стой!»). Сотню человек связали по двое и закрыли брешь их телами, а сверху засыпали камнями и снопами камыша.

Среди строителей нового канала были и внуки этих несчастных Тохта и Тохтасинов.

А разве не примечательно, что высокая честь вынуть первый ком земли на трассе была оказана сыну другой мученицы — Чинбиби Бадалевой, участницы восстания 1916 года, брошенной царскими властями в тюрьму. Усман, сын Чинбиби, родившийся в тюремной камере, вышел на холм и поклонился народу. Призывно загудели карнаи — огромные, пришедшие из древности трубы. Сотни раз скликали они рать на борьбу с бесконечными вражескими нашествиями. Ревели они и тогда, когда вели на нелепую гибель, отправляли связанных за руки Тохтасинов. Они звали на суд и расправу; на исполнение тяжких повинностей; на поклонение неправедным властителям.

25 июля 1939 года карнаи возвестили о том, что в Узбекистане начинается великий праздник свободного труда; родить его смогла только та эпоха, о которой Ленин сказал: «Широкое, поистине массовое создание возможности проявлять предприимчивость, соревнование, смелый почин является только теперь». При социализме.

Усман, сын Чинбиби, взмахнул кетменем. Зеркально блеснула под лучами яркого солнца отточенная лопасть. Тысячи людей в халатах, подпоясанных яркими платками, взметнули в воздух руки с кетменями.

«Вы видели, — спрашивал в одном рассказе мудрый писатель, — как строят плотники дом для своего товарища?» Вы видели ту трудовую добросовестность, которая возводит ремесло на уровень искусства? —

хотел он этим сказать. В Ферганской долине наблюдалось не только это. «Вы видели, как потомки рабов прокладывали дорогу в будущее для себя и для своих детей?»

74-летний Таджимат Хидыров пришел на трассу из колхоза «Ленинизм» вслед за сыновьями, Базарбаем и Эргашем. Братья, сами с сединой в бородах, и не чаяли увидеть здесь отца. Он добирался где пешком, где на попутных грузовиках. Встал рядом с Эргашем, поплевал по дехканской привычке на руки и в первый день вынул три нормы грунта — двадцать четыре куба. На завтра — тридцать шесть. Вскоре он вынимал 66 кубометров земли в день. Восемь человек таких, как старик Таджимат, заменяли современный экскаватор с однокубовым ковшом.

Рядом с седым узбеком трудился Николай Бочко, строитель, работавший ранее на прокладке канала Москва — Волга. Многотиражная газета, редактируемая Сулейманом Азимовым, писала о его опыте: «Тов. Бочко изготовил себе хорошую тачку, приготовил 3 лопаты и 20 погонных метров катальных досок. Грунт он насыпает в тачку и сразу отвозит его на дамбу, тогда как другие сперва выбрасывают грунт кетменями, а потом загружают им тачку».

Только свободный труд, только труд на себя рождает творчество. Вот что, а не только миллионы вынутых кубометров, видится в работе строителей канала. Вот что учитывал Юсупов, когда целеустремленно отстаивал свою идею о его строительстве. Он знал, что, если понадобится, люди будут работать по пояс в воде, нырять, соперничая в выдержке с искателями жемчуга, чтобы закрепить на дне опоры свай. И они делали это, как нечто само собой разумеющееся.

Сорок лет отдал делу орошения среднеазиатских пустынь инженер Клавдий Никанорович Синявский. На Большом Ферганском канале он вызвался руководить пятым участком, одним из самых трудных из-за сложного рельефа местности. Были дни, особенно вначале, когда душу старого инженера, привыкшего доверять строгим справочникам и расчетам, мучили сомнения: успеем ли, сумеем ли? Впоследствии, уже в Ташкенте, за вечерним чаем с дивным айвовым вареньем, рассказывая родным о канале, он признавался, подтрунивая под собой, что вдруг почувствовал себя тем самым подгулявшим телеграфистом, который самоуверенно выходит на арену цирка, чтобы на глазах у обожаемых барышень поднять гирию, весящую больше, нежели он сам.

На самом же деле все было сложнее. Не минутного конфуза страшился Клавдий Никанорович. Больно было окончить карьеру поражением, но еще горше становилось при мысли, что из-за его самоуверенности ли,

инженерной несостоятельности ли разочарование постигнет всех этих смуглых колхозников, чьи глаза горели такой верой в возможность того, что казалось Синявскому, как он ни возражал себе, почти недостижимым. Почти.

На третий день работы Клавдия Никаноровича ждал первый сюрприз: к нему на участок прибыл сын, Георгий, доцент кафедры механизации. Взял отпуск и приехал руководить тракторными работами. Кстати, на трассе были и механизмы: тракторы, экскаваторы, грузовики. Их было немного, но каждая машина, включая старенькие экскаваторы «Рустон-Бисайрос», показывала рекорды производительности, о которых и не подозревали ее создатели. Но люди, люди... Клавдий Никанорович порой не верил глазам, не сводки читая — глядя на то, как возникает русло, растут дамбы.

Строители делали невозможное, делали то, что не должны были делать, и все это — с удовольствием, с радостью, с тем завидным подъемом, тепло от которого остается в душе до старости, согревая ее сознанием, что жил ты на свете не зря.

Для строительства Яз-Яванского сооружения нужно было подвезти гравий, а транспорта не было. Тогда прораб Туркин, как говорят в подобных случаях — обыкновенный сметливый человек, сколотил с колхозниками примитивные плоскодонные баржи. Когда их нагрузили гравием, они осели в воду почти по края бортов. На передней барже стоял сам Туркин, давая указания не хуже заправского капитана. Это дало повод острякам присвоить ему звание «адмирала Яз-Яванской флотилии». Туркин снес и насмешки, и злые пророчества («Вот увидите: на дно пойдет вся эта армада»). Гравии был доставлен к мосту назначения.

Как тут не вспомнить о грянувшей вскоре войне, в которой равным оружием были и легендарные «катюши», и неисчерпаемая народная сметка. Один лишь факт: если бы простые солдаты не придумали похожие на лыжи «мокроступы» из ивовых прутьев, вряд ли так успешно была бы осуществлена знаменитая операция «Багратион», в конечном результате которой советские войска вышли по болотам к границам гитлеровской Германии.

Естественно, на Большом Ферганском канале еще ярче проявляли изобретательность те, кому это самим богом велено: инженеры, изыскатели.

От Нарына до Карадарьи трасса проходит через четыре перепада и понижается на 18 метров. Едва начали сооружать перепады, как возникла, впрочем, давно предвиденная угроза, что падающий с большой силой

поток будет размывать стенки канала. Буквально на ходу инженер В. Поярков спроектировал коническую наклонную стенку, чтобы гасить энергию падения, а инженер А. Тюленев предложил остроумную конструкцию так называемых консольных перепадов: поток пропускается сквозь отверстия в дне лотка и расщепляется на множество струй. Он обрушивается вниз, как обильный дождь. Помимо того, что исчезла опасность для стенок отводного канала, новый тип консолей позволил сократить длину лотков и глубину заложения опор, а значит — вдвое уменьшить расходы.

Ферганский канал был большой школой. Мастерству бетонщиков и арматурщиков колхозники учились здесь у рабочих, которых прислал текстильный комбинат и другие предприятия Ташкента.

Не нужно думать, однако, что канал был лишь парадом доблести и добродетелей. Самодеятельности недостает знаний и мастерства, свойственных профессионализму, а помимо этого, у смекалки имеется обратная сторона: то, что по-русски определяется как надежда на «авось да небось».

Августовское утро казалось мглистым от рано наступившего зноя. Юсупов, тяжело дышащий, в белой рубашке с короткими рукавами и полотняной фуражке, объезжал вместе с Коржавиным участок за участком и мрачнел все более и более, слушая доклады инженеров:

— Дамба поставлена на неподготовленное основание: нижний слой не очищен, не разрыхлен.

— Между дамбой и грунтом оставлена прослойка. Туда может просочиться вода.

Начальники участков не оправдывались — просили о сочувствии:

— Ну что с ними поделаешь? Хороший грунт снесли в отвал, а в дамбу насыпали песок.

— Что там... У меня на участке деревья в дамбе оставили. Вот такие! Ей-богу!

— Разве за всеми уследишь?

На десятом и двадцать втором участках дамбы не были утрамбованы как следует. Коржавин наметанным глазом сразу определил причину:

— Утрамбовывают сразу толстый слой, к тому же не поливают.

Дамбы, дамбы...

Юсупов был в ярости и досаде.

— Кому такой канал нужен будет, а? Вся вода сразу по степи разольется. Зачем копаем, зачем силу тратим?

В семнадцать часов, когда свирепое солнце, казалось, плавало песок,

Юсупов созвал экстренное совещание начальников участков. Коржавин, показывая нарисованные от руки схемы, обстоятельно говорил о технологии с учетом специфики каждого из участков. Дал себе право и на эмоции:

— Потемкинская деревня нам не нужна. Канал должен работать.

— Так! — Юсупов кивнул головой. На загорелом лице за все время не мелькнуло и тени улыбки. Встал, и каждому показалось, что все упреки — только ему одному. — Создать инструкторские группы, — сказал Юсупов. — Задача: довести до каждого строителя правила укладки дамб. Это еще не все. Объяснить, чтоб любой понял, почему это дело такое важное. Сам буду спрашивать у колхозников, у одного, у другого. Чтоб все до одного знали, понимали. Ясно? — Помолчал. Отпил глоток зеленого чая. Добавил уже мягче: — А то мы одной рукой строим, другой ломаем. Не годится так.

Грешны были и проектировщики. Оказалось, что южнее Коканда при переносе трассы на натуру была допущена грубая ошибка. Несколько километров колхозники прорыли зря. Остановили людей, решили отправиться к самому Юсупову. Повинились, хотели было сослаться на спешку: он-то сам задал эти сроки... Юсупов все понял, прервал объяснение:

— Не без того... Конкретные виновники, конечно, есть, но наказывать никого не будем. Исправить ошибку.

— Уже все сделано. Трасса проложена как следует.

— Тогда действуйте дальше.

В сумерках, когда окончились работы, снова двинулся вдоль трассы.

У Эйзенштейна — он собирался ставить фильм о Большом Ферганском канале — не зря родилось сравнение с тимуровскими походами: на десятки километров в степи — цепочка огней. Приближаешься — и видишь: пекари хлопчут у слепленных из глины сводчатых тандыров; ошпазы-повара сосредоточенно моют котлы после ужина, просеивают рис (с древности — лучшая основа еды: горсть риса, сваренного в жире, обеспечивает землекопа жизненной силой на день); бойкий (сам в изрядной щетине) парикмахер, худощавый бухарский еврей, сыплет прибаутками и ловко бреет голову молчаливому гиганту, глядящему в землю; неподалеку устроился портной, даже вывеску сообразил, над которой не один мудрец голову поломает: «Прием заказов от мастерской № 11 производится из своего материала»; стучат легкими молотками сапожники. Внизу, в только что вырытом русле, сидят, как в зрительном зале, только что не в креслах, а прямо на дне, по которому вскоре — все уверены — пойдет вода, сидят тесно аксакалы из Маргилана,

широкоплечие андижанцы, парни с тонкими чертами лица, с девичьими изогнутыми бровями; они из Чуста, славящегося красотой своих женихов и невест.

На перемычке устроен настил из досок. Светят с грузовиков два мощных прожектора, и в перекрестье широких потоков света танцует и поет несравненная Халима-ханум, любимица Узбекистана.

Нужно быть ценителем своеобразного узбекского вокала, чтобы понять, с каким страстным нетерпением, — не меньшим, нежели в Большом театре, когда Нежданова вот-вот должна была взять верхнее «ми», — ждут слушатели финала известной песни; Халима-ханум должна вновь поразить их зажигающей силой своего голоса, полного ликования, избытка радости.

Юсупов стоит, опираясь на пыльное крыло машины. Вот он, этот миг, которого так ждали! Люди в халатах вскакивают, вскидывая над головой изрядно натруженные за день ладони; они кричат в восторге, приветствуя и благодаря певицу. Она низко кланяется, прижимая руки к яркому платью, дает знак своему небольшому ансамблю, и вновь, вдохновенно раздувая щеки, заводит тоненькую мелодию на нае уже немолодой музыкант; и старается — двадцать ударов в секунду пальцами по туго натянутой коже — дойрист. И опять поет Халима.

Помощник решается напомнить:

— К утру не успеем в Фергану, Усман Юсупович. У вас же два разговора с Москвой.

— Э-э, кой сан чи^[9], — по-дехкански отмахивается Юсупов.

И помощник молча ждет.

Справа, вдалеке, пляшет в низине луч кинопроектора. На соседнем участке идет новый фильм. Все лучшее — на канал.

Юсупов с трудом садится на ступеньку машины. Снимает полотняную фуражку, оттирает бритую голову.

— Яша, Халимахон!

Пройдет еще полгода, и Халима-ханум, Тамара-ханум, юная Муккарам Тургунбаева пройдут в восточном танце, в котором каждое легкое движение рук исполнено особого, с радостью угадываемого зрителями смысла, по руслу канала, а вслед за ними, мгновенно заполняя следы, оставленные атласными башмачками, хлынет поток большой ферганской воды.

Много лет спустя, рассказывая студентам Литературного института о себе, Петр Павленко говорил, что одно из самых счастливейших его воспоминаний — пребывание на Большом Ферганском канале, где все было

как в эпоху завершённого коммунизма. Павленко, по его словам, увидел там живую силу народа, показавшего зримо, каким он будет повсеместно — коммунистический труд. Утверждение это основано не на пафосе, а на фактах, подобных тем, которые приводились выше; писатель лишь обобщил их и сформулировал вывод, определив, в чём главный политический итог народной стройки. Если же говорить о её экономическом значении, то, принимая загодя упреки в прямолинейном детерминизме, напомним все же, что в первый год войны Узбекистан дал хлопка больше, чем в 1940 году, и вышел по урожайности на первое место в мире, а следующей весной посевные площади были увеличены более чем на полмиллиона гектаров. Это было бы невозможно, не будь проложен канал.

Не станем переоценивать значение хлопка для победы. Оно общеизвестно. Не случайно же, выступая перед читателями в Ташкенте, поэтесса Анна Ахматова, казалось бы, столь далекий от хозяйственных проблем человек, сказала (а её-то в пристрастии к лести не упрекнешь), что без хлеба Ленинград в страшные дни блокады выстоял; не будь хлопка, а значит — не будь пороха, Ленинграду пришлось бы трудней.

Думал ли Юсупов, когда принял на себя огромную ответственность, пошел на риск, размеры которого можно понять только в контексте тех очень сложных годов, что Ферганский канал сыграет для победы в грядущей войне такую же роль, как военные заводы? Он не делился этими мыслями даже с самыми близкими людьми, а потому не станем ему приписывать их. Одно неопровержимо. То, что уже подчеркивалось не раз: Юсупов был партийным деятелем, руководителем. Это значит, что он умел смотреть в будущее и сегодня поднимать массы на свершения, без которых завтрашний день был бы невозможен или, по крайности, труден.

Пройдут годы, и Большой Ферганский канал, уже ветеран, весь в зелени склонившихся к воде ив, заметно уступающий новым ирригационным сооружениям по тем показателям, которые называются технико-экономическими, все так же исправно будет служить людям. Он будет носить имя Усмана Юсупова, и это справедливо.

Большой Ферганский канал был, пожалуй, главной, но далеко не единственной заботой Юсупова в памятном 1939 году. Конечно же, здесь имеются в виду не только официальные выступления; их было, как всегда, много: на Пленуме ЦК КП(б) Узбекистана и на съезде ВКП(б), на заседаниях комиссии по изменению Программы партии, на торжественном открытии канала Лягай, на активе Ташкентской парторганизации, на третьей сессии Верховного Совета СССР, на областном совещании по

животноводству, и конечно — в газетах: в «Правде Востока» Юсупов писал не только о Ферганском канале, о 43-километровом Зеравшанском канале, прорытом тем же летом, о Комсомольском озере и парке, построенном молодежью в Ташкенте, о том массовом подъеме вообще, в котором выразилось великолепное приподнятое настроение народа, осознавшего себя социалистическим обществом, исполненного высокой преданности своей трудовой стране, веры в то, что восторжествовал наконец в многострадальной истории человечества строй, основанный на справедливости. Этот душевный настрой советских людей стал залогом его победы и в наступившей вскоре войне.

Она была ближе, чем когда-либо.

11 сентября Юсупов выступал в Учкургане. Там были завершены работы на особом Головном участке. Он, как обычно, увлекся, и люди, с доверием, гордостью и с любопытством глядевшие на него, — все сорок пять дней он был с ними, — зажглись его словами, простыми, дехканскими, еще больше потому, что сам-то Юсупов был такой же, как они и их соседи, но сила, уверенность, как бы почерпнутая свыше, наполняли его, и он делился ими со своим народом.

— Сегодня живем уже совсем неплохо. Завтра будет еще лучше!

Далеко окрест разносился львиный рык карнаев. Дымился бесподобный пряный парок над огромными черными котлами с янтарным пловом.

Юсупов посидел часок за достарханом с начальником участка Камаловым и передовиками — оказал по восточному обычаю честь им. Мало-помалу завязалось импровизированное состязание в остроумии — аския. Юсупов тоже смеялся, чтоб не обидеть учкурганцев. Он знал о том, о чем час спустя все прочли в свежих газетах, — о вторжении фашистских войск в Польшу. Уже не отсветы — языки военного пламени коснулись советских рубежей.

В машине рядом с Юсуповым сидел Сергей Константинович Емцов, давний сподвижник, еще по Ташкентскому окружному партии, добрый товарищ. Худощавый, подвижный, Емцов наклонился к Усману Юсуповичу, спросил взволнованно все о том же: чего теперь ждать на западных границах?

Юсупов молчал. Потом положил широкую ладонь на руку Емцова.

— Вилт меня мучит, Сергей Константинович. Вилт. Вот ведь зараза какая, подумай! Сколько хлопка попортил в этом году, — он обнял Емцова за плечи и спросил: — Ферганская селекционная станция далеко отсюда? Давай-ка заедем, а? Там, мне докладывали, новый сорт вывели. Говорят,

вилта ничуть не боится.

В конце года должно было быть принято новое всесоюзное постановление о дальнейшем развитии хлопководства в Узбекистане. Юсупов внимательно следил за тем, как собирают материалы для Москвы. Наверное, строки о внедрении сортов, которым не страшен вилт, рак хлопка, иссушающий дотла живое волокно, будут в постановлении весьма и весьма уместны. Суть предстоящих дел не только в том, чтобы засеять как можно большие площади. Если не остановить вилт, он в состоянии сожрать треть урожая.

Сообщения о новых удачных сортах, весьма пахивающие сенсационностью, Юсупов слышал не раз; обычно они не выдерживали проверки практикой. Сейчас дело обстояло иначе. Юсупов чувствовал это, основываясь, впрочем, на реальных фактах. Он знал как солидных специалистов руководителей Ферганской опытной станции, в частности, прекрасного агронома Румшевича. Привлекло и то, что сами они были крайне сдержанны в оценках своей работы, высказывали даже сомнения по поводу того, проявит ли новый сорт свои достоинства в иных природных зонах, в Хорезме, к примеру.

Емцов, разумеется, тоже знал о работах Румшевича; он обрадовался:

— Знаете, они прошлой осенью умышленно заразили почву вилтом, высадили на участке больные растения рядом со своими. И оказалось, не болеет их сорт!

Юсупов все увидел сам и сказал во всеуслышание, что, как обычно, собственным глазам не верит. Тут же на станции надо немедленно собрать лучших наших агрономов.

Он приехал на этот совет; особенно внимательно выслушивал сомневающихся, которые, впрочем, тоже соглашались с тем, что сорт хорош. Вопрос был перенесен в Наркомат сельского хозяйства.

Уже осенью, в позднее время суток, Юсупов позвонил наркому. Определенности в сообщении наркома, однако, не нашел. Спросил тогда:

— Ну хорошо. Допустим, ферганский тоже не устоит против вилта, но по урожайности, по другим показателям он лучше нынешних сортов?

— Во всяком случае, не уступает им.

— Внедряем тогда его с весны во всех производственных зонах, на больших площадях. Хуже не будет, а лучше — вполне возможно.

Сегодня специалисты говорят, что если бы не был внедрен тот сорт, то в годы войны, когда не хватало рабочих рук для обработки растений, плантации могли бы погибнуть от вилта. Вскоре ему на смену пришел «108-Ф», а затем «ташкент», но послушайте старых хлопкоробов:

— Раньше сказали бы: аллах послал новый сорт как раз тогда, когда он самый-самый нужный был.

— Это Юсупов ему дорогу дал. Ученые вывели вовремя, а поддержал Юсупов. Он. Никто другой.

Большой Ферганский канал и сортосмена, Чирчикский электрохимкомбинат — огромное, даже по нынешним, масштабам, предприятие, работающее на энергии каскада чирчикских ГЭС и производящее азотные удобрения, без которых поля погибли бы от голода — иными словами, расширение посевных площадей стало бы убогой самоцелью, не получи плантации питания. Ясно же, что дедовским способом, за счет удобрений, деликатно называемых местными, можно было подкормить почву лишь на небольших наделах.

Чирчикский комбинат — третья забота того года, третье звено в заботах Юсупова о хлопке завтрашнего дня; свидетельство не только его неукротимого напора, но и завидной последовательности, и разумно обоснованной целеустремленности в действиях.

В Ташкенте, в ЦК, среди обязательных утренних докладов было непременно и сообщение о строительстве первой очереди каскада чирчикских ГЭС. Строительство ее завершалось. Три горные красавицы, три реки, до сих пор по достоинству не воспетые поэтами, — Чаткал, Угам и Коксу, километрах в пятидесяти от Ташкента, кончают свой грохочущий бег и сливаются в единый полноводный поток — Чирчик. В нем течет вода, пришедшая с высокогорных ледников; она обжигающе-холодна и, оказавшись в долине, растекается, стараясь уйти как можно дальше от берегов, словно желая отдохнуть на равнине. Здесь, у поселка Газалкент. Чирчик перегородили головным сооружением; французские инженеры, тоже принимавшие участие в проектировании, назвали его Барраж (плотина). Имя это так и закрепилось за поселком. Отсюда, от водохранилища, находящегося метров на тридцать выше обмелевшего русла реки, сдерживаемого надежным бетонным телом, не раз начинали путь вниз вдоль Чирчика Юсупов и А. Н. Аскоченский, одни из основателей проектного института «Сазводпроиз», главный инженер его и главный инженер на Большом Ферганском канале. Аскоченский десять лет управлял Чирчикстроем. Это был один из тех людей, которых Юсупов в душе слегка идеализировал — их знания, их специальность повелителей воды.

Осматривали станции, уже готовые к пуску.

— Как думаешь, когда можно будет сдать азотно-туковый? — спросил Юсупов.

Аскоченский назвал самый оптимальный срок — начало 1941 года.

— Раньше надо, в сентябре. Энергию дай.

— Энергия будет.

— Народ поднимем как на Большом Ферганском, — сказал Юсупов. — Люди поймут, что надо быстрее. Увидишь: ташкентцы построят Чирчик, как ферганцы — канал.

В декабре было принято постановление ЦК ВКП(б) и СМИ СССР о Чирчикстрое. Был указан срок ввода азотно-тукового: сентябрь 1940 года.

Земляные работы на Большом Ферганском канале были завершены в сентябре. Большинство колхозников, как и предполагалось, ушло домой, на поля, нуждавшиеся в рабочих руках. Узбекистан собрал хлопка полтора миллиона тонн без пятидесяти тысяч. Очень хотелось округлить итог; собирались ощипки, вытаскивали волокно из нераскрывшихся почерневших коробочек; отвердевшие створки больно кололи пальцы. Кто-то сказал Юсупову, что в Соединенных Штатах осенью сжигают на корню высохшие кусты (по-узбекски «гузапая») вместе с остатками хлопка. Дескать, дешевле выходит.

— На то они и буржуи, — возразил не раздумывая Юсупов. — Им доход лужен, нам — хлопок. — Он добавил: — Они не только гузапаю, зерно, кофе сжигают!

О кофе он, впрочем, не сильно сожалел. Не находил в нем вкуса. То ли дело — зеленый чай «№ 95» — знаменитый, «токсан беш»! Не без труда раздобыл Юсупов несколько ящиков, чтобы порадовать аксакалов и передовиков в день пуска воды.

Совпало сразу несколько торжеств: пятидесятилетие Советского Узбекистана, открытие канала, награждение участников строительства: более тысячи человек были отмечены орденами и медалями. Орденами Ленина — Аскоченский, Лебедев, Федодеев, Коржавин, Пославский. Юсупов, Ахунбабаев, Абдурахманов — орденами Трудового Красного Знамени. То был блестящий финал ферганской эпопеи.

Странно, казалось бы, но это лишь на первый взгляд: когда огромное дело, до той поры самое важное в его жизни, было завершено, Юсупов не испытывал ничего, даже отдаленно напоминающего восторг. Скорее — усталость и непонятную пустоту. То же, что испытывает художник, положивший последней мазок на холст, или актер после премьеры. Это преддверие новой работы. Юсупов знал, что будет она потруднее Большого Ферганского канала, хотя не мог, конечно, представить ту без преувеличения историческую миссию, что выпадет вскоре на долю

партийной организации Узбекистана.

Война уже началась. В день, когда по каналу пошла вода, на севере, в тысячах километров от Ферганы, парни в белых маскировочных халатах штурмовали финские доты и падали, обожженные пулями.

Жаль было каждого человека.

Перед отъездом в Ферганскую долину Юсупов извлек из нижнего ящика объемистую кипу бумаг: сообщения о неправильных действиях руководителей работ на строительстве канала; не то делают, издают неверные распоряжения, кто их знает — сознательно, нет ли, но объективно вредят... Он порвал один за другим все эти листки из школьных тетрадей, из канцелярских книг с отчеркнутыми поверху красными линейками; подписанные неразборчивым каракулями, четко выведенными фамилиями с указанием профсоюзного стажа и номера членской книжки. Лучше всего было бы бросить эти клочки в поток, путь для которого открыли те самые люди, чью руку требовали остановить. Сегодня они были героями дня. Их обнимал Юлдаш-ака Ахунбабаев, Председатель Президиума Верховного Совета республики, руководитель, столь же любимый и почитаемый в Узбекистане, как Михаил Иванович Калинин в стране.

Юсупов тоже обнял и поблагодарил — и Лебедева, и Пославского, и Тишабая Мирзаева, начальника строительства, и богатыря Мамаджанпалвана Курбанова, и самого обычного с виду землекопа Дунана Дусматова, показавшего фантастические результаты на работе.

Было сооружено и дружеское застолье, и, сидя среди возбужденных счастливых людей, разделяя всей душой их радость, Юсупов почувствовал теперь уже чисто физическую усталость. Но надо было опять торопиться. В Ташкенте готовился очередной пленум ЦК, и Юсупов хотел еще раз прочитать уже переработанный не однажды по его указаниям проект совместного с СНК постановления о мерах по дальнейшему подъему хлопководства...

Да не посетует читатель на то, что в этой книге так много пленумов, бюро, съездов, резолюций, постановлений. Бытует расхожая мысль о пустой трате времени на заседания. Но кто-кто, а Юсупов знал, сколь дорог каждый час; уж он-то не позволил бы ни себе, ни другим тратить время зря. И если он так назаседался, так наговорился с трибун, то все это не зря, потому что вся эта незаметная, но тяжкая, изнурительная работа: обсуждения, совещания, сопоставления мнений, мучительные поиски наиболее удачных формулировок, — выливается в итоге в дела, необходимые обществу. Такова она, лишенная романтического ореола

партийная работа.

Напористый помощник Юсупова каждые пять минут звонил по телефону. Девушка с аэродромного метеопункта устало и монотонно отвечала: видимость по-прежнему плохая, улучшения погоды не ожидается. Но молодой помощник не терял надежды.

В соседней комнате громко смеялись, говорили вразнобой. За окном сыпал некрупно сухой торопливый снег — новогодний подарок некстати: из-за него застряли в Фергане после торжественного пуска канала. Среди разговора Юсупов вдруг вспомнил:

— А где Пенсон? Пусть покажет снимки.

Ему не терпелось увидеть на фотографии момент пуска воды.

Послали за известным ташкентским фотокорреспондентом Пенсоном. Оказалось, тот уехал прямо с митинга в Ташкент — готовить разворот для «Правды Востока».

Стали опять пить чай. В это время вернулся мотавшийся то и дело на аэродром — глянуть на машину — командир самолета Гусев, вошел как был — в заснеженном треухе, в мокро блестящей кожаной куртке нараспашку, сказал то, что уже все знали:

— Не будет сегодня погоды, Усман Юсупович.

— Эх ты, Водопьянов... — Юсупов грузно выбрался из кресла, вышел в смежную комнату. Держа трубку на отлете, сказал: — Девушка! Это Юсупов. Давайте мне Ташкент. — Телефонистка ответила — связи нет.

Он взорвался было:

— Что у вас тут, понимаешь? Из-за снега все хозяйство кувырком! — Потом, сразу поостыв: — Ладно...

Повесил трубку.

— Садись, — сказал помощнику.

Сам прошел в боковую комнату с двумя кроватями у противоположных стен, с пустым графином на подносе на отдельном столике, с малиновыми, еще с осени пыльными гардинами рыхлого бархата на окне и наглухо заколоченной дверью на веранду.

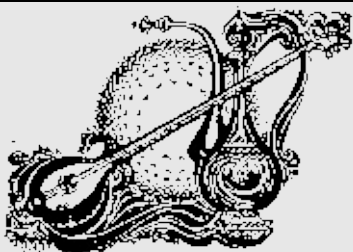
На одной кровати спал неловко, на боку, поджав ноги, шофер.

Отодвинул гардину. Сквозь редкий снег светился неярко между двумя портретами на здании обкома забранный в желтенькую трассу мутно мигающих лампочек транспарант: «С Новым годом, товарищи!»

Он снял сапоги, китель, тихо, чтобы не разбудить шофера, лег на свободную кровать. Вытянул блаженно затекшие ноги, прикрыл глаза; через мгновение он спал.

За стеной не умолкали разговоры. Слышался звон посуды: накрывался

праздничный стол. За окном, в реденьком кружащемся снегу, уходил из жизни поколения тысяча девятьсот тридцать девятый год.

6

БУДЕМ ВМЕСТЕ РАБОТАТЬ

Он редко прислушивался к рекомендациям со стороны, когда речь шла о подборе человека на должность. Люди, окружавшие Юсупова, знали об этом еще и потому, что всех их, без исключения, Юсупов отыскал сам. Без этих людей, непосредственных помощников, сотрудников ЦК, работников Совнаркома, проектных институтов, областных служб, Юсупов не мог бы осуществить ни собственных, ни поддержанных им замыслов. Главную роль, как всегда, играла партии в целом — 65 тысяч членов и кандидатов в члены ВКП(б), но очень многое зависело и от аппарата, от руководителей, от тех работников, которые не случайно называются ответственными. Они и отвечали Юсупову на вопросы порою самые неожиданные и зачастую в самое неожиданное время. Перед бюро ЦК — за свою отрасль, свой участок. Редко слышали похвалы. Чаще их — выражение было едва ли не узаконено — «гладили против шерсти», и слова: «Партийный билет положишь» — звучали для них отнюдь не досужей угрозой. Но они работали, не щадя себя, подчиняясь юсуповским задачам, не всегда безоговорочно, потому что бывали у первого секретаря ЦК указания и странные, зато его можно было переубедить; зато он не стыдился признать не только собственные ошибки, но и неосведомленность; умел вовремя «дать отбой», попросить извинения у подчиненного, будь то секретарь обкома или шофер. Зато он — все, все прибегают именно к этому сравнению — увлекал за собой всех, полный энергии и неукротимого порыва.

Некоторые из соратников Юсупова занимали до последнего времени большие посты в Ташкенте, в Москве. И все-таки все без исключения вспоминают годы работы рука об руку с Усманом Юсуповичем так, как вспоминают о молодости, хотя все они в ту пору были зрелыми людьми и по возрасту, и по жизненному опыту. Вот, к примеру, как складывались

отношения Юсупова с одним из многих сподвижников — Р. М. Глуховым. Случаи выбран потому, что представляется типичным.

В начале лета 1939 года приехал из Таджикистана на прием к Юсупову Родион Михайлович Глухов, тридцатичетырехлетний человек с двадцатилетним производственным стажем. Начинал он слесарем в Красновосточных мастерских в Ташкенте. С восемнадцати лет в партии. В селении Сырдарья тряс кулаков, прятавших хлеб. В Чимбае, на Амударье, вылавливал бандитов. Создавал, как двадцатипятилетний, первые колхозы в селах Солдатском и Майском. Был направлен на учебу в текстильный институт и одновременно продолжал работать в Средазбюро на нелегкой должности инструктора в группе обобщения. Получил назначение в Таджикистан. Там вырос до заместителя наркома пищевой промышленности, руководил строительством первых хлебозаводов, стал заместителем Председателя Совнаркома Таджикистана.

В этой должности и явился к Юсупову, которого до того видел лишь на заседаниях Средазбюро, но знаком с ним не был.

Разговор шел деловой — о доле участия Таджикистана в строительстве Большого Ферганского канала. Начали его вдвоем с Юсуповым, а затем пришел Ахунбабаев. Условились, что Таджикистан начнет копать от Коканда в сторону Канибадама.

В самом начале Глухов столкнулся с трудной, проблемой: один из районов — Ашский — не получал ни единого куба воды из будущего канала; как убедить колхозников из этого района, чтоб они работали?

Глухов, еще чувствуя себя в Узбекистане кем-то наподобие гостя, который вправе рассчитывать на особое внимание, позвонил Юсупову, попросил совета. Юсупов, однако, никаких указаний не дал, а явился лично, велел собрать колхозников из Ашского района и выступил перед ними.

— Ашцы, — сказал он, — помогите соседям, как испокон веку водится в наших краях, а после Ферганского канала мы начнем опять все вместе строить Северный, и у вас тоже будет вода. Это обещаю вам от имени партии я, Юсупов.

Прежде Глухов видел подобное лишь в фильмах, где после речи комиссара бойцы шли голой грудью на вражеские штыки. Отрезок от Бешарыка до Канибадама, славящегося, кстати, своим бесподобным урюком и претендующим не без основания на звание родины Ходжи Насреддина, — сплошной галечник. Его не копали, а прогрызали кирками и проложили за 20 дней. Счастливый и гордый, Глухов сообщил об этом Юсупову и услышал:

— Ты, оказывается, закончил, а мы нет. У нас на Головном трудно. Давай нам минимум тысяч десять, а?

И Глухов обратился к таджикам так же, как незадолго до этого Юсупов к ашским колхозникам. Он верил в высокую справедливость своих слов; он говорил от имени партии.

Они пошли.

Зимой Глухов возглавил строительство второй очереди канала уже на территории Таджикистана. Почти восемьдесят километров проложили за тринадцать дней.

Ему вновь пришлось побывать в Ташкенте, у Юсупова. Согласовал вопрос о строительстве Северного канала. Оно было завершено, как и обещал Юсупов, совместными силами двух республик в том же 1940 году.

Летом Юсупов пригласил Глухова в Ташкент. Фразу Глухов услышал такую же, как все, кто и сегодня не без гордости называет себя юсуповцем:

— Ты мне нравишься. Как думаешь, пойдет у нас совместная работа?

Глухов сказал, что надеется, пойдет.

— Иди тогда к Абдурахманову (Председателю Совнаркома республики), договаривайся об оформлении. Работать будешь в Госплане, а задача тебе первая такая: нужны материальные ресурсы для ирригации. Постарайся разыскать.

И Глухов разыскал. Сам обшарил все стройплощадки, прежде всего — на только что завершенной первой очереди Чирчикского электрохимкомбината. Потом на других предприятиях. Нашел и простаивающую зря технику, и залежи стройматериалов. Провел в Госплане совещание с участием Логинова, командовавшего Чирчикстроем. Логинов был мужик крепкий, прижимистый, но что такое интересы дела и что такое для Юсупова ирригация, хорошо понимал.

Был составлен акт об излишках и возможностях их использования.

Юсупов был доволен. Сказал:

— Молодец! — и дал команду газетам: поднять вопрос о мобилизации ресурсов, о неиспользованных возможностях.

Глухов и потом диву давался, как Юсупов, у которого тысяча каждодневных забот, помнил и о нем! А он помнил и назначил еще одно испытание делом. Чирчик-Бозсуйский тракт (ныне превосходное шоссе) был разбит вконец так, что тракторы не могли пройти, а близилась зима; как же подвозить сырье к предприятиям и удобрения к станции? Юсупов позвонил и спросил о предложениях. Глухов сказал, что видит единственную возможность: перекрыть тракт на Ноябрьские праздники и за три эти дня, когда движение все равно прекратится, отремонтировать.

Надо только все подготовить и рассчитать заранее.

— Действуй, — сказал Юсупов, — и обязательно доложи.

Глухов был молод, так же как его помощники в том деле — Шамсутдинов (будущий секретарь Ферганского обкома партии) и Пашковский (начальник дорожно-эксплуатационного управления). Они не спали трое суток, но к утру 10 ноября доложили, что ремонт окончен.

Юсупов позвонил ему педелью спустя, ночью, и сказал:

— Посоветовались, назначаем тебя первым замом в Комитет госконтроля. Получи у Александра Васильевича Кудрявцева (второго секретаря ЦК КП(б) Узбекистана) документы и отправляйся в Москву, на инструктаж.

В годы войны Глухов станет заместителем Председателя Совнаркома республики. Будет руководить всеми отраслями тяжелой промышленности. Сейчас же следует повторить лишь то, что судьба Родиона Михайловича Глухова типична. Звонок («Знаю давно этого молодого человека. Очень хочет работать в Госплане...») или записка аналогичного содержания, или намек в кулуарах большого совещания («Поговорите, пожалуйста, с ним, убедитесь сами...») могли сыграть только отрицательную роль. Юсупов знал один критерий: проверку делом. Ум, образованность, самостоятельность, организаторские способности, решительность, смелость и, конечно же, умение мыслить широко, понимать общие задачи и цели — вот что делало и его глазах человека достойным самой высокой должности. Официально это называется — подбор работников по деловым и политическим качествам. К тому же, подчеркнем еще раз, весьма критическое отношение к характеристикам, и положительным, и даже нелестным, и равнодушие к некоторым анкетным графам, необходимым, по глубокому убеждению Юсупова, лишь для статистики.

Любил рассказывать первый секретарь о человеке, который после окончания какой-то важной конференции надел в гардеробе чужую шубу, быстро обнаружил ошибку, извинился, но пятно осталось на нем на всю жизнь. («Что-то у него было с шубой...»)

— Что? — с вызовом переспрашивал, бывало, Юсупов. — «С шубой у него что-то было»? — и заключал: — Наплевать! Он мне нравится.

Национальности видных работников знал, иногда даже называл по нации, а не по имени, но с тем же добродушием и юморком, с каким именовал самого себя «сын узбекского народа»: «Позвоните армянину, пускай сам выезжает в Ангрен» (о Борисе Григорьевиче Мирзабекове — топливнике); или о собственном тесте, с неизменной уважительностью, но тем не менее: «Хохол пришел. Сейчас потолкуем с ним о том, о сем».

Однако никто не вспомнит случая, когда мнение Юсупова о человеке или, скажем, о повышении его в должности зависело бы от национального происхождения. Он любил свой народ, обожал все узбекское — и стихи, и музыку, и одежду, и обычаи, и кухню; он заботился о своем народе, о его будущем, а будущее это мыслилось неотделимым от судьбы всей огромной страны, называвшейся социалистической и Советской. К слову сказать, ему гораздо легче было общаться с людьми, понимающими по-узбекски, но не потому назначил он, к примеру, Тишабая Мирзаева начальником строительства Большого Ферганского канала. Было уже немало инженеров, вышедших из народной среды, а Тишабай был в недавнем прошлом неграмотным батраком. Но Тишабай обладал природным умом, удивительной способностью, не теряя из виду главное, держать в поле зрения тысячи мелочей, мгновенно интуитивно оценивать события, принимать смелые решения, — он был прирожденным руководителем, и Юсупов не побоялся доверить Тишабаю Мирзаеву дело, которое так много значило и для республики, и для него. В подчинение Мирзаеву были даны все наркомы Узбекистана, и Тишабай, «хитрющий, недоверчивый, вездесущий, дотошный, презирующий авторитеты», говорили о нем, оказался тем единственным человеком, который смог успешно возглавить именно народную стройку.

И в оценке людей Юсупов, случалось, ошибался. Еще жив человек, и потому в подобном контексте не хочется называть его по имени, который не понравился Юсупову, о чем он впоследствии сожалел. Замкнутый, медлительный землеустроитель; взгляд сонный.

— Выпиваешь, наверное? — спросил, сощурившись, Юсупов.

— Бывает.

Дал задание — видимого рвения не выказывает. Более того, стал возражать против сжатых сроков, предложенных Юсуповым, сказал грубовато что-то о быстроте и кошках.

Отправил его обратно на скромную должность. Уже после войны увидел на почвенной карте новых земель о чем-то напоминающую фамилию. Пригласил руководителя работ. Оказалось, тот самый, только еще более обрюзг.

— Не бросил?

— Как все, по праздникам. А отеки — от почек.

— Карту составила твоя группа очень толковую. Знатоки хвалят, — признался все-таки. — Мы пять лет специалиста искали такого, как ты. Из Центра пригласили — не потянул. Жалко, с тобой тогда не договорились, — и заключил: — Премия тебе даем и еще, подожди, — снял трубку,

вызвал главврача правительственной поликлиники, назвал фамилию: — Устройте товарища на обследование и курорт. — Спросил все-таки о том давнем задании, почему, мол, отказался выполнить? Не забыл.

Землеустроитель ответил так же:

— Толку не было бы, только дров наломали бы.

— Что ж ты не переубедил меня?

— Оробел. Я же не каждый день с первым секретарем ЦК разговариваю.

— Ну ты, я вижу, не из робких. Скажи прямо — опозориться боялся.

— Пусть будет так.

Подлечился, ушел на пенсию по возрасту.

Были случаи и противоположные по характеру, из-за которых мучил стыд и досада на себя («Как слепой был...»).

В Потребкооперации сыскался человек, предложивший бестарный способ перевозки продуктов. Лес был, как обычно, на вес золота, тем паче — в послевоенные годы. Экономия составила тысячи.

Юсупов на бюро ЦК поддержал кандидатуру этого человека на ответственную должность в той же Потребкооперации. Даже сказал сам, что вот, мол, товарищ делом убедил нас, как дорога ему народная копейка. А тот года два спустя попался на воровстве.

— Меня с ним рядом на скамейку посадить надо, — сказал Юсупов, казнясь.

Но положив руку на сердце скажем в оправдание ему: и снайпер не всегда попадает в «яблочко». Зато в скольких людях Юсупов разглядел, подчас еще в зародыше, таланты, поддержал их, вывел на широкий путь в искусстве, литературе, науке. Он нашел, едва ли не в буквальном смысле, известных ныне певцов Саодат Кабулову и Саттара Ярашева, танцовщицу Гульнару Маваеву, стихотворца и ученого Азиза Каюмова — многих других видных деятелей культуры, которые не красного словца ради говорят, что всей своей жизнью обязаны они лично Усману Юсуповичу. Мы еще расскажем о примерах, когда проявилось всеобъемлюще и ярко высокое понимание Юсуповым той роли, которую играют в социалистическом обществе люди искусства. Когда он говорил, — а он любил повторять эту мысль, не считаясь с тем, достаточно ли обширна аудитория его слушателей, случалось, вставая во время антракта в первом ряду партера, повернувшись к залу, не смущаясь тем, что кого-то такое поведение первого секретаря ЦК шокировало, — что человеку недостаточно иметь еду, кров, одежду, что ему нужны для полноты жизни и стихи, и музыка, и театр, — это были не досужие рассуждения. Можно было бы перечислить

немало документов, постановлений, касающихся развития науки, культуры, литературы и искусства, инициатором которых зачастую был первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана. Претворялись они в жизнь под знаком той же напористости и целеустремленности, которыми отличался стиль Юсупова вообще.

Бывшие работники аппарата ЦК вспоминают, и отнюдь не с одной лишь забавной стороны, как устраивал им Усман Юсупович экзамен — проверял, хорошо ли усвоили они новый алфавит, основанный не на латинской, как было до 1940 года, а на русской графике. Он требовал еще до принятия Верховным Советом Узбекистана соответствующего закона, чтобы официальные бумаги подавались ему, написанные новым алфавитом. Сам изучил его прежде других; в третий раз в жизни, как он говорил, учился писать. Немаловажно и то, что Юсупов приветствовал работников-европейцев, которые изучали и знали узбекским язык.

Центральный Комитет вникал в работу вузов. На бюро слушали вопросы о постановке учебной работы в транспортном институте — там прижились с благословения дирекции люди несостоятельные как преподаватели. В медицинском, педагогическом институтах и даже в университете изучение основ марксизма-ленинизма осуществлялось поверхностно. Кафедры эти не занимали ведущего положения. Здесь уже Юсупов был задет едва ли не лично.

— Я сам каждый вечер с девяти до десяти сижу над классиками!

То была святая правда, а не заявление ради красного словца. Неукоснительно и, что уже попросту трогательно, даже в последнее десятилетие своей жизни, на скромной должности директора совхоза, штудировал Юсупов сочинения Маркса, Энгельса и Ленина. Был в этом и сознательный расчет: показать пример подчиненным. Их не только удивляло, но и звучало упреком, когда Юсупов к месту цитировал «Критику Готской программы», которую кое-кто уже позабыл, а кое-кто до нее так и не добрался.

Ученые были той категорией людей, в чьих руках видел он будущее. Юсупов знал по именам всех докторов наук, а их к 1940 году было уже более ста, и, пожалуй, всех кандидатов наук, особенно вышедших из местной среды. В начале предвоенного года он пришел на торжественное заседание, посвященное учреждению Узбекского филиала Академии наук СССР. С гордостью сказал о том, что вот сейчас в республике уже семьдесят пять научно-исследовательских учреждений, в которых занято более трех тысяч научных работников. Увлекся, как всегда, забыл о написанном тексте, начал говорить о перспективах, о том, что намечает

сделать для развития науки Центральный Комитет, мечтать о будущем, фантазировать вслух. Люди, привыкшие верить строгим научным фактам, слушали его тем не менее увлеченно, заряжались его верой и осуществимость всего, о чем он говорил.

Да, будут шуметь волны обильных водохранилищ, пойдет ток электростанций, и Чарвакская плотина перегородит в самом узком месте горное ущелье, по которому бежит Чирчик; за ней — огромная голубая чаша, наполненная чистейшей в мире водой, а вокруг моря будут построены дома отдыха, пионерские лагеря. И помчатся из столицы электрички к этой зоне здоровья и отдыха. В Голодной степи возродятся сотни тысяч гектаров веками страдавшей от зноя, разъеденной солью земли. Там вырастут поселки с городскими домами и асфальтовыми дорогами. Хлопок на полях будут убирать машины.

Действительность, как всегда, обгоняла мечту. Юсупов не предполагал, что в составе Узбекской академии наук, чьи учреждения составят целый город, будет первый на Востоке институт ядерной физики с атомным реактором и один из крупнейших в стране электронно-вычислительных центров.

Кое в чем он оказался наивен. Очень хотелось ему, чтобы вдоль улицы Навои в Ташкенте был проложен широкий канал и чтоб по этому каналу ходил речной трамвай, как к Москве, и чтоб катали детей на этом речном трамвае, а по берегам были чайханы и кафе-мороженое.

Нет, он не был розовым мечтателем. Его фантазия строилась на вере в безграничные возможности социализма.

Он говорил об этом, подчас излишке выпренне, даже за домашним воскресным столом, иногда прервав пение, живую беседу, шутки, беззлобное пикирование, на которые были так горазды люди искусства, засиживавшиеся порой допоздна. Камиля Яшена, в ту пору еще очень молодого по возрасту, Юсупов называл наследником Хамзы. Яшен создал пьесы, прослеживающие судьбы народа в новых, послереволюционных условиях, — судьбу узбекской женщины, в нелегкой борьбе утвердившей свое человеческое достоинство. Яшен был автором либретто первой узбекской национальной оперы «Буран», музыку к которой написали М. Ашрафи (тогда подчеркивали: композитор-комсомолец) и профессор С. И. Василенко. Главную женскую партию в опере исполнила Халимахон Насырова, супруга Яшена, одна из первых узбекских актрис.

Дружбу с ними, дружбу с поэтом Шейх-заде, с композитором Тохтасином Джалиловым, с людьми театра — Мамаджаном Рахмановым и его женой Шаходат-ханум, Кантаром Атабаевым, Саодат Кабуловой,

Халходжой Тохтасыновым, Мамурджаном Узаковым Юсупов сохранил на года. Меньше всего было похоже это на меценатство, хотя, что греха таить, мнение первого секретаря ЦК, его зрительское или читательское отношение к артисту или поэту не могло не учитываться и художественными советами, и прессой. Но опять же, к чести Юсупова, все, чью игру, пение, стихи, книги он любил, были действительно талантливыми людьми: они доказали это не раз и весьма убедительно.

Объективность в оценках вела к требовательности, тем большей, чем был дороже человек. (Кстати, точно таким же был Юсупов по отношению к собственным детям. Инесса Усмановна не зря вспоминает, как, будучи в четвертом классе, рыдала она горькими слезами, получив за диктант двойку и зная, что отец не поверит в случайность, не простит, а лишит на время и развлечений и мороженого.)

Здесь же речь шла не о диктантах.

Союз писателей ширился, приходили новые люди; одаренность не всегда соседствовала в них с общей образованностью, со знанием творчества предтеч — и собственных и мировых. По решению ЦК для писателей были организованы семинары по изучению марксизма-ленинизма, теории литературы, наследия русской и западноевропейской литературы. Нынешние литературные аксакалы с теплой благодарностью вспоминают те годы, занятия в семинарах, беседы, которые проводил с ними сам Юсупов; случалось это нечасто, тем более запомнилось на всю жизнь, как и облик этого человека, о котором говорят в одни голос: «Он был настоящий большевик». Он свято верил и в большие идеи, которые отстаивал, и в каждое произносимое слово. Он сам волновался, переживая его смысл, и волнение это передавалось писательской аудитории. Увлекался, голос звучал все громче, и хрипловатость только усиливала впечатляющую силу его речи. Доходил до экстаза, взмахивал руками и тут же, словно спохватившись, застывал на несколько мгновений, опустив большую бритую голову.

Особой любовью Юсупова был театр, музыка. В бедном селении Каунчи, в рубашке, сшитой матерью из мешковины, пробирался на концерты, которые давали заезжие певцы; сидел на полу словно замороженный.

Театр был жизненной потребностью. Ходил и на премьеры, когда присутствие секретари ЦК придает событию особое значение, и на рядовые спектакли в промежутке между делами, которые никогда не кончались.

Надо знать театральную среду, впечатлительную и реактивную, чтобы представить, как оценивалось каждое слово, каждым знак внимания к тому

или иному исполнителю, а особенно — исполнительнице. То, что в тысяче других случаев осталось бы незамеченным или забытым, становилось предметом и обсуждения, и досужих домыслов. Вот почему так важно знать, что Юсупов был взыскателен как зритель, а еще более — как партийный руководитель. Люди театра помнят, как резко говорил он о том, что уровень искусства в республике отстает от роста культуры народа. Он требовал широты творческого диапазона, требовал, чтобы в репертуар включалась и русская и зарубежная драматургия.

В тридцатые годы на узбекском сцене были поставлены трагедии Шекспира, пьесы Островского и Горького, «Человек с ружьем» Погодина.

На площади Бируни в Ташкенте стоит здание, по фронтому которого сделана надпись золотыми буквами: «Построено в годы Великой Отечественной войны». Это музыкальный театр имени Мукими, наверное, единственный в стране, выстроенный в ту трудную пору. Свидетельство народного оптимизма и признания за искусством роли боевого оружия. Вдохновителем и опекуном этой стройки был Усман Юсупов.

Присутствовал здесь и простоватый крестьянский расчет: в Ташкенте волею военной судьбы оказалась группа талантливых архитекторов, они занимались технической, а не творческой работой. И все же понять до конца, как закономерно для Юсупова было это строительство, можно, лишь увидев первого секретаря ЦК КП Узбекистана в период Великой Отечественной войны. Конечно же, новое здание театра имени Мукими здесь не более чем красноречивый эпизод. В незабываемые годы, трудные и героические, проявился, как и должно быть, ярко и выпукло характер Усмана Юсуповича Юсупова — черты общие, свойственные всему поколению революционеров ленинцев; черты особенные, присущие только ему одному.

7

КАВАЛЕР ОРДЕНА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На похоронах Юсупова вслед за гробом, как положено по ритуалу, несли на бархатных подушечках его награды; процессия растянулась далеко: шесть орденов Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени... На отдельной подушечке один из товарищей нес красную звезду на фоне золотых лучей — орден Отечественной войны 1-й степени. Этой наградой отмечались, как правило, длительные военные заслуги. Если у человека на груди Отечественная война 1-й степени, можно с уверенностью сказать, что за плечами у него сотни походов и боев.

Юсупов носил этот орден по праву.

О войне он узнал, как все, неожиданно и в тот миг, когда меньше всего думал о ней. Раньше бывали дни, когда Юсупов, по его собственному признанию, ждал, что «вот-вот начнется...». В то же навеки врезавшееся в нашу общую память июньское воскресенье Юсупов позволил себе отдохнуть, что случалось, как известно, нечасто.

Он находился в предгорном Нуратинском районе. Сам захотел посмотреть, как используются неполивные массивы для посевов зерна. Времени это отняло немного, и он велел шоферу гнать «бьюик» в степь. Она была очень хороша — в высоких, еще сочных травах, среди которых поднимались островками гордые эфемеры. Ближе к выходу из долины, в золотых под солнцем, покрытых острой стерней пшеничных полях прятались перепела — они стали еще осторожнее, напуганные недавней жатвой; мелькали жаворонки, будившие своим порханием тишину летнего утра.

Юсупов, как обычно и такие поездки, захватил с собой охотничье ружье. Он спросил, пройдет ли автомобиль по предгорному бездорожью к

ложбине, где сейчас могли пастись дикие козы.

— Зверь — не машина! — с удовольствием прислушиваясь к ровному гудению мощного мотора, ответил, чуть повернув голову, шофер.

И тут же бабахнуло где-то сзади и справа. Раз, другой. Выстрелы раздавались беспорядочно и часто. Юсупов велел остановиться, вышел и увидел, что по их следу спешит, подпрыгивая на буграх, открытая машина. На ступеньке стоял, свесившись, человек. Он размахивал над головой белой фуражкой. Как и пальба, это должно было привлечь внимание Юсупова. Вскоре он узнал в этом человеке секретаря Самаркандского обкома партии Чиковани.

— Война, Усман Юсупович! — крикнул еще на ходу Чиковани.

Весть поразила его так, будто он не ждал ее со дня на день. Чиковани рассказал о том, что сообщило утром радио.

— Мне уже звонили? — спросил Юсупов.

— Звонили из Ташкента. Москва вызывает.

По пути в Самарканд Юсупов молчал; только когда уже подъезжали к станции, — в город он не поехал, велел, чтоб вагон прицепили к первому идущему в сторону Ташкента составу, — сказал:

— Да, большие беды придется вынести нашему народу.

Чиковани был настроен иначе. Как и многие, в начале войны он был убежден, что фашисты будут разгромлены едва ли не в первые дни боев. Не оставляло это настроение и его товарищей, уезжавших вскоре уже из Ташкента на фронт, — среди них были видные партийные работники: Кудрявцев, Филимонов, Котов, — и на вокзале в минуту прощания. Юсупов тоже провожал их, и они, разумеется, шутя пообещали в самое ближайшее время пригласить его на Берлинскую партийную конференцию. К слову, похожее событие, если иметь в виду хотя бы съезд СЕПГ, как известно, и впрямь состоялось, но как тогда было до него далеко, какими страшными вехами отмечен путь к нему. Видел ли мысленным взором эти вехи Юсупов в те июньские дни? Он знал главное — надо работать.

«Пора, товарищи, покончить, по крайней мере, среди наших ответственных работников с традицией работать только 8 часов, а остальные 16 часов болтать, отдыхать и спать... Работать упорно, работать без усталости не менее 16 часов и своим личным примером поднимать широчайшие массы трудящихся на самоотверженную работу... Воина неумолима; она обязывает всех нас удесятерять свои силы и энергию, не щадить себя ради общего дела» — это из его выступления перед коммунистами Ташкента в первые месяцы войны.

Он был уверен, что какой бы дорогой ценой ни далась победа, она

будет за нами.

«Пусть Гитлер и его приспешники уже сейчас подыскивают мышиные норы, чтоб спрятаться от нашего суда» — из выступления на третий день войны перед рабочими Ташкентского текстильного комбината.

Внешне Ташкент еще жил прежней, довоенной, жизнью; в гастрономе на углу улицы Карла Маркса и Кирова стоял спиной к зеркальной стенке плюшевый медведь, по-прежнему прижимая к груди коробку конфет «Тузик», и конфеты эти можно было купить здесь же, в кондитерском отделе. В кинотеатрах шли комедии, а перед ними — киножурнал, в котором показывался, пуск Краматорского завода тяжелого машиностроения и соревнование девушек-парашютисток в Коктебеле. На рассвете неторопливые дворники поливали кирпичные тротуары, черпая ведром воду из арыков, и протяжно возвещали о своем прибытии разносчики молока.

Но уже шагали по булыжным улицам под командой сутулого младшего командира стриженные наголо парни с котомками за спиной, и хозяйки, спешившие на Алайский рынок, останавливались, горестно покачивая головами: «Такие молоденькие...» — и чрезмерно бдительный патруль проверял на вокзале документы у мужчин. И громкоговоритель у трамвайной остановки сообщал, что в фонд обороны собрано уже пять с половиной миллионов рублей.

Узбекистан числил себя мобилизованным с первого дня войны. 23 июня рабочие паровозоремонтного завода имени Октябрьской революции (бывшие Красновосточные мастерские, колыбель революционных традиции, то же самое, что для Ленинграда — Путиловский, а для Киева — «Арсенал») по собственному почину начали смену на два часа раньше обычного, и каждый выполнил по две-три дневные нормы. Колхозники Янгиюльского района обязались обеспечить двойной, «военный», как называли они его, урожай хлопка, овощей, зерна.

Мозг, командный пункт республики — ЦК КП(б) Узбекистана работал почти круглые сутки. Отсюда шли не общие директивы — конкретные указания предприятиям о том, как переключиться на выпуск военной продукции; в связи с тем, что многие квалифицированные производственники уходили в армию, требовались резервы рабочей силы, определялись меры, способствующие ускоренной подготовке кадров. Скрупулезно учитывались запасы металла, сырья, топлива; оборудование, инструменты; контролировалась работа железной дороги, по которой уже перевозились военные грузы и войска.

Верный своему испытанному стилю, Юсупов, как никогда прежде,

опирался на специалистов (группы были созданы по всем отраслям, включая медицину и культуру), прислушивался к их мнению.

Но историческая, без преувеличений, миссия Узбекистана в войне была впереди. Ее нетрудно было предвидеть: враг уже занял западные районы, двигался к Киеву и Москве. На пятый день войны ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР вынесли специальное постановление об эвакуации и размещении людей и имущества.

На Восток двигалась огромная лавина: миллионы людей, станки и машины, тракторы и автомобили, архивы и музейные ценности, гурты скота. История человечества не знает и вряд ли узнает что-то хоть отдаленно похожее по масштабам на это перемещение. «Эвакуацию промышленности во второй половине 1941-го и начале 1942 года и ее «расселение» на Востоке следует отнести к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов во время войны». Так писал английский публицист Александр Верт.

Глядя с позиций нашего времени, он подвел справедливый итог. Тогда же, летом 41-го года, все еще только начиналось.

Первым прибыл прорвавшийся под бомбежкой из Ленинграда завод текстильного машиностроения. На людей, руководивших эвакуацией (разве упрекнешь их за то, что рассуждать им было недосуг), гипнотически действовало название «Текстиль». Значит, в Ташкент. А завод на ходу перестраивался на производство боеприпасов. То был первый опыт.

— Разъяснять, как размещать, не буду, — сказал на совещании Юсупов. — Действуйте как на фронте, но чтоб все оборудование до последней единицы было принято и установлено.

Товарищи уже прикинули, что ленинградское предприятие можно поместить в недостроенные корпуса ниточной фабрики на Ташкентском текстильном комбинате (тоже название натолкнуло!), но где взять дефицитнейшие в Средней Азии доски для ящиков?

— Никаких отговорок! Хоть заборы ломайте, хоть полы в конторах, — ответил Юсупов, и этим было сказано все.

А в направлении Ташкента уже двигались эшелоны Ростсельмаша — предприятия особой важности, как было подчеркнуто в постановлении ГКО — Государственного комитета обороны, уполномоченным которого в Узбекистане являлся У. Ю. Юсупов. Еще в пути Ростсельмаш начал подготовку к выпуску снарядов для знаменитых «катюш» и 120-миллиметровых минометов.

Секретарь ЦК Ефимов, другие ответственные работники, казалось, лишь теперь ощутили до конца, что означает одно из любимых выражений

Юсупова: «Ломать надо!»

Ломали головы: присоединили к Ростсельмашу ленинградские цехи, занявшие ниточную фабрику, а дальше? Ломали фабричные стены, чтобы вместить сложное и громоздкое оборудование, потолки, чтобы поставить вагранки. Ломали — и Юсупов в этом был первый — инерцию отношения к делу по справедливой, впрочем, но только для иных времен формуле: «Вы нам дайте все необходимое — мы исполним».

На фронте в выражениях не стеснялись не только старшины, но и маршалы. Юсупов на заседании бюро ЦК сказал:

— Сейчас надо ломать ребра тем, кто прикрывается незначительными мотивами, выискивает объективные причины, формальные поводы и тормозит основное дело.

Он требовал: искать и находить ресурсы. **Делать невозможное**, как на фронте. Установка была такая: если ты руководитель, неважно, какого ранга, — ты командир, а потому думай, проявляй инициативу, ошибайся, падай, вставай и продолжай бой. Да, ты рискуешь головой, ты можешь даже потерять ее, но на то воина.

Он ненавидел их открыто, свирепел при виде тех, кто мечтал пережить трудное время спокойно. «Узбекистан — не тыл. Узбекистан — передовая позиция».

С возмущением говорил о том, что вот находятся такие: на бюро ЦК выносят вопрос о том, что нет, дескать, железа для походных кухонь.

— Бочку возьмите! Обыкновенную железную бочку. Много ума требуется, чтобы приспособить ее вместо котла и сварить в ней борщ? Привыкли жить на готовеньком. Отвыкать надо, не ждать, пока пришлют, а выходить из положения самим. Или: не хватает электрооборудования, ламп. Снимите своей властью в парках гирлянды, оставьте всюду, где можно, даже в ресторанах, одну лампу вместо трех. Остальные отдайте эвакуированным заводам, которые должны работать ночью.

И в заключение, отдышавшись, хрипло, решительно, так, что все понимают — это не краснобаиство:

— Я готов, если нужно для обороны, приспособить под военные заводы даже здание Совнаркома и ЦК.

Они выходят на Хорезмскую, темную, потому что стоит глубокая ночь. Закуривают, переговариваются негромко: Абдуллаев, Игамбердыев, Емцов, Ходжаев, Попов...

— Ты думаешь, он не вытряхнет, если надо, весь аппарат и не сделает здесь цехи?

— Вытряхнет как пить дать.

И короткие команды шоферам:

— На «Текстиль».

— На Полиграф.

— К складам «Заготзерно»...

Адреса строительных площадок, где без перерыва идут работы: становятся на ноги прибывшие с запада заводы. Военными стали заводы, все без исключения, как стал солдатом каждый советский человек.

Все было далеко от идиллии; прибывшие вели себя далеко не так, как подобает гостям. На рассвете к заместителю Председателя Совнаркома, смяв секретарские барьеры, пренебрегая и вежливостью, и тем, что в кабинете шло совещание, ворвались два возбужденных человека — главный инженер и парторг Кольчугинского кабельного завода.

— Мы стоим на подъездном пути. К разгрузочной пройдем лишь в том случае, если вы гарантируете как минимум тридцать тысяч квадратных метров для цехов и двадцать тысяч метров жилья. Иначе даем телеграмму Москве, а сами двинемся дальше. (Спрашивается: куда? Но об этом не думали.)

Намекнули и на то, что им, дескать, отлично известна установка ЦК республики: принимать все предприятия, чтобы они осели в Узбекистане; тем более грех отказываться от такого ценного объекта, как кабельный завод.

Зампред взорвался. Не стесняясь присутствием своих сотрудников, крыл несколько минут кряду отборнейшими выражениями. В заключение сказал:

— Шесть тысяч метров — вот все, что вы получите и никуда не двинетесь отсюда. А будете саботировать, привлечем по законам военного времени. Идите и доложите об этом своей дирекции.

В полдень прибыл Сафонов, директор Кольчугинского завода. Его повезли к складам «Заготзерно» — шесть сооружений, каждое по тысяче квадратных метров. Сафонов в отличие от своих подчиненных, весьма, впрочем, присмиривших, спросил, где можно разместить подстанцию, — и все.

Кольчугинцы в своем предвидении оказались правы. Кабельный завод вырастет после войны в махину. Он будет обеспечивать многие города страны и экспортировать продукцию за границу. Как нельзя более придется он ко двору республике. Впрочем, то же самое можно сказать о любом из эвакуированных предприятий, а их было около ста.

В годы войны была создана в Узбекистане могучая и разноотраслевая индустрия, которая составит впоследствии гордость республики и основу

мощи ее. Юсупов предвидел это. Говорил, как всегда, не таясь, что война минет, а заводы останутся и будут работать на хлопководство; что «сами мы, у себя в республике, будем производить все необходимое для хозяйства». Что вырастут ряды узбекского рабочего класса, появятся отряды специалистов, которых прежде в Узбекистане недоставало.

Не на корысти, не на эгоистичной расчетливости был основан юсуповский призыв-указание: «Берем все!», а на том, что называется сочетанием общегосударственных интересов с задачами развития республики.

Кстати, призыв этот сулил блага только в будущем, которое иногда, за завесой войны, видел не каждый, а хлопоты, заботы, ответственность — и все это — непомерное! — взваливал на плечи уже сегодня. И тут уместно сказать умышленного противопоставления ради о тех руководителях из соседних и несоседних краев, которые не выискивали причины, а приводили разумные и убедительные доводы «против», и ГКО соглашался с ними и отправлял то или иное предприятие в Узбекистан. Сами говорили: «Пошлите к Юсупову, он возьмет». И Узбекистан брал не только потому, что ЦК КП(б) Узбекистана прозорливее смотрел в будущее. Это при всей своей важности находилось на втором плане. А впереди была военная задача — дать фронту оружие и боеприпасы, исполнять с честью свой воинский долг.

Это отнюдь не высокие слова. Все силы, вся энергия отдавались решению этой сегодняшней задачи, а то, что она удачно сочеталась с перспективой, — так в этом же и состоит, между прочим, искусство партийного руководства.

Не всеми и не сразу был тогда Юсупов понят. Среди ближайшего окружения его находились товарищи, искренние благожелатели, которые предостерегали: «Выдюжим ли? Ведь каждый завод — это план, за который теперь будем отвечать и мы, поскольку предприятие становится узбекским. Это станки, которым нужна энергия и сырье. Это люди, которым нужен хлеб, кров, детские сады, школы и больницы».

Сегодня, внутренне устыдясь, вспоминают иные, как высказывали опасения, не сыграет ли злую шутку с Юсуповым свойственная ему неумность, размах? Говорили об этом и вслух, и он отвечал:

— Говорят, по одежке протягивай ножки. Эти товарищи исходят из старого стиля: дадут фонды, будем строить, не дадут — откуда нам взять? Не дадут! Мы обратимся, как всегда, к нашему народу. Народ поймет. Он сделает возможное и невозможное для строительства военной промышленности.

Снова убежденная, страстная вера в силы народа, способного творить чудеса.

Он обращался в эти же дни к агитаторам и пропагандистам Ташкента:

— В дни Отечественной войны мы должны больше, чем когда-либо, дорожить страстным словом большевистской правды, способным поднять людей на беспримерный героизм и на фронте, и в тылу.

И подвиги совершались.

7 ноября 1941 года, когда на Красной площади состоялся тот незабываемый в ряду других, куда более представительных и торжественных, военный парад — высокая демонстрация воли и непреклонного мужества советских людей, уходивших от стен Кремля на передовую, пролежавшую всего лишь в десятках километров отсюда, — в Ташкент прибыла шифровка: сможете ли принять авиационный завод?

Казалось, все, что могло быть использовано под заводские цехи, — многие из них давали продукцию для фронта уже через 1,5–2 месяца после того, как были сняты с колес, — было занято.

Юсупов экстренно собрал бюро ЦК.

— Есть предложение — принять завод.

— Усман Юсупович, вы представляете, какая это громадина? Надо строить новые помещения — единственный выход.

Он сказал:

— Когда строить? Немцы под Москвой. Самолеты давать надо, а не цехи строить. Через месяц давать. И дадим!

Товарищи молчали, ждали, какой выход предложит Юсупов.

— Будем выселять наши собственные предприятия. Я думаю, освободим здание полиграфкомбината. Еще что можно?

— Ремонтный завод ГВФ.

— Ангараы на аэродроме.

Здесь же, при всех Юсупов позвонил в ГКО, сообщил Щербакову о решении, ответил на вопрос, о смысле которого все догадались:

— Собирать будут под открытым небом. Вначале. А впоследствии построим цехи.

Положил трубку, ударил ребром ладони по столу:

— В двадцать четыре часа, вы слышите, товарищ Ефимов и товарищ Глухов, — на вашу ответственность: в двадцать четыре часа очистить полиграфкомбинат и другие объекты. Эшелоны уже получили команду — в Ташкент.

Каково же было директору комбината Василию Федоровичу Архангельскому снимать машины, которые едва ли не вчера были

установлены на новеньком, выложенном керамическими плитками полу! Благо не нужно было ничего объяснять рабочим. Они уже знали, что здесь будет авиационный завод, но как все же тяжело было сокрушать ломом стены; еще помнилось, как давал Василий Федорович нагоняй из-за каждой царапинки на голубой панели, а тут...

— Днепрогэс изорвали, когда обстановка потребовала, — сказал Архангельский, сутулящийся больше обычного.

Когда подошли первые платформы, цехи уже были свободны.

На фронте бытовало выражение: «С колес — в бой». То же можно сказать об авиастроителях (к ним, кстати, присоединились и многие ташкентские полиграфисты).

Лили нудные бесконечные дожди. К брезентовым чехлам, которыми были укрыты самые ценные станки, прилипли заброшенные злыми холодными порывами ветра разлапистые листья чинар. Все — и рабочие, и инженеры, и директор завода Борис Дмитриевич Лисунов — не уходили с площадки. Здесь питались из походных кухонь, здесь получали по карточке свою рабочую норму: 800 граммов хлеба, здесь, между станин, на несколько часов засыпали в изнеможении, пока товарищи продолжали нести вахту.

Ровно через месяц из кабинета Юсупова было доложено в ГКО: «хозяйство Лисунова» выпускает продукцию. Первые десантные самолеты уже «обкатывались» в ташкентском небе.

Разумеется, и собственная промышленность Узбекистана, не только металлообрабатывающая, но и текстильная, и даже пищевая, встала на военные рельсы. Всего за полгода хозяйство было перестроено на военный лад. И все это при том, что Узбекистан теперь мог полагаться лишь на себя. Война прервала налаженные экономические связи; мгновенно возникла нужда в материалах, промышленном сырье, инструментах, запасных частях. Об этом докладывали письменно в ЦК, а из отделов Юсупову. Он собрал аппарат и сообщил со всей свойственной ему подчас категоричностью:

— Ни у меня, ни у других секретарей ЦК нет времени читать докладные записки. Этот стиль работы, товарищи, надо прекратить. Вы спросите, что делать? Я вам отвечу: идти на предприятия, помогать им, изыскивать возможности на месте, бороться с волокитой и бюрократизмом по правилам, которые диктует военная обстановка; советоваться с народом, с большевиками.

На Ташкентской швейной фабрике выходили из строя машины из-за того, что сносились детали. Нечего было надеяться теперь на то, что их

пришлют из подмосковного Подольска. Инструктор ЦК собрал партийцев, спросил: «Как быть? Фронт ждет нашей продукции. (А это были не только гимнастерки, но и парашюты, и чехлы для орудий.) Мы — в бою. Давайте действовать как в бою».

Фронтная ударная бригада члена партии Примова — токари, слесари, кузнецы — сама начала изготавливать простейшие детали, а вскоре даже самые сложные и тонкие. Все до единой машины были введены в строй.

Расшевелили и местную и кооперативную промышленность, которые едва ли не традиционно числились в отстающих. Они искали (и находили, порой на удивление ученым!) местное сырье, лом цветных металлов, подвергали его первичной обработке и поставляли военным заводам, а сами использовали для дела отходы крупных предприятий.

Фронт получал из Узбекистана самолеты, авиамоторы, минометы, бомбы, мины, обмундирование и обувь, продукты. Когда под Москвой были даны по фашистам первые залпы из «катюш», в ЦК КП(б) Узбекистана говорили друг другу радостным шепотом, — производство реактивных снарядов в Ташкенте относилось к области военной тайны: «Мы стреляли».

Через полгода после начала войны Юсупов говорил со строителями Северного ташкентского канала (кстати, на этой встрече присутствовали эвакуировавшиеся в Ташкент Алексей Толстой и Владимир Луговской, а переводил речь Юсупова с узбекского Гафур Гулям, прекрасный поэт и широчайшей души человек, тот самый, который обратился к обездоленным войной детям со словами «Ты не сирота»), согревшими сердца миллионам).

— На каждую фашистскую гадину, — докладывал народу первый секретарь ЦК, — мы даем, по крайней мере, по одной авиабомбе, по одному снаряду и гранате, несколько сот патронов. Если не на одного, то на десяток фашистов — по одной «катюшке», — он произнес именно так, с милой неправильностью, и разъяснил строителям, по преимуществу колхозникам: — Говорят «Катя», а уменьшительно «Катюшка». Правда, обычно понимают так, что Катеньку любить — хорошее дело, но я вам доложу, что это такая «Катенька», которая не оставляет от фашистов ни мяса, ни костей. — И люди восторженно рукоплескали.

Из Узбекистана уходил эшелон за эшелонами: запломбированные вагоны, и на площадке — красноармеец с винтовкой наперевес.

«Мы разместили, смонтировали и пустили в ход десятки важнейших оборонных предприятий... Можно с полным основанием сказать, что за время войны Узбекистан стал одним из серьезных центров военной

промышленности Советского Союза», — говорил в другом своем выступлении Юсупов.

Шли эшелоны и в Узбекистан. Прибыло несколько институтов Академии наук СССР (около четырехсот ученых), Белорусская академия наук, Ленинградская консерватория, Украинский академический театр драмы имени Франко, московские театры: имени Ленинского комсомола, имени Революции, Государственный еврейский театр.

Приехала большая группа писателей, и среди них — Алексей Толстой, Анна Ахматова, Якуб Колас.

Ватаги студентов из Ленинграда, Киева, Харькова, мгновенно загоревшие под южным солнцем парни и девушки, весьма беспечные и веселые на фоне грозной поры, разгружали институтское оборудование, сколачивали в общежитиях двухэтажные нары.

Ловко перескакивая начищенными сапогами через лужи на кирпичных тротуарах, спешили на занятия слушатели Высшей военной академии имени Фрунзе.

Во дворе Центрального телеграфа на рассвете выстраивались на зарядку курсанты академии связи, одного из многих военных учебных заведений, прибывших в Узбекистан.

А сколько двигалось черепашью скоростью, застревая на каждом разъезде, но неуклонно — на Ташкент, наспех сформированных злыми от усталости станционными дежурными поездов, с горькой иронией называемых «пятьсот веселый». Ехали в теплый спокойный край осколки семей, чьи отцы сложили головы в первый день войны, на пограничном рубеже; ехали, спасаясь от фашистов, киевляне и одесситы, жители сожженного Смоленска и израненного Минска; ехали из Молдавии и Буковины...

Счет шел уже не на десятки, а на сотни тысяч. И каждому нужна была хоть одна лепешка в день. А Узбекистан до войны две трети хлеба завозил из краев, которые ныне были заняты врагом. В ноябре, когда волна эвакуации достигла высшей точки, было подсчитано, что зерна остается только на несколько месяцев.

И каждому нужна была хоть какая-никакая защита от непогоды и холода, а кирпича, досок, даже гвоздей не хватало, чтоб строить цехи для военных заводов.

На Привокзальной площади Ташкента сидели таборами беженцы — на чемоданах и узлах, соорудив из одеял ненадежные навесы над головами. Созданные сразу же комиссии: от местных Советов до Совнаркома (членом республиканской комиссии по делам эвакуированных состоял и У. Ю.

Юсупов), — занимались учетом, устройством этих людей; принять и обеспечить мало-мальски необходимым всех сразу было невозможно и чисто физически, и потому, что надо было искать и находить новые решения, а возможности были, казалось, исчерпаны дотла. И самые слабовольные из эвакуированных уже ходили по дворам, прося пристанища, а самые нахальные, бывали и такие, так же как бывали трусы на фронте, уже брали за горло. Из уст в уста передавалась похожая на легенду история о еще нестарой тетке, которая привела шумную и бесцеремонную ораву своих детишек в горисполком, впустила их в кабинет председателя и заявила, что никуда они не уйдут отсюда, пока родная Советская власть не даст ей квартиры.

Не исключено, что версия эта немало обросла домыслами. Более того, могла она наряду с паническими слухами о положении на фронте быть сознательно пущена вражескими языками. К тому же зазвучали эгоистичные, дремавшие в благополучное время струнки в душе у иных обывателей, которые теперь вынуждены были стоять в очередях, длина которых возросла вдвое, а то и втрое. А как обидно было — тут уж попробуй не пойми ее — добропорядочной ташкентской хозяйке, когда приезжая дама (а вместе с массой тех, кто лишился последнего достояния, прибыли в Ташкент и люди весьма денежные) забирала, не торгуясь, последний десяток яиц на Алайском рынке у перекупщицы с бегаящими глазами.

Морская волна выбрасывает на песчаный берег мириады капель соленой воды, а вместе с ними — окурки, ржавые жестянки и пустые бутылки.

Сидя на земляном полу, усыпанном окалиной и спекшейся глиной от опок, усталые женщины, недавние минские модельерши и ленинградские искусствоведы, обрубали тяжелыми молотками заусенцы с минных болванок.

Девочки из интеллигентных киевских семей, мальчики из знаменитой одесской школы имени профессора Столярского становились токарями и фрезеровщиками.

Юноши неумело переправляли в паспортах год рождения — конечные цифры «25» на «23», — чтобы их призвали в армию, пока идет война. Но находились и приспособленцы, и спекулянты, и воры. Пусть их было немного, они в отличие от тех, кто торопился затемно на заводы, были на виду.

Даже на собрании городского партийного актива к Юсупову поступила записка: «Ташкент чрезмерно перенаселен ненужными элементами. Но

лучше ли отправлять эшелоны дальше?»

— Куда? — спросил, в свою очередь, с сердитым вызовом Юсупов. — К папе римскому?

В заключительном слове он все поставил на места:

— К нам едут люди, которые жестоко пострадали от войны. Многие из них испытали ужасы фашистского террора. Надо окружить их вниманием, протянуть руку братской помощи, а вместо этого эвакуированных в ряде случаев третируют, относятся к ним как к чуждым советскому обществу людям. Партийный актив должен решительно разбить подобные настроения как вредные, антисоветские. Нужно принять все меры к бытовому и трудовому устройству эвакуированных, окружить их вниманием, помочь быстрее включиться в нашу общую работу.

Таково было мнение и указание Центрального Комитета, высказанное его первым секретарем, а далее, выступая уже как Усман Юсупов, в умении которого подсказать выход из, казалось бы, безвыходного положения все убеждались не раз, он советовал:

— Потесните учреждения; рабочий стол может стоять даже в коридоре, но освободите хоть комнату для общежития.

— Стройте времянки, как наши прадеды строили: из глины и самана, зато внутри тепло и сухо.

— А как быть с хлебом? — опять и опять спрашивали у него.

Бывает, человек в порыве перескочит через пропасть, а потом, оглянувшись, и восхищается собой, и ужасается: как это я сумел? Нечто подобное испытывают нынче люди, которые были близки к Юсупову в годы войны. Они вспоминают, как, знакомясь с очередной сводкой о количестве выданных населению продовольственных карточек, не скрывали своих страхов за то, удастся ли пережить без голода год грядущий. Но вот же: остались живы все, хотя до сих пор кажется это невероятным.

Он был партийным руководителем, пусть первым в республике. Кроме него, кроме ЦК, были органы законодательные, исполнительные, которые он никогда не подменял авторитетом ЦК, не оттеснял от дела; наоборот, постоянно подчеркивал: «Необходимо все вопросы хозяйственного, советского порядка рассматривать лишь на заседаниях СНК и его решения считать окончательными, подлежащими безусловному выполнению. Совершенно излишне рассматривать одни и те же вопросы ЦК и СНК, дублировать работу». Никогда никого не упрекал и не наказывал Юсупов за проявленную инициативу. Все знали об этом. Но знали, что и результат должен быть при этом благим. А кто примет на себя величайшую, чтоб не

сказать страшную ответственность: посеять на поливных землях Узбекистана, хотя бы на части площадей, не хлопок, а хлеб?

Сама жизнь Юсупова снова приводит нас все к тому же сравнению первого партийного руководителя с полководцем. Да, он не подставляет, подобно солдату, голову под пули. Но нередко ему приходится принимать, уже одному, окончательные решения, взвалив на себя такую ношу ответственности перед настоящим и будущим, что впору поседеть за ночь.

Юсупов, следуя своим правилам, прежде всего заставлял работать и думать членов ЦК, всех, кто занимался сельским хозяйством. Никогда, ни прежде, ни потом, не ставил он столько раз одни и тот же вопрос: мы можем рассчитывать лишь на собственные ресурсы. Как в этом случае обеспечить население хлебом? 20 сентября он обращается с этим к активу Ташкентской парторганизации. Он говорит, что необходимо расширить (очевидно, лишь в одной Ташкентской области) посевные площади по сравнению с текущим годом почти на 120 тысяч гектаров. Речь-то шла не только о зерновых, но и о сахарной свекле (в Узбекистан эвакуировался десяток сахарных заводов). Прежде в республике эту культуру не сеяли. Теперь это стало насущной необходимостью.

— Каждое зерно будем учитывать, — предупреждает Юсупов, чтобы окончательно поломать довоенную тенденцию, когда план по озимым кое-где выполняли спустя рукава, а после ссылались на неурожай. (Земли-то, на которых сеяли хлеб, — неполивные (богара), так что все зависело от бога, от погоды.)

Две недели спустя на собрании работников аппарата ЦК он вновь напоминает:

— Надо посеять озимые на богаре, в течение ближайших десяти-пятнадцати дней, иначе будет поздно. Посеять зерно на условно-поливных землях, использовать весенние паводковые воды, два раза полить зерновые.

Он не до конца уверен, правильны ли его рекомендации, и обращается к специалисту:

— Можно это сделать, товарищ Мальцев?

— Можно.

На память перечисляет он районы, где есть возможность расширить зерновой клин:

— Только в Орджоникидзевском районе — тысяча — тысяча пятьсот гектаров. В колхозе «Темир кадам», например. Можно на этих землях и повторные посевы делать — сеять просо.

Надо шевелиться, ехать в Таджикистан, в другие районы, чтоб купить этих семян. А спросите вы об этом товарища Инжелевского, он ответит:

«Зерном не занимаюсь». Спросите Гогсадзе, он скажет: «Вы по ошибке у меня спрашиваете. Спросите у Мальцева...»

Неделю спустя на крупнейшем с начала войны совещании перед секретарями обкомов и председателями облисполкомов, руководителями республиканских организаций:

— Мы должны во что бы то ни стало увеличить производство зерна в два с половиной — три раза. Проверки показали, что в колхозах есть свободные земли; надо использовать приусадебные участки колхозников: сперва снимать урожай хлеба, а потом — овощей. Или сначала овощи, а вслед за ними сеять просо или маш^[10]. А сколько пустующей земли в садах, в виноградниках?

Иногда сталкиваешься прямо-таки со смехотворными фактами: на большой площади держат четыре дерева и говорят, это сад. Почему в таких случаях не использовать землю под зерно?

Двадцать лет спустя директор совхоза «Халкабад» Усман Юсупов будет поступать именно так, хотя потребность в хлебе уже не будет столь остра.

Он задает направление, тон, и выступающие не просто соглашаются с ним; они предлагают: «Подсобные хозяйства заводов должны сеять не бахчевые, а рис»; «Ташкент в состоянии покрыть потребность в хлебе за счет собственных ресурсов»; «Урожайность на богаре должна быть не меньше шести центнеров, а на поливных землях — 15 центнеров с гектара».

Юсупов обращается к колхозникам. Они вышли на строительство Северного ташкентского канала:

— Неужто мы будем просить союзное правительство, чтобы нам в такое тяжкое для страны время дали десять миллионов пудов хлеба? Нет, это было бы неправильно, это было бы нахально, это было бы не большевистски: к трудностям фронта наваливать дополнительные трудности. А как же быть? А так: решить проблему хлеба здесь, в Узбекистане, самим обеспечить себя.

Он знает сердце своего народа и призывает к нему:

— Представьте: вот ваш голодный ребенок плачет, старуха мать пьет чай без кусочка лепешки, а вы не в состоянии дать им хлеб. Это в тысячу раз труднее любых трудностей, которые нам предстоит здесь преодолеть.

Мы можем многое сделать, используя внутренние возможности республики. Одна из них — оросить эту степь. Тогда уже в начале нынешнего лета она даст не два-три, а пятнадцать центнеров зерна с гектара.

28 марта 1942 года земляные работы на канале были окончены. Ко времени поливов по нему пошла вода.

Но всей огромной хлебной задачи Северный ташкентский, к сожалению, не решал. Строительство его было одной из важных мер, намеченных пятым Пленумом ЦК КП(б) Узбекистана. Он состоялся в конце первого военного года и был посвящен вопросам производства вооружения и боеприпасов, разработке военно-хозяйственного плана на 1942 год и вопросам усиления организационно-партийной и политико-воспитательной работы в условиях военного времени. Пленуму предшествовала та требующая огромной отдачи сил и, увы, почти незаметная внешне, как многие настоящие свершения, работа, которая и составляет подлинную суть партийной деятельности. Пленум или съезд начинается задолго до заседания, президиумов, стенограмм и принятия решения. Тот, о котором идет сейчас речь, начался тогда, когда на места выехали направленные бюро ЦК, снабженные подробнейшими инструкциями бригады. Во главе их стояли самые ответственные работники — секретари ЦК, заместители председателя Совнаркома. В очень короткие сроки они определили и взяли на учет все внутренние ресурсы и производственные возможности каждой из областей. Ночи напролет просиживали они с сотрудниками обкомов и облисполкомов над сводками, таблицами, картами, а потом начиналось главное: выезды в районы, во все наиболее крупные колхозы, в совхозы; собрания первичных партийных организации, где нередко высказывалось рядовым членом партии мнение, мысль, предложение, которые затем полноправно входили в постановление пленума и возвращались уже в качестве директивы-приказа, продиктованного коллективным умом партии.

Та, принятая в декабрьские дни 1941 года, требовала от большевиков резко увеличить производство боеприпасов, расширить добычу цветных металлов, пустить новые электростанции, чтоб была обеспечена бесперебойная работа военных заводов, наладить производство всех важнейших стройматериалов; цемента, извести, мела, черепицы, толя.

Было подсчитано, что посевные площади можно будет увеличить на полмиллиона гектаров, а валовой урожай зерновых должен быть доведен до 15 миллионов центнеров. (В 1941 году было собрано 5,5 миллиона центнеров.)

Вновь были направлены на село партийцы из городов — агрономы, механизаторы, бухгалтеры и просто — организаторы производства.

Но борьба на трудовом фронте, так же как на фронте военных действий, не была триумфальным маршем от победы к победе. Знал ли, предвидел ли Юсупов, что требование — дать во что бы то ни стало хлеб

— снизит внимание к главной культуре, к хлопку? Сегодня только он один смог бы ответить на этот вопрос, а заодно сказать о том, почему он, столь в иных случаях непримиримый в своем отношении к тому своеволию, когда во имя ограниченных сегодняшней потребностью интересов отодвигается на задний план главное (а для Узбекистана это, разумеется, был, несмотря ни на что, хлопок), почему он до поры не призвал к ответу тех товарищей с мест, которые допустили, чтобы и на поливных землях выращивался не хлопок, а хлеб? Ответ на это следует искать, наверное, не в характере Юсупова-политика, а в душе Юсупова-человека. Коротко можно сказать, не боясь сентиментальности, заключенной в расхожей фразе: сердце его обливалось кровью, когда он видел голодных детей. А они прибывали и прибывали в узбекский край с такой понятной надеждой в рано повзрослевших глазах: отогреться, успокоиться, наесться досыта.

Мы упоминаем о детях, но речь-то идет и о рабочих, которые должны были иметь силы, чтобы выстоять двенадцатичасовую смену, и о колхозниках (в семье у каждого не менее шести человек), и о солдатах, которые в степях под Ташкентом учились военному делу, а потом били врага под Сталинградом.

Ему досталось к тому же на самом что ни на есть высоком уровне — на Секретариате ЦК ВКП(б). Были вызваны туда еще Абдурахманов и Глухов. Был поставлен вопрос о хлопководстве. Секретарь ЦК ВКП(б) Щербаков говорил так, да и атмосфера была такая, что каждое слово впечатывалось в мозг и душу на веки вечные. Не стеснялся к тому же — круг был узкий — и в выражениях:

— Собирать на поливных землях высокие урожаи хлеба каждый дурак сможет. Как не понять, что война не бесконечна, уже освобождены многие хлебные районы, а хлопок, кроме Средней Азии, нам никто не даст. Будьте добры, занимайтесь хлопком!

Надо полагать, Юсупов предвидел этот выговор и даже подготовился к еще худшему. Более того, и товарищи, наказавшие его, наверное, понимали, что кто-кто, а Юсупов не мог забыть о хлопке.

— Идите работайте, — сказали ему и товарищам в заключение. Они работали.

Началась борьба, тут уж иначе не скажешь, за хлопок 1944 года. На полевых станах внесли лозунги: «Урожай хлопка и наступление на фронте — звенья единой цепи». Но работа ЦК не ограничивалась призывами. Самые сильные сотрудники из партийного и государственного аппарата (1700 коммунистов и около 2000 комсомольцев) были направлены на руководящую работу в село. Практически в каждом колхозе оказался хоть

один из них. Это была гвардия, четко представлявшая задачу, принципиальная, не отступающая на шаг от решения ЦК. (А указание давать и хлопок и хлеб оставалось по-прежнему в силе.) «Мы были люди Юсупова, — вспоминает один из товарищей, посланных партией в отдаленный андижанский колхоз. — Мы действовали от имени ЦК. Каждый имел право входить с любым вопросом лично к Юсупову».

На село тоже проникли настроения, свойственные испокон веку войне: «Как-нибудь пережить бы тяжелые времена, а там — займемся делами».

«Сейчас, — говорили большевики, — сегодня пускать на поля технику». Тракторы, даже сеялки, оставленные механизаторами, ушедшими на фронт, пришли в негодность. Организовали летучие ремонтные бригады — 1500 коммунистов и комсомольцев: механики, трактористы. Одна-единственная приходилась на целый куст колхозов, но зато это были мастера, готовые работать по-фронтовому, день и ночь. Но где взять запасные части?

Обратились к рабочим. Партийные организации заводов решили без ущерба для выпуска боевой продукции обеспечить колхозы запчастями. Город взял шефство над селом, которое недавно спасло его от голода. Рядом с плакатом: «Что ты сегодня сделал для фронта?» — в цехах появился второй: «Что ты сделал для села?» Весной на хлопковые плантации вышли тракторы, конечно не весь довоенный парк, но все же гораздо больше, чем в предыдущем сезоне. ЦК партии напоминал, требовал: никаких скидок на военное время; агротехнику во время сева соблюдать строжайше!

Конечно же, хлеб на поливных землях в первые годы войны сеяли, но была и более важная причина, из-за которой часть массивов выпала из оборота. Поднялись грунтовые воды; поля заболотились, засолились. Был залит весь Бухарский, затоплен Каганский, пострадали многие другие районы. Нужно было провести вовремя профилактические мелиоративные работы, а сил не доставало: из Узбекистана, так же как и всех советских краев, люди уходили ежедневно на фронт. Шестнадцатилетние бухарские мальчишки, стоя по горло в воде, чистили коллекторы. Коржавин рассказывал об этом на бюро ЦК. Даже по одному этому факту судя, можно представить, какой ценой были все же осуществлены мелиоративные работы и земли возвращены в строй.

Старики и дети, узбекские женщины, испокон веку великие труженицы, на их плечи легли заботы о хлопке.

У кого не хватало сноровки, у кого руки были слабы, а окучивать хлопчатник на глубину в восемнадцать сантиметров под жарким солнцем, да еще не очень сытому, — дело нелегкое. Юсупов знал, что это за работа,

и потому, когда прочитал в Ферганском обкоме весьма успокоительные сводки о ходе обработки, не обрадовался, а обеспокоился. Сам проехал по полям; увидел, что у иных корней земля едва разворочена кетменем, что сорняки остались едва ли не выше хлопчатника. Свирепел, кричал, справедливо негодуя:

— Кого обманываем? Это все равно что на фронте послать командованию ложное донесение. За это расстреливают!

Доброкачественная окучка нужна была прежде всего потому, что не хватало удобрений. Надо было, чтоб земля кормила как можно лучше каждый куст хлопчатника, чтоб сорняки не забирали из нее драгоценные соки себе.

Секретари обкомов призывались к ответу. Докладывали, что приняты меры: на таких-то площадях будет произведена дополнительная окучка, на поля выйдет столько-то людей.

— И все? — спрашивал Юсупов. — А политико-воспитательная работа? Каждый ли колхозник понимает, какое значение для победы имеет его труд? Если бы понимал, умер бы, но не оставил рядом с хлопком сорняк. — Он рассказывал, не скрывая удовлетворения, о фронтовых бригадах, которые возникали по инициативе комсомола повсеместно. — Я видел десятки таких бригад, и они замечательно работали. Эти фронтовые бригады делают в два-три раза больше, чем другие, и качество работ отличное... Они живут прямо в поле, как на войне. Если не успели построить шалаши, спят прямо на грядках. Они не следят за временем, у них нет часов, — с особым упором произнес эту фразу, — они не разгибают спины, пока не обработан весь участок. Что им дает силы? Высокая сознательность. На поле — не машина с кетменем в руках, а комсомолец, боец партии.

На каждом заседании, с каждой трибуны, в любом документе настойчиво предъявляет он это требование: видеть во всем политический смысл и доводить его до сознания людей.

— Мы будем наказывать тех руководителей, которые под предлогом занятости пренебрегают агитационно-пропагандистской работой. Мы не делеги, а политические деятели, поставленные партией во главе республики.

Прочитайте теперь вот эти несколько цифр в сочетании со всем тем, о чем шла речь прежде: 10 декабря 1944 года Узбекистан выполнил государственный план хлопкозаготовок. Урожайность по сравнению с предыдущим годом повысилась более чем на четыре центнера с гектара. Триста тридцать четыре бригады собрали по тридцать центнеров с каждого

гектара. Хлопка было сдано на триста двенадцать тысяч тонн больше, чем в 1943 году.

«Героической работой на хлопковых плантациях колхозники Узбекистана показали, как надо преодолевать порожденные войной трудности. Их победа — это победа животворного советского патриотизма, спаявшего воедино все народы СССР» — так оценила этот трудовой подвиг «Правда».

Следующий сельскохозяйственный год был, как все они, по-своему труден: весна наступила поздно, тракторы поизносились вконец. Но был собран урожай выше, чем в предыдущем декабре. Передовики-хлопкоробы были награждены орденами и медалями. Две тысячи шестьсот двадцать и одни человек. Этим одним был Усман Юсупович Юсупов, вновь награжденный орденом Ленина.

В войну он редко бывал дома. Случалось, месяц кряду ездил по областям, жил на больших стройках. Когда являлся в дом на Гоголевской, в мрачноватых комнатах со старой мебелью для всех наступал короткий праздник. За столом рассказывал о Сталинграде; вилки, ножи изображали армии. Все задавали вопросы, семилетняя Инна — тоже:

— А почему они не затопили печку? (Юсупов говорил о замерзающих итальянцах.)

Старший сын его, Леонид, тоже был на фронте, служил у Сабира Рахимова, первого узбека-генерала, но семья расширилась: родилась дочь Зоя, и была взята на воспитание пятилетняя русская девочка Фаина.

Юлия Леонидовна работала в Наркомате легкой промышленности, но заботы, как у всех, не ограничивались ведомством. Занималась она и детскими домами. Однажды стриженная русская девочка вскинула на Юлию Леонидовну, красивую, неизменно элегантно, но строго одетую, глаза, произнесла «мама» и тут же смолкла, поняв, что ошиблась. Юлия Леонидовна взяла девочку к себе. С Усманом Юсуповичем ничего не согласовывала; знала, он одобрит. Сам привозил из каждой поездки полон вагон (свой, служебный) детишек, подобранных на дорогах и вокзалах. Устраивал в детские дома, а тех, кто постарше, — на работу.

В Ангрене, где строили угольный разрез (начинали еще народным методом), в снежный холодный день пошел по баракам. Прежде заглянул в рабочую столовую, на кухню, поворотил поварешкой в котле.

Где картошка? — спросил у оробевшего пучеглазого зава и безошибочно заключил: — Между собой разделили. Ну ладно, доберемся до вас.

Б бараки увидел парня лет семнадцати, тощего, слабого. Оказалось, он из Донбасса, год скитался, питаюсь чем бог пошлет, пока добрался до Узбекистана. Сирота, шахтерский сын.

— Долго тебе придется набирать мясо на таком питании, как у вас здесь. — И шоферу: — Возьми его в машину, отвези к нам в вагон.

Шофер Виктор Орда, еще молодой, едва тридцать минуло, отвез парня на станцию, отдал ему свое белье. В Ташкенте спросил:

— Куда этого, Усман Юсупович?

— В гараж к себе. Скажи, я велел.

Парень работал, учился, потом попросился в Ленинское стрелковое училище. Окончил и уехал на фронт лейтенантом. Наверное, погиб; иначе непременно дал бы знать Усману Юсуповичу о себе.

Никто из них, в чью жизнь Юсупов вошел как добрый гений, а нередко — спаситель, не забывал этого, а было таких людей множество. Из той же поездки, к примеру, привезли девчонку-таджичку. Нашли на станции, спала, приткнувшись к теплой стене водогрейки. Обычная невеселая история: отец на фронте, мать умерла; жила у каких-то дальних родичей, вниманием ее не жаловали, обиделась, убежала куда глаза глядят.

— На дачу ее, уборщицей поначалу, — велел Юсупов.

На даче ЦК, в благословенной, утопающей в яблоневых садах и виноградниках Дурмени, в пятнадцати километрах от Ташкента, сам он бывал очень редко. Да и семья жила в городе, Юлия Леонидовна хотя была занята меньше Усмана Юсуповича, но тоже допоздна засиживалась то в наркомате, то на заседаниях. В Дурмени жили те, которых Юсупов ценил особо; не за положение — за талант; достаточно назвать певца Фазлитдина Кары, поэта-сказителя Чархи, чтоб понять, что это были за люди. Была и молодежь. Азизхан Каюмов, к примеру.

Юсупов увидел его в Коканде. Восемнадцатилетнего Азиза и четырнадцатилетнего брата его Лазиза (ныне Лазиз Лулатович Каюмов, светлая голова, профессор, крупнейший в республике литературовед), поэт Чархи, покровительствовавший способным юношам, привел на чаепитие, собранное в честь Юсупова в кокандском саду.

— Наш юный стихотворец.

— Читай, — сказал Юсупов.

Ребята были в жалкой одежонке, робели, к тому же взгляд их помимо воли был прикован к скатерти, на которой стояли подносы с фруктами, лежали свежие лепешки. Как равноправные гости, могли и они взять что хотелось, но в присутствии такого человека...

Азиз начал читать стихи, посвященные курултаю (съезду)

хлопкоробов. (Какие же еще могут понравиться первому секретарю ЦК?) Сочинение это, длинное, риторичное и довольно-таки нудное, было опубликовано в городской газете, и Азиз этим обстоятельством весьма гордился.

Юсупов выслушал его терпеливо и заключил:

— Мы не поэты, конечно, но если бы поднатужились, то могли бы что-то наподобие этого сочинить. Прочти-ка еще.

— Читай свою лирику, — подсказал Чархи.

— Вот это нравится, — сказал Юсупов и с особым вниманием посмотрел на Азиза. Узнал, что тот учится в местном нефтяном техникуме не потому, что душа лежит, а по бедности: в Ташкент отец отправить его не в состоянии.

Слабости своей Юсупов все же уступил. Обстоятельно порассуждал вслух о том, что к таланту нужно еще и образование, тогда только он сможет окрепнуть и развиваться. Мальчики почтительно слушали, а голова у них кружилась от запаха свежих лепешек. Он понял, конечно. Встал и сказал:

— Оставайтесь за столом. Попейте чайку, ребята.

Они сперва набросились на еду, а потом полезли на вишню, набили полные карманы... Неожиданное пиршество это запомнилось, пожалуй, не меньше, чем разговор с Юсуповым.

А он не забыл, оказывается.

Вскоре Азиза пригласили в горком и сообщили, что отправляют его в Ташкент и что он должен явиться в секретариат Юсупова. Все столь сложные в военное время вопросы (надо было сняться с воинского учета, получить разрешение на прописку в столице; даже билет на поезд достать было непросто) были решены мгновенно, и Азиз в саржевой гимнастерке и с не имеющей цены трехрублевкой в кармане прибыл в Ташкент. Заняться им сразу же Юсупов, разумеется, не мог. Товарищи из аппарата решили было, что юного поэта отправят в Янгиюльский театр. Было тогда такое зрелищное предприятие, которое, впрочем, спектакли показывало крайне редко, зато в штаты его, весьма раздутые, зачислены были не только актеры, но и многие писатели, ученые, художники. Нарушение это сделано было по прямому указанию Юсупова, чтоб поддержать, а может, даже спасти людей талантливых, но по-бытовому гораздо менее приспособленных к жизни.

В Янгиюльском театре получали зарплату, которая, впрочем, значения не имела, а главное — кормились три раза в день, отоваривали (было и такое выражение) литературные продовольственные карточки знаменитый

певец из Хорезма Ширази, литераторы и музыканты, и среди них Айбек и Юнус Раджаби — достаточно, наверное, этих, всегда с гордостью произносимых в Узбекистане имен.

Но когда дошел черед до Азиза, Юсупов отправил его в Дурмень. Там парень был зачислен рабочим подсобного хозяйства, трудился и в ткацком цехе, и в саду, а осенью поступил на Восточный факультет САГУ. Пройдут годы, и Азиз Пулатович станет крупным ученым, ректором Узбекского института культуры.

Скажут, частная благотворительность, впечатляющие жесты, которые характеру Юсупова не были тоже чужды (по пути в Москву раздавал жителям степей чай в пачках; детишкам, игравшим возле колхозных школ тряпичными куклами, дарил надутые автомобильным насосом футбольные мячи. Кстати, покупалось все это — и чай, и мячи, и иное — на собственные деньги, они у Юсупова никогда не залеживались). Все это было бы, наверное, так, если бы первый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана с еще большим рвением и отдачей душевных сил не заботился о детях войны, коли о них сейчас речь, — всех без исключения. Десятка тысяч их прошли через центральный эвакуопункт Узбекистана, и ни одни не погиб, ни один не остался обездоленным.

Отношение к детям у Юсупова было особенным; в этом проявилось приметное свойство характера чадолюбивого народа. По его предложению, едва в Ташкент начали прибывать вагоны с эвакуированными, была создана при Совнаркомe комиссия по устройству и воспитанию детей войны. Юсупов выступил перед активистами, которые вошли в ее состав:

— К этим детям у нас должно быть отношение как к собственным, родным. Только негодяй и паразит может смотреть на этих детей с пренебрежением, только заклятый враг людей может пренебрегать нуждами этих несчастных детей, не помогать им. Можно и нужно поработать дополнительные часы, создать специальные фонды, организовать сбор домашних вещей, осуществить ряд других серьезных мероприятий по воспитанию и устройству детей.

И тут же еще одно предложение, в котором — весь Юсупов:

— Я думаю, у нас есть полная возможность приютить не только тех эвакуированных детей, которые прибыли в Узбекистан, **но и собрать их по всей линии железной дороги, до Куйбышева включительно.** Надо сейчас, не медля ни единого дня, послать своих представителей, собрать застрявших в дороге детей, захватить для них еду и одежду и привезти их в Узбекистан.

И исконное чадолюбие свое, и высокий интернационализм,

рожденный в советские годы, проявил тогда узбекский народ. Всем известна стала семья вовсе не стремившегося к славе ташкентского кузнеца Шамахмуда, который вместе со своей женой Бахри усыновил тринадцать детей разных национальностей. Все они достойно носят одну и ту же фамилию — Шаахмедовы.

Детей дошкольного возраста взяли в свои семьи тысячи жителей Узбекистана. В их числе была и Фаина, которая так и выросла в доме у Юсуповых.

То был единый общенародный порыв, и, не умаляя значения его, хочется напомнить, что главная тяжесть забот о детях войны легла все же на плечи Советского государства; это оно выходило, выкормило, выпустило в большую жизнь многих и многих сирот.

Да что скрывать, у Юсупова была возможность, пусть это звучит не совсем лестно, облагодетельствовать кого-то, но давайте учтем, что в равной мере он, человек, призванный решать общегосударственные проблемы, как никто другой, имел право пройти мимо отдельного случая, сделать из него и множества подобных выводы, принять меры, касающиеся всех, а не единиц. Он занимался этим весьма успешно, но он не мог оставить страдающего человека, если тот попадался на глаза.

Осенью, не доезжая Коканда, он заметил у дороги изможденного, обросшего бородой человека. Тот лежал, глядя на мир безучастными темными глазами.

— Останови, сынок, — велел он Орде. — Узнай, кто и что.

— Еврей из Одессы. Три дня не ел, говорит, — доложил Виктор.

— Позови.

Юсупов пожал его ладонь: узловатые пальцы, иссеченные черными порезами.

— Кто по специальности?

— Шорник. Могу даже портным быть, если надо.

— Надо, а ты валяешься на дороге, ай-ай.

— Семью искал. Сказали, где-то здесь. Жена, дочка. Ходил, ходил — разве найдешь? Сил нет.

— Мы найдем.

— А-а, это вы мне только говорите.

— Дай-ка ему поесть, Виктор.

Человек затрясся, увидев лепешку, колбасу, чай. (Орда всегда возил два термоса, с зеленым и черным.)

В первом же колхозе Юсупов сдал его с рук на руки председателю:

— Вот нужный для тебя человек. Он и хомуты починит, и штаны

сошьет.

Недели две спустя проезжали неподалеку от тех мест.

— Заверни-ка в колхоз.

Шорник жил в маленькой комнатке уже вместе с семьей. Суетился, хлопотал, угощая высокого гостя — теперь-то он знал, кто это — чаем.

Он любил делать хорошее, любил, чтоб радовался народ, но не упускал случая обрадовать, если мог, и одного человека. Первый узнал, что писатель Василий Ян — тот тоже был в эвакуации в Ташкенте — отмечен за роман «Чингисхан» Сталинской премией.

— Владимир Иванович, — попросил помощника Попова, — приведи-ка Яна сюда.

Во времени, как обычно, не ориентировался, и Попов возразил:

— Поздно, Усман Юсупович. Одиннадцатый час.

— Найди.

В темноте привезли счастливого Яна-Янчевецкого.

— С вас суюнчи^[11], — сказал Юсупов, смеясь.

И вот то, что у литераторов, а заодно и у политиков называется выходом в широкий жизненный план. На бюро ЦК КП(б) Узбекистана с участием всех ответственных работников из Ташкента и областей обсуждается вопрос «О задачах партийных и советских организаций по охране здоровья и обеспечению бытовых условий трудящихся». Выступает первый Юсупов:

— Мы в ЦК обменивались мнениями и решили со всей серьезностью поставить сейчас вопрос об отношении к живым людям. Для нашей партии этот вопрос всегда был важнейшим. Особенно остро встал он в период, войны. Однако, несмотря на значительную работу, проделанную партийной организацией Узбекистана в этом отношении, мы получаем уйму сигналов о недопустимом отношении к живым людям.

Он привел и примеры из писем, и собственные наблюдения, особенно по Ангрену.

— Я считаю необходимым, чтобы за каждым таким случаем бездушно-бюрократического отношения к живым людям следовало острое политическое реагирование...

...Наши товарищи порой представляют свой авторитет односторонне. Они думают: надо выполнить план. Но авторитет, кроме выполнения плана, коммунист-организатор завоевывает еще и в самом тонком деле — это отношение к живому человеку.

В каждом выступлении его звучит эта тема:

— Прежде всего — об отношении к людям. Нельзя относиться к ним

так, как некоторые руководители... На объединенном участке (Юсупов выступает перед строителями Северного ташкентского канала) колхозники в течение четырех дней жили на кукурузной болтушке, а между тем такой руководитель, как Азизов, который должен был отвечать за питание колхозников, каждый день кушал шурпу и плов... Нельзя терпеть такое хамское отношение к людям. Поэтому первое требование: раз народ здесь, то и руководитель должен быть здесь, должен вместе с народом переживать все трудности. Не имеет права руководитель отсиживаться в тепленьком месте. На фронте таких «командиров» расстреливают.

Центральный Комитет партии работает тоже по плану, но сверх всех намеченных мероприятий едва ли не каждую неделю собирает Юсупов то большую группу партийных работников и говорит с ними о помощи семьям военнослужащих (вскоре колхозы выделили для них около 75 тысяч пудов зерна, около 200 тысяч пудов овощей, 10 тысяч овец, 2 тысячи коров. Было отремонтировано 60 тысяч домов и квартир), то секретарей парткомов — от райкомов до ЦК и совещается с ними, как обеспечить города продовольствием и топливом. Приглашает к себе руководителей четырех пригородных районов («Я вас лично прошу, дайте дополнительно овощи и картошку»), и они дают.

Не ради эффектного противопоставления: сам-то он себя, а заодно и непосредственных подчиненных не щадил никогда, а в те годы особенно.

Однажды, уже в 1944 году, потерял сознание у себя в кабинете. Шло очередное бюро ЦК.

То была первая болезнь, и ее могло не быть, но он не знал, что такое отпуск, насмешливо относился к тем, кто ездил на курорты («Выдумали Ессентуки! У нас Шахимардан в сто раз лучше»), на осмотр в поликлинику вытащить его было невозможно. Профессор Каценович, невысокий, подвижный, быстрый, невзирая на полноту, ко всему — друг дома, возмущался, объяснял, что бесследно все это при изнурительной работе не пройдет. И случилось. Юсупов слег, но уже неделю спустя Каценович увидел его в коридоре. Юсупов искал телефон. Профессор рассвирепел, встал на цыпочки, даже пальцем перед лицом Юсупова помахал: «Вы думаете, если вы секретарь ЦК, вам все можно. Я буду жаловаться...»

Со стороны это выглядело забавно: грузный, немного растерянный Юсупов в мешковатой пижаме — и солидный, подпрыгивающий от негодования профессор, отчитывающий его; но послушаться Юсупов не посмел. Он и потом, когда валили с ног инфаркты, один за другим, лежа в правительственном стационаре, требовал:

— Пригласите Каценовича. Хочу, чтоб лечил он.

Тогда, после первого удара, придя в себя, облегченно улыбнулся, простодушно спрашивал, как все больные:

— Где это, меня угораздило?

Каценович покачивал головой:

— Беговат, Фархадстрой — все вместе.

— А как же иначе, Александр Львович?

Да, иначе нельзя было. Нужны были и военные заводы, и хлопок, и хлеб; нужно было отдавать сердце людям; нужно было отдавать здоровье и Фархаду, и Беговату.

Еще осенью 1941 года, когда лава заводов двигалась с запада в Узбекистан, Константин Михайлович Ефимов, второй секретарь ЦК КП(б) Узбекистана, сказал:

— Хлеб для военных предприятий — это металл. Где его брать? Только получать с Урала? Но там тоже возросли потребности.

Юсупов прислушался, предложил послать на имя Сталина телеграмму: «Узбекистану нужно собственное металлургическое предприятие».

Вскоре в Свердловск вылетел Глухов. Он был принят там заместителем министра черной металлургии Меркуловым. Было получено согласие на строительство Узбекского металлургического комбината. Для выбора площадки в Ташкент прибыл академик Бардин. Комбинату требовалось много воды, потому и площадку выбрали в поселке Беговат. Неподалеку сооружалась Фархадская ГЭС, названная в честь героя поэмы Алишера Навои. Легендарный Фархад совершил подвиг, осуществил мечту своего народа; он столкнул в Сырдарью скалу, преградил путь воде, и она устремилась на поля и в сады. В трудное военное время подвиг этот, уже не в поэтичном, не в образном, а в самом прямом смысле довелось повторить людям Узбекистана — обычным колхозникам, рабочим, инженерам. ГЭС должна была дать энергию и воду уже строящемуся комбинату.

В Беговате и на Фархаде руководили строительством самые сильные работники: Ш. Ч. Айтметов, М. З. Мирзаахмедов, Т. Л. Чернов, А. А. Саркисов, В. Г. Мирзабеков, А. Н. Аскоченский, — на каждого Юсупов мог положиться как на самого себя, и все же сначала, когда выбирали площадку (в дождь, в бездорожье Юсупов в ватнике, ушанке вместе со всеми вытаскивал из грязи свой «бьюик»), и до торжественного пуска доменной печи, прокатного стана «300», обводного канала все пути первого секретаря ЦК пролегали через комбинат и ГЭС.

Строительство их было нелегким, но, когда оцениваешь его с вершины минувшего тридцатилетия, когда отходят на задний план трудности, неурядицы, бытовые неудобства, угнетавшие даже люден весьма

нетребовательных к комфорту (странно и слово-то это употреблять, когда вспоминаешь о землянках, каждая — на сорок человек, о пронизывающих насквозь, так что ватная телогрейка только по названию оставалась таковой, диких беговатских ветрах), — видишь, как значительно в историческом аспекте было это дело и для республики, и для всей страны. Был дан металл, дан электрический ток. Бомбы и мины, которые сокрушали фашистские укрепления на Висле и на Зееловских высотах под Берлином, были отлиты и из узбекистанского металла. Это достойно оценено. Это не будет забыто. Но это все же ушло в историю. Остался опыт, который в других условиях родиться не смог бы; чего стоит, к примеру, возрожденная в колоссальных масштабах в Беговате узбекская народная практика применения сводчатых перекрытий, порожденная отсутствием строительного леса. Кстати, поражающие своими размерами сводчатые потолки в цехах натолкнули Юсупова на мысль о строительстве того самого театра имени Мукуми, о котором уже упоминалось. Здание это знаменито не только как памятник народному оптимизму, его вере в победу. Оно замечательно и с архитектурной, строительной точки зрения, особенно — ребристые своды в зале, под которыми сразу ощущаешь очарование Востока. Можно ли не упомянуть, что театр был возведен за три месяца под руководством тех же инженеров, которые строили беговатский комбинат, что в ноябре 1943 года были сданы в эксплуатацию кузнечный, котельный, компрессорный, ремонтный цехи, железнодорожная ветка к металлзаводу и одновременно — здание театра, в котором Юсупов открыл торжественное собрание, посвященное XXVI годовщине революции. В зале, среди лучших людей республики, среди фронтовых героев, строителей сидели и первые узбеки-металлурги; восемьсот человек из Узбекистана, по преимуществу — колхозники, обучились на уральских заводах у русских мастеров мартеновскому и прокатному делу. Несколько месяцев спустя А. Серов и Х. Ганиев дали первую плавку узбекского металла.

Беговат и Фархад были копилкой опыта, кузницей кадров. Зоркий глаз, чуткая душа, ум, способный к широким обобщениям, видели за ворохом фактов, героических и будничных, возвышенных и прозаично грубых, явления непреходящей ценности, черты будущего. Тогда молодой летами, но опытный партийный работник, писатель и журналист Шараф Рашидович Рашидов, участвуя в стройке, создавал — именно так, потому что картины жизни, образы рождаются в душе гораздо раньше, чем писатель садится за стол, — роман, названный кратко и точно — «Могучая волна». Он показал тружеников тыла, которые по праву стояли в едином,

осененном знамени общей великой победы почетном строю рядом с узбеками-фронтовиками.

Не один отряд проводил в бой Юсупов. Он напоминал им:

— Вы идете в армию не для того, чтобы помаршировать; вы идете, как говорят узбеки, «баш кесишга» — головы рубить врагу, вы идете кровь пускать из него. Некоторые скажут: культурно ли так выражаться? Да, утверждаю, что так культурно, потому что высшая справедливость, подлинная человечность, истинный гуманизм и культура — судьба их зависит от того, сумеем ли мы отрубить голову фашистскому зверю.

Части, сформированные в Узбекистане, защищали столицу СССР — 1753 воина-узбека награждены медалью «За оборону Москвы». В рядах прославленной Панфиловской дивизии сражалось 180 питомцев военного училища имени В. И. Ленина.

В 1941 году в холодном, с заколоченными окнами здании Эрмитажа под председательством академика Орбели проходила научная сессия, посвященная 500-летию великого узбекского поэта Алишера Навои. Вокруг знаменитого хранилища произведений мирового искусства лежали мешки с песком. Сюда тоже долетали фашистские снаряды с Пулковских высот, а там, на передовой, в мерзлом окопе, сын Ферганы Каюм Рахманов, прежде чем пойти в бой, в котором ему суждено было пасть, писал: «Когда фашисты ворвались в Советскую страну, я почувствовал, как задрожала Ферганская долина, и каждый, в ком билось честное сердце узбека, сказал себе: «Иди вперед, останови врага, защити свой дом, свою семью».

Без Москвы, без Ленинграда, без Советской России нет свободного Узбекистана...»

Не сбылись злорадные пророчества той же, к примеру, английской «Дейли мейл», утверждавшей в канун гитлеровского нападения на Советский Союз, что СССР, «состоящий из громадного количества разнородных стран, может рассыпаться на куски при столкновении с военной обстановкой».

«Тяжкий млат, дробя стекло, кует булат...» Юсупов сказал об этом по-своему: «Удар молотка разбивает орех, а меч от ударов делается лучше. Так и дружба наших народов стала за время тяжелых испытаний только прочней».

Впоследствии, оценивая значение победы в Отчетном докладе ЦК X съезду КП(б) Узбекистана, Юсупов подчеркнул как важнейший итог ее то, что «стойкость и организованность, которые проявил узбекский народ в Великой Отечественной войне, являются прямым результатом, замечательными плодами воспитательной работы нашей партии, ее

справедливой национальной политики».

Явление, воплотившееся в миллионах людских поступков — и повседневных, и равных подвигам. Туйчи Эрджигитов, узбекский парень, под Волховом грудью лег на вражеский пулемет, чтоб спасти русских товарищей, чтоб спасти город Ленина. Усман-ата, отец погибшего солдата Умарджана, отправился добровольцем в ту же воинскую часть, стал снайпером. На его счету было пятьдесят три убитых им врага. Легендарный партизанский командир Мамадали Топывалдыев — именем его названа деревня в Белоруссии — возглавлял отряд, в котором сражались бойцы двенадцати национальностей.

Советские годы воспитали этих и многих других узбеков, сделали их интернационалистами, привили чувство гордости за принадлежность к единому советскому народу. Немалая заслуга и политической, воспитательной работы, которую партия осуществляла уже в дни войны. Это и те проверенные жизнью формы, которые общеизвестны, и своеобразные, рожденные местными условиями, основанные на знании народного характера. Инициатива и здесь зачастую принадлежала Усману Юсуповичу. Осенью 1941 года он собрал в ЦК пятьсот стариков и долго беседовал с ними.

— Некоторые удивляются, зачем Юсупов занимается такими вещами. А я организовал это дело вместе с товарищами, потому что это политическая работа. Надо знать, как сильно в нашем народе уважение к старшим по возрасту. Слово этих стариков — среди них есть, между прочим, и члены партии, и члены профсоюза с большим стажем — поможет нам бороться с болтунами, распространителями ложных слухов, со спекулянтами.

Слово старших, пример старших...

В начале войны на древней площади Хадра в Ташкенте выступил перед новобранцами Хасан-ата, седой человек, участник гражданской войны в Узбекистане. На глазах у тысяч юношей, узбеков и русских, вручил он свои боевой клинок сыну, уходившему вместе с товарищами на фронт, и наказал бить без пощады общего врага.

Нередко Юсупов начинал заседание с чтения вот таких писем, приходивших с фронта в ЦК:

«...Самаркандский колхозник Пулаталиев послал в армию двух сыновей и сам стал пулеметчиком. Славный узбекский воин в одном из боев уничтожил 18 гитлеровцев и повел своих товарищей-бойцов в атаку с возгласом: «За Родину!» Пулаталиев первым ворвался в немецкую траншею. Воодушевленные его примером, советские воины различных

национальностей, презирая смерть, устремились вперед».

Время незабываемых подвигов, время безвозвратных потерь. Нередко Юсупов сообщал о гибели товарищей, и все умолкали в скорбных раздумьях, пока он не говорил: «Начнем работу».

То ли по роковому совпадению, то ли как следствие всеобщей, не щадящей никого беды, часто уходили из жизни многие хорошие люди не только на фронте, но и в тылу.

В день своего рождения, 1 марта 1943 года, Юсупов хоронил Юлдаша Ахунбабаева, первого президента Узбекистана и попросту старейшего друга, с кем шли рука об руку десятки лет. В народе, да и в кулуарах Дома правительства его называли «ата», хотя в феврале 1925 года, когда Ахунбабаев был избран председателем Центрального исполнительного комитета только что образованной первым (учредительным) курултаем Узбекской Советской Социалистической Республики, ему шел всего лишь сороковой год от роду. В нынешних семьях у такого отца (а «ата» по-узбекски — отец) даже старшие дети еще учатся в школе. Юлдаш-ата же был всегда отцом и для товарищей, которые работали под его руководством, — свой пост он занимал бессменно со дня избрания до дня в буквальном смысле безвременной кончины (ему было тогда 58 лет), — и для каждого узбека. Так, бывает, в полку и солдат-первогодок, и офицер, у которого посеребрены виски, одинаково тепло и по-доброму называют любимого командира «батя».

Юлдаша Ахунбабаева звали отцом, как зовут того, кому безгранично доверяют, кого по праву считают и опытней и разумней, к кому прибегают за советом, а в трудный час к первому обращаются за помощью с той неизбывной верой, которая отличает детей, на кого надеются, а в минуты неуверенности успокаиваются тем, что есть на свете он.

Все время в этой книге Юлдаш-ата Ахунбабаев присутствует рядом с Усманом Юсуповым во всех его делах и помыслах, удачах и сомнениях, радостях и невзгодах. Если делом жизни Юсупова были народные стройки, то душой народа неизменно пребывал Юлдаш-ата. Не показного демократизма ради — позерство ему, который был плоть от плоти трудового люда, было несвойственно и в помине — катал в Ангрене на строящемся угольном разрезе тачки, неотличимый от запыленных смуглолицых дехкан; на Большом Ферганском, на Северном ташкентском канале мог встать с кетменем в руках рядом с голыми по пояс бронзовотелыми строителями, выполнить за несколько часов дневную норму, и весть об этом облетала с той быстротой, на которую способен разве что одни «узун кулак», всю огромную стройку, восхищая, радуя,

вновь и вновь утверждая людей в счастливом сознании, что вот такая она у нас, воистину народная наша власть!

Всей жизнью своей оправдал Юлдаш Ахунбабаев, бедняк и бедняцкий сын, ту рекомендацию, которую дал ему с трибуны исторического первого курултая Акмаль Икрамов, занимавший в 1925 году пост секретаря ЦК КП(б) Узбекистана:

«...Председатель должен быть таким человеком, чтобы к нему каждый батрак, каждый дехканин мог прийти непосредственно и побеседовать с ним о том, что ему нужно, и чтобы дехкане и батраки верили ему... Поэтому кандидата, который обладал бы всеми этими качествами, мы нашли в сельскохозяйственной области — Фергане. Там мы нашли батрака, не имеющего ни клочка земли... работающего в Маргиланском уезде в союзе «Кошчи», а именно — товарища Ахунбабаева».

Он был живой историей своего народа. Даже рождение его и имя, данное ему, символичны. В начале июля 1885 года отец его, аравасаз (колесник), Ахунбобо шел под палящим солнцем со всей семьей на поклонение гробнице святого Шахимардана. Ойимтилла, жена Ахунбобо, родила ему в пути мальчика. Событие это, увы, не очень обрадовало отца, на попечении у которого был десяток голодных ртов и на всех — крохотный клочок земли — верблюду негде улечься. Над тем, какое дать новорожденному имя, долго не раздумывали: появился на свет в дороге, значит, Юлдаш (спутник). Он и стал с первых самостоятельных шагов спутником новой жизни и борцом за революцию.

В 1916 году участвовал в маргиланском восстании против царя и местных богатеев. «Я проникся глубокой ненавистью к царизму. Я решил поднимать людей на протест».

Его бросили в тюрьму, били, но гнев и решимость бороться только укреплялись в нем. В годы гражданской войны он поднял в бой против басмачей вооруженную дубинками бедноту из кишлака Джай-Базар, где руководил сельсоветом. Потом двадцать два дня вел по известным только ему горным тропам кавалерийский отряд, преследовавший банду Мадамин-бека, и привел красноармейцев в тыл к басмачам.

Год спустя бедняки избрали его председателем союза, защищавшего интересы трудового дехканства, — «Кошчи». Как и Юсупов, он сердцем чувствовал правду, предвосхищал будущее. Еще в 1928 году создал в кишлаке Ертышар сельскохозяйственную артель, названную «Кизил Узбекистан», сам стал ее членом, причем понимать это надо было не как почетное звание: председатель ВЦИК республики каждый свободный день отдавал труду на земле. Артель стала маяком для трудового дехканства,

образцом новой жизни.

Он вел огромную государственную работу, но высоко ставил и личный пример. Впрочем, к тому были и иные побуждения, рожденные в исконно дехканской душе. Отпуск использовал однажды для того, чтобы на двух гектарах каменистой почвы неподалеку от Ташкента посеять хлопок, и доказал, что даже здесь можно снять высокий урожай, но получил и истинное удовлетворение просто как дехканин, радующийся хорошему хлопку.

Юность нового строя, в характере которой неповторимо сочетались трезвая практичность и мечтательная романтика, отобразилась в обоих — в Юсупове и в его старшем по возрасту друге Ахунбабаеве. Как-то в 1928 году председатель ЦИК Узбекистана узнал об изобретателях удивительного аппарата — телефота. Этот предшественник современного телевизора пытались построить в Ташкенте Борис Грабовский, сын опального украинского поэта, и товарищ Бориса Юрий Белянский. По тем временам идея казалась многим если не сумасбродной, то фантастически неосуществимой. Недавний батрак-издольщик, долго не знавший орудия более совершенного, чем кетмень, глава республики принял изобретателей, которые могли представить лишь схемы да горячие рассказы о своем детище, и понял, и поддержал. Ахунбабаев подписал письмо в ВСНХ республики: «Прошу данный проект рассмотреть на техническом совещании в ВСНХ, установить размер необходимых средств на изготовление указанного аппарата».

26 июня 1928 года в Ташкенте состоялась первая в мире полностью электронная передача изображения, но важен для нас сейчас не этот, уже общеизвестный факт, а свет, который он проливает на личность первого узбекского президента.

В лютую зиму 1941 года, в самую тяжелую пору войны, Ахунбабаев во главе делегации узбекского народа повез подарки на Западный фронт: пятьдесят два вагона с фруктами. По-отечески обнял генерала Говорова, который, приветствуя делегацию, сказал:

— От заснеженной Москвы до солнечного Узбекистана — тысячи километров, но они нас не разделяют. Все вы нам очень близки и дороги, так же как и мы вам.

Казалось, совсем недавно это было: Ташкентский вокзал, Юлдаш-ата в круглой шапке с меховой оторочкой, подстриженная бородка, усы колечком...

Мокрый мартовский ветер хлестал в лица тысяч людей, собравшихся на траурный митинг. Юсупов вскинул руку с зажатом в ней фуражкой:

— Он был носителем мудрости, опыта народа. Мы называли его отцом. Прощай, наш ата.

Все мечтал о памятнике Ахунбабаеву в Ташкенте, но жизнь складывалась так, что заняться всерьез конкурсом, проектами не удавалось, а кой-какой ставить не хотелось. Памятник открыли уже после смерти самого Юсупова. Бронзовая фигура на гранитном постаменте возвышается над площадью, где нередко видели председателя ЦИК; гулял пешком, любил посиживать в чайхане со стариками.

Следующим летом, едва Юсупов сам оправился после приступа лабиринтита, нелепо погиб в автомобильной катастрофе Хамид Алимджан, известный поэт, энергичный руководитель Союза писателей, положивший немало сил на то, чтобы принять и устроить эвакуированных из России писателей. Жаль было Хамида, жаль его жену, совсем юную поэтессу Зульфию, темноглазую, с ниспадающими на высокий лоб завитками черных волос.

Как каждый сильный человек, Юсупов знал единственное средство от невзгод и дум о них — работать. Он и работал, несмотря на все тревожные, не лишённые оснований предупреждения врачей, того же А. Л. Каценовича, к которому прислушивался свято, работал неистово, не щадя себя и других. Но справедливо замечено: Все значительное, подвиг в том числе, возникает как результат нечеловеческого напряжения физических, и духовных сил. Работа на износ не изъян в характере, а изначальное свойство таланта и писателя (этот случай понятней; тут всегда вспоминается Бальзак), и политика, партийного руководителя. К тому же Юсупов нередко нагружал себя делами, которыми могли заниматься либо подчиненные, либо другие ведомства и учреждения, помимо ЦК. У него был проверенный, надежный аппарат, но таково уж было свойство юсуповской натуры: столкнется с неразумным указанием, с ошибочным частным решением, с тем, что называется недопониманием поставленных задач — и сам непременно влезет в вопрос, докопается до сути, а потом властью и авторитетом своим примет окончательное решение. То же, к примеру, распределение вездеходов — «газиков», в которых так нуждались все секретари сельских райкомов. В войну, да и в первые годы после нее их считали по пальцам, а во дворе одного из райкомов Юсупов увидел сразу три автомашины: списанный из армии «джип», еще вполне приличную «эмку» и новый «газик». Вскипел по-своему; велел представить сведения о распределении автомашин. «Наколесили вы здесь. Сам займусь». Но и сам, иначе быть не могло, где-то ошибся, дал опять не тому, кто более всех

нуждался.

Другие обиды, без них в большом деле не бывает, забылись. Эта, с автомашинами, — нет. Впрочем, то был не единственный случай, когда ЦК и его первый секретарь принимали на себя несвойственные им функции: сами распределяли не только пресловутые «газики», но и тракторы, и культиваторы, и удобрения, — все, что было в трудную пору на вес золота. На XI съезде Компартии Узбекистана ЦК критиковали за это с трибуны. Прежде услышал Юсупов из уст того же Щербакова упрек еще и в автаркии. Смысл сразу понял, но все же велел отыскать в словарях это редко употребляемое слово. Товарищ, который принес словарь, осторожно посочувствовал: «Какой же вы, дескать, обособленец, Усман Юсупович?»

Он нахмурил брови, оборвал:

— Партия нас критикует за дело. Надо слушать и исправляться.

Многое переоценил, понял еще до XI съезда. Не искал себе оправданий, хотя мог бы сослаться на то, что в тяжкий и ответственный период попросту не было вопросов и дел, которые бы не имели отношения к политике, а значит, к ЦК. Мог бы напомнить и о другом: сколько раз, когда надо было принять рискованное решение, чреватое весьма и весьма серьезными неприятностями, он, Юсупов, а не кто другой, не человек, не коллективный орган, брал ответственность на себя. С тем же военным хлебом хотя бы. Его тогда всего-навсего отчитали, а попадись он под горячую руку, да еще самому...

Он сделал выводы — не случайно же все факты, которые приводились на съезде, относились к 1941–1946 годам. Но на критику не сетовал ни тогда, ни после. Готов был, если заслужил, понести любое наказание. Кстати, еще одна юсуповская черта: когда приезжали проверочные комиссии, требовал, чтобы им показывали все как есть, ничего не скрывая, не лакируя. Был случай, человек, не очень долго проработавший в ЦК, доложил не без довольства собой, как ловко составил он сводку для Центра: и все — правда, и не заметны изъяны.

— Оставьте, — сухо сказал Юсупов, изучил документы, а час спустя позвонил в отдел и сказал товарищу, что ему лучше уйти на практическую работу (тот был агрономом). Объяснил все же: — Партия стояла и стоит на правде.

Ради этой святой правды мог и брата родного не пощадить. Понимать это следует не фигурально.

Брат его, Исан Юсупов, всю жизнь прожил в том же Янгиюле, бывшем селении Каунчи, и неподалеку от него — в Чиназе и Шуралисае. Трудился сперва так же, как Усман и Назира, на том же хлопкоочистительном заводе;

вступил в партию, его избрали секретарем заводской организации, потом был председателем райисполкома, а в годы войны — секретарем Янгиюльского райкома партии. Усман Юсупович роли в этом выдвижении, однако, не сыграл. Может, сыграла роль общая фамилия, но тут уж он был ни при чем. Случалось, Усман Юсупович помогал устроиться, рекомендовал на хорошую должность людей, которых знал. Исан — не в счет, а он боготворил старшего брата и — едва ли не первый признак заурядности — пытался подражать ему. Но в отличие от Усмана, вспыхнув, не в состоянии был мгновенно остановиться, трезво взвесить обстоятельства, даже прощения попросить, коль оказался виновен перед кем бы то ни было. Исан надувался, как капризный ребенок, стоял упрямо на своем. Юсуповская решительность в нем обернулась самоуправством. Он научился требовать по-юсуповски, чтоб делалось дело. Он, казалось бы, тоже по-юсуповски не щадил себя: пропадал в полях с утра до ночи, знал только работу; прыгал, сутулый, небрежно одетый, с грядки на грядку, сам ковырялся в земле. Казалось бы, так же вел себя иногда и Усман, даже будучи секретарем ЦК. Но только со стороны это выглядело похоже. В том же Янгиюльском райкоме Усман мог в течение часа терпеливо, с непроницаемым лицом выслушивать доклад о положении дел в каждом из восьмидесяти колхозов, о том, какие и когда даны указания для исправления упущений и недостатков. Выходил, отправлялся надолго в поля, а затем секретари узнавали, что Юсупов проверял правильность каждого из этих указаний и то, как выполнялись они. Как вывод — хвалил («Продолжайте так же») или ругал («Плохо работаете: не слушают вас на местах. Формально указания даете, без знания дел») и приводил факты, красноречивей которых не найти. Он руководил партийным комитетом, Исан подменял собой звеньевое. Вытаскивал на свет божий, корил, кипел, грозил. Заботы о мелочах, об авторитете, а понимал он его как мгновенное и безусловное повиновение со стороны кого бы то ни было, поглощали все его дни, годы. Душу точило сознание, что вот не слушаются, обманывают его, Исана, даже в колхозе, которым он поставлен руководить, а Усману подчиняются беспрекословно все наркомы. Злился, командовал, нередко невпопад.

Многое от Юсупова скрывали, щадя его, но он не прощал случаев, подобных тому, когда Исан сорвал с распределителя на плотине замок и пустил воду, которая шла в Чиназ, к себе, на полив янгиюльских полей, а товарищ из ЦК, приехавший проверять жалобу чиназцев, рассудил, что лучше, дескать, замять дело, в котором замешан юсуповский брат.

— Какой ты уполномоченный партии? — в сердцах оказал Юсупов. —

Тебя в шею гнать надо!

Руководителем райкома Исан был слабым, и Юсупов послал к нему вторым проверенного человека Николая Сидоровича Стройчука. Нередко ночью Николая Сидоровича будил звонок.

— Х-х, х-х!.. — слышалось знакомое придыхание в трубке, и дальше: — Здравствуй! Что у вас за семейные отношения с Юсуповым? Почему вы его покрываете? У него аппетит разгорелся, директора МТС избить хочет. Так вот: на бюро пусть вызывает, но безо всяких этих угроз: «Я тебя судить буду».

После первой же районной конференции Стройчук сменил Исана на посту первого секретаря.

Исан страдал вдвойне. Он очень дорожил мнением брата о себе, и, когда Юсупов, навестив мать, приглашал и Исана, тот был счастлив и радостно сообщал всем: «Помирились».

Айимниси жила все в том же старом домике на полдороге между Янгиюлем и сахарным заводом. «Ая» — так называл ее и Юсупов, и все близкие — до глубокой старости трудилась. Была она искуснейшей вышивальщицей. В тяжкие годы жизни в Каптархоне ремесло ее единственно и спасало семью от голодной смерти. Сейчас вышивала тесьму для невесток, тюбетейки для внуков и внучек. Нет-нет к ней заезжали старшие из них, иногда жили подолгу, учась у нее певучему, образному народному языку; в городе такого не услышишь. Усман Юсупович, как все мы, был убежден, что вкуснее матери никто не готовит. В минуты усталости душевной, находил прибежище у нее. Сидел на айване, слушал неторопливые старушкины речи. Была ая не очень грамотна, но в жизни разбиралась, да и сама была к свое время активисткой: в родную Каптархону ездила агитировать женщин, чтоб сбросили паранджу.

— Мать для каждого из нас — святой человек, — Юсупов относил это ко всем матерям на свете. Виктор Орда — шоферская профессия никогда не склоняла его к сентиментальности — и сейчас рассказывает прерывающимся голосом о том, как в войну, если случалось ехать поездом в Москву, Усман Юсупович распоряжался, чтобы ко времени приезда в Оренбург — там жила мать Виктора — уже был накрыт стол. Он сам приглашал Дарью Федоровну в вагон, сидел вместе с ней за чаем, расспрашивал о жите-бытье. Не забывал сказать помощнику:

— Позвоните в обком. Пусть пришлют дежурную машину, отвезут старушку домой.

Последнее желание аи было, чтоб похоронили по-новому, в гробу.

Умерла она в пятидесятые годы. Была свидетельницей и славы старшего, и той поры его жизни, когда он, уже немолодой человек, больше всего нуждался в слове матери: не по существу своих переживаний и нелегких дум — утешать себя не позволял даже ей, а в материнских речах, ничего особенно не значащих: о том, какой уродился нынче сочный виноград, о пользе гранатового сока, выпитого натошак (у Юсупова нашли диабет). Она была мастерица на вещи, согревающие душу.

Всегда уезжал от нее просветленный, готовый вновь окунуться в дела, планы.

В ту пору, когда переизбрали Исана, мысли Юсупова были устремлены в близкое будущее, хотя еще шли бои и еще не вся советская территория была освобождена от врага. Республика жила уже не только войной, но и заботами мирного времени. Строили электростанции, была заложена Ангренская ТЭЦ на угле, Алмалыкский свинцово-цинковый комбинат, суперфосфатные заводы в Самарканде и Коканде. Ясно было, что вступят в строй они через несколько лет, а значит — уже после победы, в которой никто не сомневался.

— Думайте о том, как военные заводы будут работать на хлопководство, — напоминал ответственным работникам Юсупов. И уже составлялись новые производственные планы, технические задания для Ташсельмаша, который вместо мин должен был выпускать, как только появится хорошая конструкция, хлопкоуборочные комбайны; для Узбексельмаша (вместо речных и якорных мин — сеялки); для Узбекхиммаша (не минометы, а химическое оборудование); для экскаваторного (не авиабомбы, а свои родные машины); для Ростсельмаша (он станет Текстильмашем, крупнейшим предприятием такого рода в стране); для каждого из 270 эвакуированных и 150 собственных крупных предприятий.

Думая о близком будущем, говорил, что у людей появится потребность в веселье, а кроме того:

— Ты пойми: Халима или Кары Якубов... Такие же не каждый день рождаются. Надо сохранить их голоса для внуков.

Нашел время, созвонился с Москвой, с наркоматом, послал уполномоченного в Подольск: может, найдутся прессы. Там действительно обнаружили два прессы на свалке машиностроительного завода. Их привезли в Ташкент. Здесь установили в глиняной временке, и вскоре на заседании бюро ЦК слушали первые пластинки: гимны Советского Союза и Узбекской ССР.

В Алмалыке проектировали мебельную фабрику, и Юсупов предложил

предусмотреть производство пианино. Придет время, осуществится и эта мечта, одна из многих.

Очень хотелось ему, чтоб было много необычных цветов, хорошей музыки, песен. Первое, что сказал, когда Володя Варламов сообщил о победе:

— Ну теперь заживет народ. Заслужили.

Они ехали поездом в Андижан. Варламов вскочил в купе, не дождавшись разрешения Юсупова.

— Ты правильно понял? — все же переспросил Юсупов.

С ближайшей станции вызвали самолет и вылетели в Ташкент.

В день Парада Победы он был в столице. Остановились с Юлией Леонидовной в гостинице «Москва». Окна 110-го номера смотрели на Манежную площадь, по-праздничному убранную, веселую. Дождь начал накрапывать в начале парада, затем хлынул ливень, но радостно возбужденные люди ничуть этим не были огорчены. Маршалов и офицеров в красивых парадных мундирах вносили в гостиницу на руках с ликующими возгласами.

Он жил на третьем этаже и, несмотря на одышку, лифтом не пользовался. Стоял на лестнице, опершись на перила, хлопал в ладоши, высоко воздев руки. Два бойких московских подростка, умудрившиеся проникнуть в широкий гостиничный вестибюль, счастливые в своей ребячьей гордости от того, что узнавали в лицо многих видных военных и героев, заметили его, и один спросил у другого, кто это: в кителе без погон, но изрядно украшенном наградами. Потом начали спорить; до Юсупова долетело, что у него же на груди нет ни одного боевого ордена.

Он сказал об этом Юлии Леонидовне, и оба они по-доброму посмотрели на подростков.

Вечером они пошли пешком на праздничный банкет в Кремль. Город, мир был светел и чист. По улице Горького сновали толпы пьяных от счастья людей. Гремел салют, рассыпались разноцветные звезды фейерверка.

У Боровицких ворот Юсупов расстался с помощниками и шофером, которые провожали его и жену.

— Приду — расскажу, — пообещал на прощание.

Он и впрямь поднял их всех уже перед рассветом. Сообщил, не скрывая гордости, что вот и его наградили военным орденом Отечественной войны 1-й степени. Стал рассказывать о банкете («Стоило на свет родиться, чтоб пережить одни такой вечер»), о речи Сталина. Повторил несколько раз особо врезавшееся в память: «Победителей можно и должно судить».

Вскоре он ощутил на себе, что означают эти слова.

Еще одним делом его жизни была железная дорога Чарджоу — Кунград.

Началось, как всегда, с мечты. В Хорезм и Каракалпакию, расположенные на Амударье в ее северном течении, вплоть до Аральского моря добираться приходилось самолетами от Ташкента, либо пароходом с юга от туркменского города Чарджоу, где великую азиатскую реку пересекала железная дорога, уходящая на запад, к Каспию.

Юсупов испытал и тот и другой способ передвижения. Самолет, неуклюжий на сегодняшний взгляд биплан, бесконечно долго преодолевал желтую пустыню Кызылкум, раскинувшуюся на тысячи километров между Сырдарьей и Амударьей. Пароходики же, сменившие прописку волжские ветераны с широченными плицами на огромных колесах, еле-еле ползли вниз к Аралу, а обратно к Чарджоу, против течения, двигались, совсем уж изнемогая; к тому же фарватер на капризной реке менялся, и бедные «Налим» и «Язь» то и дело застревали на возникшей в течение какого-то часа обширнейшей мели.

— «Язь!», «Язь»! — кричали с берега. — Ты не видел, где «Налим»? Третьи сутки не идет.

— Черт его сыщет! Сидит за седьмым перекатом.

Беда была в том, что на слабые плечи этих пароходиков ложилась вся тяжесть перевозки грузов в обширный край с древней культурой земледелия, в Хорезм, известный некогда всему миру, но захиревший из-за варварства кочевников. С приходом Советской власти началось возрождение Хорезма. Тормозом, неодолимым препятствием была оторванность от Большой земли. Если упомянутый «Налим» застревал на мели, то сеялки и культиваторы поспевали на места к той поре, когда надо было убирать урожай. Да и собранный с плодороднейших земель хлопок лежал, бывало, годами в бунтах (в Ургенче однажды нашли бунт, которому исполнилось 15 лет!). Пытались вывозить хлопок на самолетах Ли-2, хотя бы до Чарджоу, а уж оттуда — в вагонах. Но подсчитали расходы и лишний раз убедились, как справедлива пословица: «За морем телушка полушка, да рубль перевоз».

На пристани в Чарджоу ржавели годами машины, предназначенные для заводиков, имевшихся в Ургенче и Турткуле.

Очень нужен был железный путь через барханы вдоль Амударьи от знаменитого Чарджоуского моста до устья Арала. Юсупов, используя удачный момент, напомнил о нем Сталину. И вот летом 1947 года сбылось:

было принято постановление Совета Министров СССР о строительстве железнодорожной линии Чарджоу — Ташсака.

Бюро ЦК ВКП(б) поручило руководить строительством Гани Ходжаевичу Ходжаеву, сероглазому, с густой черной шевелюрой, едва тронутой сединой. Железнодорожник по призванию, отдавший транспорту всю жизнь, Ходжаев всей душой разделял мечты и планы о пути из Чарджоу в Каракалпакию. За спиной у него был опыт не только эксплуатации, но и строительства дорог. Всю войну был он бессменным начальником Ташкентской железной дороги, имевшей самое непосредственное отношение к фронту, особенно в период боев на Кавказе. Человек он был изобретательный и решительный. В самом начале войны схлопотал два выговора подряд; нужно было дать уголь из Ангрена Ташкенту — для котельных того же Ростсельмаша, для холодных бараков, а рельсы, чтоб построить ветку на Ангрэн, взять было неоткуда; тогда Ходжаев на свои страх и риск приказал разобрать вторые пути на линии Коканд — Наманган, имевшей менее важное значение. За то и был наказан, хотя неофициально ему говорили — молодец, дал городу уголь.

Вскоре Ходжаева вызнали в Москву к начальнику тыла Красной Армии Андрею Васильевичу Хрулеву.

— На Кавказе обстановка трудная. Мы обязаны обеспечить фронт всем необходимым. Есть решение ГКО: в кратчайший срок построить вторые пути от Джизака до Самарканда.

Ходжаев возразил было, и не без оснований: можно, дескать, снова не пожалеть себя, но что делать с девятикилометровой петлей у «Ворот Тамерлана», где без техники проход в скалах для второго пути не пробить?

Разговор этот был продолжен у Андрея Андреевича Андреева, секретаря ЦК ВКП(б), ведавшего транспортом. Впрочем, «продолжен» — не то слово. Разговор был коротким:

— ГКО обязывает вас, значит, постройте и еще в более сжатые сроки, чем предусмотрено.

Построить невозможно было, но выход был найден. На перегоне была применена — наверное, впервые в мировой практике — живая сигнализация: на каждом километре, значит, в пределах простой видимости, был поставлен путеец с флажками и фонарем. Движение было пакетным: восемь поездов на перегоне (12 километров) вместо положенного одного. Поезда почти непрерывной цепью (едва сигнальщик покажет «путь свободен») шли на Самарканд, и там уже ожидали их готовые паровозы, и дальше, уже не опасаясь встречных, потому что путь был двухколейным, они пулей летели к Каспию.

Были и другие находки, о которых нынче рассказывают с улыбкой как о военной хитрости. Вот одна из них. Немцы не давали пройти по Каспию в Гурьев на перерабатывающий завод и обратно в Красноводск танкерам. Тогда железнодорожники (Ходжаев в этом сыграл не последнюю роль) решили опускать в море цистерны, наполненные на две трети нефтью, до Гурьева и обратно их таскали катера — неинтересная цель для вражеских самолетов, а покатые спины цистерн едва видны из воды.

Начинал службу Ходжаев на малых станциях, к тридцати годам был уже начальником Андижанского отделения. В 1939 году начальник Ташкентской дороги Владимир Алексеевич Ухтомский (сын знаменитого на всю Россию машиниста) взял его к себе заместителем.

Шестым чувством определял Юсупов талантливых людей. Гани Ходжаевич и не подозревал, что первый секретарь ЦК слышал о нем, а тот, и не в писаном докладе, а в беседе с городским партактивом, назвал его фамилию и похвалил за работу.

В начале войны Ухтомского перевели на Горьковскую дорогу, а Ходжаева назначили начальником Ташкентской. Ему было 35 лет. Он был уже избран членом ЦК, а вскоре — членом бюро ЦК КП(б) Узбекистана. Таков вкратце путь этого человека, одного из многих, без которых, как говорил Юсупов, он сам ничего не значил.

Любил Ходжаева, помимо всего, за волю, неутомимость, готовность отдать всего себя делу. Дважды проехал Юсупов на «газике» вместе с Ходжаевым и главным инженером проекта Иваном Ивановичем Скубием всю 410-километровую трассу. Машина то и дело застревала в зыбких песках. Если не удавалось быстро вытащить ее, а неподалеку было селение, отправлялись туда пешком. Проводили собрания партийных активов даже в колхозах (в городах и поселках — Хозараспсе, Ургенче, Турткуле — само собой, но эти, попутные, были не запланированы). Речь шла о том, как поднимать народ на стройку. К слову, агитировать долго не приходилось. Весь Амударьинский край так давно хотел увидеть эту дорогу.

И началось... Почти сто тысяч человек с лошадьми, арбами, с кетменями и кирками вышли на работу. Туркменские колхозы прислали верблюдов. За сорок дней было отсыпано полотно от Чарджоу до Хозараспса — пять миллионов кубометров земли переворочено!

То был еще один подвиг. Поколения мечтали о дороге (сперва даже не железной, а пусть такой, по которой арба пройдет в любую погоду), партия сказала — дорога будет. Потому-то и были оставлены позади трудности, в ином случае показавшиеся бы непреодолимыми.

Кратко, чтоб только представить хоть приблизительно, что это было.

На солнце 75 градусов (а тени не сыщешь). Посеревшее от зноя небо, бледно-желтый песок. Люди в ватной одежде и лохматых шапках, надвинутых на самые глаза, им не позволяли пить сырую воду и не разрешали умываться. Не только экономии ради. Стоило выпить стакан холодной воды, ополоснуть лицо и шею, как возникала неутолимая жажда. Все время кипятили в жестяных самоварах чай; его пили маленькими глотками.

Ходжаев был неотличим от строителей. Чумазый, с запавшими глазами. Как-то шоферы, те, что прежде умудрялись гонять машины по пескам, разговорились при нем в крохотной столовой у пристани Питняк.

— Конец лафе, братва. Раньше рейс туда-сюда, и, считай, четыре тысячи в кармане. Теперь сволочь Ходжаев калым начисто отнимет.

Ходжаев поддакнул, спросил, правда, каково было тем колхозам, с кого тысячи эти драли, но тут подошел его шофер и назвал генералом (он был генералом движения).

Бражка так и осталась с открытыми ртами. «Как в кино!» — рассказывал Ходжаев.

Из этих сорока дней двадцать с ними вместе был Юсупов. Был счастлив, горел, когда видел хорошую работу. Когда насыпь была готова, оставили на трассе 17 тысяч человек и путеукладчик. Остальных отправили по домам. (И тут не обошлось без анекдотичных случаев; иного степняка силой заталкивали в самолет.)

Тревога все же не оставляла Юсупова. Виды на урожай в тех краях были тогда никудышные: весна выдалась затяжная, хлопчатник не сумел развиваться: три-четыре коробочки на кусте. Но все же... Оторвал своей властью колхозников от полей в самое жаркое время.

Убрали все до пушинки. Иные руководители из молодых, очень переживавших, что вот в самом начале самостоятельной работы такая неудача, заставляли подчиненных едва ли не из одеял вытряхивать вату. Когда подвели невеселый итог, оказалось, что республика недодала 365 тысяч тонн хлопка. Юсупов прекрасно понимал, что никакие причины: ни роковой холодный апрель, ни дожди, затянувшиеся до середины июня (во многих районах хлопчатник пришлось пересевать дважды, а то и трижды; в мокром грунте при низкой температуре семена не прорастали, а гнили), во внимание приняты не будут. Не сошлешься и на нехватку бензина и керосина, из-за чего простаивала техника. А вот строительство, развернутое в горячую сельскохозяйственную пору, пусть далеко от главных хлопкосеющих областей, ему припомнят и будут правы, хотя он виноват и не виноват.

Ехал в Москву по вызову на Политбюро, надеясь, что примут во внимание то огромное, что было сделано Узбекистаном в годы войны, от которых отошли едва на шаг. Республика же и после победы не замыкалась в кругу только своих забот. На Украину, в Краснодарский и Ставропольский края отправили в помощь разрушенным колхозам две тысячи тракторов и автомобилей, сотни паровозов, несколько тысяч отремонтированных вагонов, восемь тысяч лошадей, 170 тысяч овец и коз. Сотни добровольцев восстанавливали Сталинград, Донбасс...

— Кто дал вам право забросить хлопок? Стране хлопок крайне необходим, — сказали ему.

Он слышал многое такое, от чего он, умевший настраивать себя не на похвалу, а прежде всего на критику, пришел с заседания, затянувшегося за полночь, мокрый. Это в 25-градусный московский мороз!

Ему и председателю Совнаркома республики Абдурахманову объявили по выговору. Но суть не во взыскании. Он все думал, где была допущена ошибка; не позволял ни себе, ни другим (помощники Попов, Кудрин хорошо это знали и потому сочувствовали молча) находить оправдания, хотя ему, как каждому человеку, которого корят за упущения, сделать это было нетрудно.

— Партия нас критикует за дело и для того, чтобы мы работали лучше, — фраза эта была для Юсупова наполнена живым смыслом.

Был он, разумеется, подавлен, мрачен, возможно, полон невеселых размышлений о будущем — своем, а не республики; на этот счет сомнений не было. Соберутся умные головы, агрономы, ирригаторы, хозяйственники. Найдут выход, чтоб был хлопок. Да и год на год не приходится. Холодная, долгая весна в Узбекистане исключение. Но никому никогда Юсупов не признавался ни в слабостях своих, ни в сомнениях. Достоверно известно только то, что на другой день он был приглашен на дачу ЦК и там Сталин поднял за него тост:

— Тебя обсудили, наказали, но ты талантливый человек, самородок, большой друг своего народа. Мы в тебя верим.

Еще достоверней другое. Юсупов упорно искал, как избавиться наконец от рокового зависимости, от того, что называется капризами природы. Народ его знал до поры единственное средство — надежду на бога. «Худо холаса» — «Коль богу будет угодно», — добавлялось к каждой фразе, в которой речь шла о будущем. Теперь надеялись на водохранилища и каналы, которые могли напоить поля в самый засушливый год. На ту самую железную дорогу, по которой можно завезти в Хорезм технику, а из Хорезма и Каракалпакии вывезти хлопок: десятки тысяч тонн ежегодно,

даже в ту пору. Уверенность в урожае придавала агротехника, новые сорта хлопчатника, удобрения, машины.

Но если вновь заморозки, дожди?

И здесь имелся выход, Юсупов знал о нем и сам, и от специалистов. В детстве слышал предания и песни о Карши, об обширнейшем крае, раскинувшемся к юго-востоку от Бухары. Плодороднейшие земли, захиревшие, одичавшие при эмире и беках, равнодушных к тому, что иссушаются, пропадают реки: и Аксу, и Кашкадарья, и Танхоз, и Лянгар, — Карши, Карши... Эта степь, по подсчетам знатоков, может давать более миллиона тонн хлопка в год. Но не менее важно и то, что климат (или, точнее, микроклимат) здесь, на юге республики, иной. Нередко в самаркандских краях идут весенние дожди, а в Карши и соседнем Сурхане по-летнему тепло и сухо. Каршинской степи самой судьбой было предназначено стать надежнейшим резервом для узбекского хлопководства.

Ташкентские ученые во главе с тем же Б. Д. Коржавиным подготовили вскоре после войны обстоятельный доклад о возрождении Каршинской степи. Предприятие это оказалось дорогостоящим и сложным, но иначе нельзя было. Прежде всего нужно было построить уникальнейшее, дерзкое по замыслу сооружение — 165-километровый канал с гигантскими насосными станциями (рельеф местности таков, что иначе, то есть самотеком, подать амударьинскую воду в русло невозможно).

Борис Дмитриевич докладывал об этом в присутствии Юсупова, разумеется, на одном из заседаний Совета Министров СССР. Ждали этого заседания долго, загодя представили все необходимые бумаги, касающиеся не только Каршинской степи, но и перспектив хлопководства в республике вообще. Юсупов изнемогал в Москве от вынужденного безделья; сидел у себя в номере у телефона, стучал по неизбывной привычке ногой по гостиничному выцветшему ковру. Кончалась неделя. По извечной иронии судьбы звонок раздался тогда, когда он позволил себе зайти в кинозал «Метрополя».

— Товарища Юсупова к выходу!

Его вызывал Сталин.

Вернулся довольный. Сталин интересовался хлопком, расспрашивал подробно о селекции, о механизации. Юсупов рассказал о сортах, выведенных академиком Канашем, урожайных, но созревающих очень поздно, о знаменитом «108-Ф» — детище Румшевича, оправдавшем надежды хлопкоробов. Говорили и о машинах для уборки урожая. Ясно же было, что миллионы тонн — а планировалось увеличить сбор в два, в два с половиной раза — руками не собрать даже с помощью привыкших к

«хлопковому семестру» студентов и горожан. В Ташкенте уже работало конструкторское бюро по хлопкоуборочным машинам, были даже созданы опытные образцы, еще неуклюжие и малопроизводительные, как все первое.

О перспективах орошения Сталин предложил доложить Совмину.

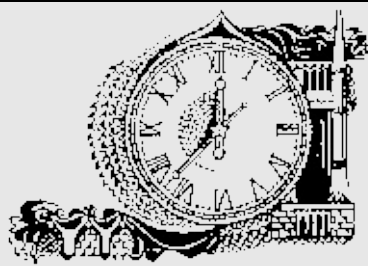
Слушали Коржавина — он ко всему прочему мог еще и по-профессорски увлечь аудиторию — с интересом. Тем искреннее сожалели о том, что стране, еще не оправившейся после страшной войны, поднять всю степь пока не под силу: не хватает денег и техники.

Но работы, и немалые, начались. В пятидесятые годы был восстановлен древний канал Эскиангар, подпитывающий Кашкадарью зеравшанской водой, были построены обширные водохранилища: Чимкурганское емкостью пятьсот миллионов кубометров и Пачкамарское, вмещающее 280 миллионов кубометров воды. Восемьдесят тысяч гектаров было возвращено к жизни.

И снова: придет день, и Каршинскую степь пересечет тот самый 165-километровый канал с каскадом насосных станций, 18-метровой высоты агрегаты с лопастями, размах которых превышает 2,5 метра, станут подавать каждую секунду сорок кубометров амударьинской воды на высоту двадцать четыре метра.

Так осуществится полное освоение Каршинской степи. Новые земли будут давать пятьсот тысяч тонн хлопка.

Доклад Коржавина, речи Юсупова открыли перспективу. В этом — суть и самого дела, и характера людей, которые загорелись им и сумели многих убедить в увлечь.

8

В МОСКВЕ

20 марта в день рождения Юлии Леонидовны, над Ташкентом бушевала весенняя гроза, с громом, бледными молниями, проливным дождем. Юлия Леонидовна, верная своему характеру, не выражала вслух то, о чем сказала с детской непосредственностью и верой в чудеса одиннадцатилетняя Инна:

— Папа обязательно прилетит, вот увидишь.

И он явился: шагнул прямо к праздничному столу в мокрой кожанке, широкий и широко улыбающийся, с прутиками приобретенной в Москве кавказской мимозы в руках.

Время его, как время всех подвижников, ему не принадлежало. Но он сумел создать в доме традиции, возмещавшие многое. Эта была одна, которой он придерживался свято: в день рождения жены быть с нею.

Собственный юбилей его, 50-летие со дня рождения, отмечали всего лишь по-семейному. Жена и дети преподнесли ему альбом со снимками, на которых был он. Владик, Инна, Фаина постарались расположить фотографии так, чтобы они отображали, веха за вехой, путь отца. Было приложено и письмо на память. В иных случаях говорят — адрес, но официальный термин этот здесь неуместен, хотя в письме были и фразы, звучащие не по-домашнему. Но иначе обращаться к нему в этом случае нельзя было: такой уж дан был этой семье муж, друг и отец. По отношению к нему естественно звучали слова, которые в ином случае показались бы выпенными.

«Пятьдесят лет — полдень твоей жизни. И к светлому своему полдню ты пришел не с пустыми руками. Во все победные дела любимого народа ты вкладывал свое сердце революционера-большевика.

Ты был всегда в первых рядах борцов за социалистический

Узбекистан, борцов за счастливую жизнь.

Мы гордимся тем, что твое имя в народе произносят с глубокой любовью и уважением, и мы, твои близкие, учимся у тебя, как надо служить народу.

Мы учимся, и будем учиться у тебя трудолюбию, скромности, чуткости, твердости духа. Мы хотим так же неукоснительно трудиться на благо Отчизны, как трудишься ты...»

Самые близкие товарищи по работе, сотрудники аппарата ЦК, поздравили его тепло и искренне, но без традиционных корзин с цветами и адресов в сафьяновых папках. Зашли в перерыв к нему в кабинет члены бюро, представители партийной организации ЦК — неизменный помощник и друг Владимир Иванович Попов и Гани Ходжаевич Игамбердыев; кто-то произнес короткую речь; пожали ладонь Усману Юсуповичу и вышли.

Не было ни торжественных заседаний, ни банкета.

Все могло бы состояться, но знали, как отнесется Юсупов даже к намеку на пышный юбилей.

Указом Президиума Верховного Совета СССР его наградили орденом Ленина. То был шестой орден Ленина, заслуженный Юсуповым.

Не случайно Сталин обстоятельней, чем когда бы то ни было, расспрашивал его о делах и перспективах в хлопководстве. Мысль эта пришла Юсупову в голову, когда он приехал на митинг на Фархадскую ГЭС. Уже давали ток два агрегата. На станции проходили большие торжества в связи с 25-летием республики. Юсупов воздал хвалу и славу всем, кто строил замечательное сооружение и одновременно строил, как он выразился, себя. Тысячи людей пришли на Фархад не очень грамотными; знали единственное орудие — кетмень. Здесь они стали прекрасными мастерами: сварщиками, арматурщиками, бетонщиками, электриками. «Вот, — говорил Юсупов, — наш главный итог наряду с током, который бежит сейчас по мощным проводам от турбин к городам и колхозам».

Жаль, что речь эта, как множество других выступлений Юсупова, не стенографировалась, а магнитофонные записи тогда еще только-только входили в обычай. Дома у Юсупова, правда, уже был трофейный аппарат, подаренный кем-то из военачальников, едва ли не самим маршалом Жуковым, и переданным через товарищей, ездивших в Германию, чтоб получить оборудование, выделенное Узбекистану из того, что было взято как возмещение Советскому Союзу за причиненные воином убытки. (Ничтожная, в общем-то, доля от ущерба, если вспомнить сожженную Белоруссию и разграбленную Украину.)

Впрочем, то, что речи не записывались, способствовало раскованности. Юсупов в таких случаях говорил не только свободней, но и ярче, образней, чем с официальных трибун; позволял себе вполне в народном стиле и солоноватую шутку, и намек, который не для ушей классных дам, особенно если выступал перед такой, как сейчас, аудиторией: сплошь работяги. Грубоватым и добродушным хохотом откликнулись они, когда Юсупов, лукаво сощурившись, отчего глаза его на миг исчезли совсем, бросил, что вот, дескать, поток Ширинсай (Ширин — имя легендарной красавицы) попал ныне в надежные объятия к Фархаду. Не вырвется!

Смеялся и видный партийный деятель, прибывший из Москвы на праздник. Он-то и обронил, как бы между прочим, когда после осмотра блестящего кафелем машинного зала они вышли на верх плотины и с извечно присущей людям заинтересованностью смотрели на падающую с шумом воду, что вот, мол, наверное, станем мы вскоре соседями.

Юсупова мучила жажда. Он полагал, из-за того, что долго говорил, но после митинга уже выпил чайник зеленого чая, а во рту было сухо вновь, и голова кружилась, и в затылке ныло. Он, пренебрегающий, как это принято у людей из народа, тем, что называется прислушиваться к себе, к своему организму, все же отметил это, и видный работник, не дождавшись реакции на свой намек, тоже обратил внимание на то, что вид у Усмана Юсуповича нездоровый.

Домашние вызвали к нему врача. Вскоре был поставлен неприятный диагноз — диабет.

В клинику он не лег. Подлечился медикаментами, почувствовал себя лучше и уже усмехался по поводу болезни, огорчая Юлию Леонидовну своей беспечностью. Нет-нет появлялся в шутках Юсупова, которые он позволял себе в семенном кругу, оттенок грусти, когда он говорил, что вот, мол, скоро поменяет воду, может, она окажется целебней.

Его ждало назначение на почетный всесоюзного ранга пост — министра хлопководства СССР. Он узнал, конечно, об этом гораздо раньше, чем был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР. Хлопок был его родным делом, и все же...

Родные, близкие товарищи, люди, бывшие рядом с Юсуповым в том его юбилейном году, вспоминают, не вдаваясь в исследования, что был он спокоен и сдержан, как генерал, получивший приказ и не привыкший к обсуждению.

Кто-то заметил однажды, явно желая доставить приятное ему, что вот, дескать, будете жить теперь в переулке Грановского, рядом с Манежем, с

Кремлем. Он, соглашаясь, кивнул большой своей головой:

— Там мне свободно гулять будет. Здесь, в степи, чабан встретится: «Здравствуйте, Усман-ака». Остановиться надо, поговорить.

В Ташкенте, да что в Ташкенте — в Узбекистане! — не было человека, который не знал бы Юсупова в лицо. В Успенском же, где ему предоставили обширную дачу (сам Сталин распорядился: «У него семья большая, пусть займет»), Владимир Иванович Попов спросил у встречного, еще нестарого, интеллигентного с виду мужчины, где живет Юсупов, и услышал, что, дескать, в Париже. Ироничный интеллигент имел, разумеется, в виду бывшего князя Феликса Юсупова. Попов рассказал об этом как об анекдоте и не сразу понял, почему Юсупов помрачнел.

Что ж, он был не лишен честолюбия, но понимал его по-своему: его не радовал шепоток, который пробежал по рядам в Большом зале Совета Министров СССР, когда он впервые появился за столом президиума:

— Это и есть Юсупов?

— Где?

— Слева от заместителя, третий...

Но он действительно был очень доволен, если даже в далеком Хорезме его, запыленного, в стоптанных сапогах и рыжем малахае, безошибочно узнавали, где бы он ни появился.

В Москву на работу в новое министерство он пригласил с собой тех, кого, не боясь высокого слова, хочется назвать сподвижниками его: Аскоченского, Ефимова, Попова, Кудрина, Голубеву, Чуфистова, Бакулина, Саркисова. Назначение министерства было ясно — расширять и совершенствовать хлопководство не только в Узбекистане — главном производителе той ценнейшей культуры, о которой без особого преувеличения еще в начале нашего века говорили: «хлопок правит миром», но и во всем Союзе, и тех республиках, где он может произрастать.

Юсупову со свойственной ему нетерпеливостью хотелось, чтоб это назначение оправдывалось сразу же, но не все ладилось. Надо было устанавливать связи на уровне ином, нежели тот, к которому он привык, да и сложности возникали особого рода: в Узбекистане сама личность Юсупова («Усман Юсупович подписал», «Сам Усман-ака сказал») сообщала дополнительный вес любому указанию. В стране его, понятно, знали и уважали, но то же можно сказать и о любом другом из союзных министров. Необходима была поддержка со стороны Председателя Совета Министров. Понятно, для Юсупова не было новостью, сколь сложно войти к нему со своими вопросами, но он не предполагал, что ждать придется месяцами. Более неотложные дела отодвигали, к примеру, решение вопроса

об опытных посевах хлопка в засушливых районах Украины, о расширении плантаций в Закавказье, где к выращиванию трудоемкой культуры кое-кто относился, мягко говоря, без энтузиазма. Среди этих неотложных дел были и те, что касались Узбекистана, и Юсупов не раз думал не без сожаления, что, будь он сейчас на прежней должности, Сталин сам вызвал бы его, и уже не раз. Впервые в жизни страдал он еще из-за того, что подводило здоровье. Организм с трудом приспособлялся к длительному пребыванию в северном (для него, уроженца солнечной Ферганы) климате. А может, попросту, когда перевалило за полсотни, начало сказываться напряжение, с которым работал все годы? Не могли все же пройти бесследно ни ночные бдения, ни отказ от положенного отдыха. Двадцать человек, никак не меньше, по преимуществу бывшие технические работники ЦК, свидетельствуют не без гордости, что ездили в разные годы на курорт, в том числе в замечательный, находящийся в ведении республики санаторий «Узбекистан» в Кисловодске, по путевкам, на которых была указана фамилия Юсупова. Дирекция в этом случае не замечала пункт, гласящий, что нельзя передавать путевку другому лицу.

В Москве же на пятьдесят втором году жизни пришлось волей-неволей все чаще обращаться к врачам. В ту пору там проездом оказался профессор А. Л. Каценович. Юсупов как-то прослышал о приезде Александра Львовича и сразу же пригласил его к себе на дачу. Профессор по понятным причинам был растроган. Кстати, он, находя в этом свой долг, не преминул осмотреть Юсупова, хотя был зван не как врач, а как старый друг — к обеду. По совету Каценовича Усман Юсупович, привыкший прислушиваться к нему, согласился обратиться к хирургам. Вскоре Юсупову была сделана операция на щитовидной железе, и теперь уже без былого сопротивления медицинским предписаниям, сознавая печальную необходимость лечения, он отправился во второй раз в жизни на курорт. Вместе с ним была и Юлия Леонидовна. Беспокоился все же о своем министерстве. Звонил по три раза на дню и требовал, чтоб сообщали о самом важном ему. Гулял по аллеям, усыпанным похрустывающим красным песком, незаметно спускавшимся к морю. Оно стояло бутылочного цвета стеной, подпирающей синее небо с курчавой отарой быстро бегущих по нему забавных маленьких облаков. С пляжа доносились крики беспечных купальщиков и радиомузыка. Юсупов, шумно дыша, повернул направо, на дорогу, поднимающуюся вверх. Она была обсажена кипарисами, ряды их плавно изгибались, повторяя профиль пути. Он остановился, с трудом втиснувшись между двух стволов; вопреки замыслу садовника рядом со старым деревом поднялось, от случайного побега

наверное, тонкое деревце. Его пожалели, не стали рубить, и оно выросло довольно высоко, так, что уже доставало тонкими глянцевыми листьями до кроны большого кипариса, но было все же что-то жалкое в том, как тянулись вверх, словно собрав последние силы, редкие ветви.

Юсупов обхватил двумя пальцами ствол, пренебрежительно хмыкнул, сказал, обращаясь к жене.

— Думаешь, ему мало лет? — спросил он о дереве. — Может, всего на пять лет меньше, чем этим, — он с неудовольствием постукал носком ботинка по мощному стволу. — Оставили вот расти, а оно поддыхает. И соседям из-за него хуже.

Потом, когда уже сидели на белой решетчатой скамье, сказал определенной:

— Сегодня совещание. Опять спорят, какие междурядья лучше: широкие или узкие. Я просил, чтоб стенограмму прислали.

Юлия Леонидовна вновь начала осторожно увещевать его. Напомнила, дал же слово врачам и товарищам из ЦК, что будет лечиться, отдыхать. Но ему трудно было оставаться спокойным. Существовало опасение, и немалое, что сторонники узких междурядий на хлопковых плантациях победят. Спор носил не абстрактно-теоретический характер. Суть его состояла в том, что группа специалистов, искренне заинтересованных в том, чтобы как можно скорее был превзойден довоенный уровень производства хлопка, полагала, и не без основания, что наиболее успешно можно достигнуть этого, если гуще расположить грядки на поле. Те, кто видел, как произрастает хлопчатник, хорошо представляют себе плантацию, устроенную, если можно так выразиться, по формуле: грядка — арык — грядка. Чем уже временная канавка, по которой пропускают воду из общего для всего поля оросительного канала, тем больше грядок можно расположить на одной и той же плантации. Но другие специалисты, не менее авторитетные, не менее убедительно возражали против сужения междурядий. Юсупов тоже полагал, — даже его крестьянский опыт говорил об этом, — что при часто расположенных грядках растения будут мешать друг другу нормально расти (не случайно же заметил он тот недоразвитый кипарис!), начнут тянуться вверх; листьев и стеблей будет много, а коробочек, ради которых выращивают хлопчатник, — меньше. Кроме того, удлинится срок созревания хлопка, значит, какая-то часть коробочек не раскроется вовсе; снизится качество волокна.

Но Юсупов понимал, что переход на более узкие междурядья может привести к видимости успеха. Общий итог окажется в первый год-два все же более высоким, а пока скажутся последствия, пройдет немало времени.

Он открывал — иначе быть не могло, — что должность всесоюзного министра способствовала его более широкому собственному взгляду на вещи. Теперь он больше заботился не только о нынешнем плане, но и о будущем хлопководства. Отсюда возникала все та же основополагающая мысль: судьба советского «белого золота» зависит от механизации. Никаких рук, самых трудолюбивых, не хватит для того, чтобы обработать (и не единожды!) хлопчатник на новых тысячах гектаров, а главное — чтобы собрать по граммам миллионы тонн.

Заводы в Ташкенте и Чирчике уже выпускали усовершенствованные культиваторы и сеялки. В старинном русском городе Владимире делали тракторы специальной модификации, предназначенные для хлопковых полей. Решали вопрос о создании тракторного завода в Узбекистане. Весь комплекс машин, включая самую сложную — хлопкоуборочную, выстраивался в разумном законченном, порядке. Чтобы увидеть этот ряд, Юсупову не нужно было отправляться на полигоны. Мысленным взором видел он и машины и поля — геометрически правильные прямоугольники, идеально ровные плоскости, изборожденные длинными, сходящимися у горизонта в пучок, словно лучи в фокусе линзы, зелеными рядками с голубоватыми арыками между ними. И снова приходил к тому же — какой все-таки ширины должны быть междурядья? Его вернейшая опора — специалисты разошлись во мнениях. Его попытались убедить: рассматривайте сужение междурядий как меру временную, как тактический шаг, но он не мог, и должность союзного министра укрепляла его в этом, не быть стратегом. При взгляде же с командного пункта становились очевидными многие вещи, не то что не замечаемые, попросту игнорируемые людьми, для которых сегодняшний центнер хлопка значил больше, чем будущая тонна. Хотя бы то, что придется выпускать всю новую технику, хлопкоуборочные машины тоже, с узкими осями, а потом, когда жизнь неизбежно вынудит вернуться от 60 и даже от 45 сантиметров (кто предлагал и такое) к междурядьям шириной в 90 сантиметром и даже 1 метр 20 сантиметров, переделывать весь огромный машинный парк.

Он всегда был приверженцем больших масштабов; не вдаваясь в теорию, интуитивно ощущал, что размах — черта, органически присущая социализму. Относилось это ко всему, к хлопководству в том числе. Не случайно же первый документ общего характера, принятый Совмином СССР по представлению руководимого Юсуповым министерства, был посвящен переходу на новую систему орошения. Дело в том, что все еще сохранялась унаследованная от былых времен практика, когда поливные участки были малы по размеру, а это вынуждало создавать густую сеть

оросительных каналов (не арыков, питающих грядки, а тех, общих для всего поля каналов, из которых вода поступает в междурядья). Приводило это к большим потерям поливных земель, расположенных вдоль оросительных каналов и потому не занимаемых хлопчатником, а главное — препятствовало внедрению техники. Были и иные обстоятельства, может, не столь значительные с точки зрения экономики, но издавна раздражавшие Юсупова, и не одного его, конечно. Он не мог видеть заросли сорняков, порой скрывавшие под собой узкий канал-ороситель; мерзкую тину, которая в мгновение ока образовывалась, едва прекращался ток воды; обрадованные пауки тут же перекидывали с одного неровного обрывистого бережка на другой свои серые липкие сети. Колхозники то и дело отвлекались от необходимейшей работы на полях и чистили оросители. Знал Юсупов и о том, что влага впитывается в стенки многочисленных этих каналов, уходит под землю, сливается там с грунтовыми водами, которые губят культурную почву.

В том году, когда Юсупов вступил на пост министра, начался повсеместный переход к устройству оросительных каналов только на время поливов. Затем они заравнивались. Он знал об опыте нескольких крупных хозяйств в Узбекистане, которые давно переустроили оросительную систему, и было очевидно, насколько временные каналы лучше, но все же — такова уж природа человеческая! — нашлись противники и у этого новшества, преимущества которого были несомненны, но зато оно требовало и внедрения новой техники, в частности канавокопателей. Кое-кто скрупулезно подсчитывал, что обходится дешевле: издержки старой системы или производство канавокопателей — массивных плугов с отвалами, расположенными по обеим сторонам. Спор снова же шел не о частностях; спор шел между узко понимаемой насущностью и широким взглядом на будущее. Так понимал это Юсупов. Вот почему по настоянию коллегии министерства в постановлении Совета Министров был приведен строгий план перехода на новую систему орошения с конкретными заданиями каждой республике и даже каждой из хлопкосеющих областей на каждый год из четырех лет — с 1950-го и по 1953-й, когда мероприятие должно было завершиться.

Этих-то сведений, предварительных за 1952 год, он и требовал, когда отдыхал в благословенный «бархатный сезон» в Мисхоре, среди обилия роз и винограда. Крымские сорта все же, не в обиду будь сказано, уступали, по мнению Юсупова, знаменитым узбекским «Хусайни» и «Чарасу». Не особо верил он в то, что здешнее виноградоление поможет ему, коренному ферганцу, но так или иначе в Москву он возвратился здоровым,

подтверждая тем самым, сколь справедлива сделанная в в его курортной книжке стереотипная запись: «Выписан с заметным улучшением».

Здоровье, необходимое ему, как каждому человеку, всегда, в ту пору было ему особенно нужно. Он ощущал, и весьма болезненно, тот разрыв между руководством и непосредственным исполнением, когда от министерства очень далеко до хлопкового поля, и не только в географическом смысле. Был все же свой резон в вошедших в легенды былых юсуповских эскападах, когда он мог перед рассветом приказать шоферу, чтоб тот гнал «бьюик» почти что «куда глаза глядят». Он останавливал машину у плантации, даже не зная зачастую, какому колхозу она принадлежит. Поле говорило ему порой больше, нежели самые обстоятельные бумаги. Потом уж начинались и разбирательства. Легко представить, сколь обескуражен был председатель колхоза, поднятый ни свет ни заря сообщением о том, что на самом дальнем и заброшенном участке его ждет, увы, не для того, чтобы выпить вместе утреннюю пиалу чая, не кто-нибудь, а сам первый секретарь ЦК. Не без оснований можно критически отнестись к подобным методам проверки исполнения. Но был в них, с учетом эпохи, свой немалый смысл. Все руководители тех лет, и, кстати, не только председатели колхозов, вспоминают, теперь-то, конечно, посмеиваясь над своими старыми страхами, как мерещился им в каждом облаке пыли на дороге вездесущий «бьюик» Юсупова.

Находясь в Москве, будучи министром СССР, он отнюдь не упивался своим положением, а, наоборот, переживал, прежде всего из-за того, что называется издержками чрезмерной централизации руководства. На XIX съезде партии об этой централизации шла речь с трибуны, но в общих выражениях.

Бывал он и в родных краях. Прежде всего по долгу службы. В феврале 1953 года участвовал в работе XI курултая хлопкоробов, вскоре же, всего два месяца спустя, вернулся в Узбекистан навсегда. Умер Сталин, сразу же, едва ли не в день похорон, было объявлено о реорганизации государственного аппарата. Министерство хлопководства СССР было упразднено. Усман Юсупович Юсупов был назначен Председателем Совета Министров Узбекской ССР.

Из многих эпизодов, относящихся к тому времени, когда Юсупов был министром СССР, следует все же отобрать один. Он и способствует обрисовке облика Юсупова, и в то же время присутствует в нем обстоятельство, которое когда-то назвали бы знамением. На заседании бюро ЦК КП Узбекистана были намерены отстранить от работы директора

совхоза «Баяут-4». То было не просто отстающее, а самое гиблое хозяйство в республике, расположенное в стороне от всех дорог, на просоленных до белизны землях Голодной степи. Придет время рассказать в этой книге подробнее о «Баяуте-4». Сейчас же надо заметить, что Юсупов единственный вступился за директора, в конце убитого переживаниями. Он сказал:

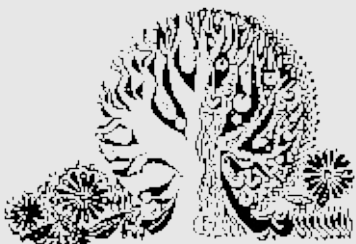
— Поедем в совхоз, поглядим, что и как, потом решим. Отправился туда вместе с Шамедом Чакаевичем Айтметовым, заместителем министра хлопководства Узбекской ССР. Они увидели этот совхоз: ни единого дома в поселке. Рабочие жили в землянках, директор — в палатке.

— Он людей знает, два года работал, себя не жалел, — говорил о директоре Айтметов, — но вы же сами видите, какие у него условия.

Юсупов видел не только быт, но и поля, о которых только и сказал:

— Больные все как есть. Тут не поправлять надо дела, а начать и кончить, — посмотрел на директора, хлопнул по плечу: — Нос не вешай! Работать надо, и все будет в порядке, — повернулся к Айтметову, тот по разнарядке ЦК шефствовал над «Баяутом-4», и пошутил: — Не справишься, снимем товарища Айтметова с замминистра, назначим сюда директором.

«Как в воду глядел», — говорят в таких случаях. Только назначили вскоре директором захудалого «Баяута-4» не Айтметова, а самого Юсупова.

9

ПОСЛЕДНЯЯ ВЫСОТА

Убеждения не были для него догматом, тем паче привычкой. Они были глубоко осознанной основой нравственной ответственности перед обществом — чувства, владевшего Юсуповым на протяжении всей жизни его. (Он говорил: «перед народом, перед людьми».) Если обречен на провал актер, который, но известному выражению Станиславского, любит себя в театре, а не театр в себе, то тем более приговорен к неудачам при жизни и, мягко выражаясь, к быстрому забвению после смерти государственный деятель, который любит и видит в политике только себя. (Впрочем, не исключено, что о нем и вспомнят, но, увы, вовсе не так и не в тех выражениях, восхищенных и благодарных, на которые он рассчитывал.)

Не будем уходить от точных определений, как ни неприятны они сами по себе. Наивно и нечестно было бы утверждать, что для деятеля масштаба Юсупова, опыта Юсупова, заслуг Юсупова, нерастраченных возможностей Юсупова, в конце концов таланта Юсупова отстранение его от должности Председателя Совета Министров и назначение директором заброшенного совхоза в Голодной степи было нормальным явлением, едва ли не благом. Да, то было бы падение, но только для иного человека, для такого, который, выражаясь без ненужной усложненности, сам себе дороже, нежели идея, коей он вызвался служить. История, в том числе новейшая, та, что на памяти даже у молодого читателя, знает подобные примеры, и он легко их отыщет сам.

Величие Юсупова, позволим себе впервые все-таки употребить эту оценку, состоит в том, что в самую тяжкую пору своей жизни он, пятидесятичетырехлетний, не очень здоровый человек, вызывает не жалость к себе, не сострадание, а еще большее уважение.

В декабре 1954 года — не просто холодный, а неприятный день: с серого неба низвергается снег не снег, дождь не дождь — противная

слякоть. Она налепляется на шапку и кожанку Юсупова, мгновенно тает; холодная жижка стекает за ворот. Ко всему у него невыносимо болят зубы. Щеку раздуло. Он кутает ее шарфом, курит, чтоб заглушить сверлящую невыносимую боль. Мог бы сослаться на нее, поехать к врачу, но люди расцепили бы это как бегство. И, наглотавшись до головокружения пирамидона, он высидел все столь тяжкое для него заседание пленума ЦК, казавшееся ему не только из-за больных зубов мучительно нескончаемым. Больше всего разговоров было о ширине междурядий на хлопковых полях. Юсупову уже приходилось не раз выслушивать обвинение в консерватизме и в грехах более тяжких из-за того, что он не разделял взгляды некоторых работников о массовом переходе к узкорядной схеме возделывания хлопчатника. Юсупов по своему новаторскому характеру не отвергал начисто эту мысль. Он хорошо помнил совет старого своего собеседника Рихарда Рихардовича Шредера: «Число коробочек, созревающих к более раннему сроку, будет тем обильней, чем больше стеблей хлопчатника будем иметь на единицу площадей».

Итак, больше кустов! Однако видел, просто не мог не видеть Юсупов и иные пути, отвечавшие возможностям существующей материально-технической базы села. Еще в ту пору по инициативе специалистов хлопководства, активно поддержанных Юсуповым, началась научная и практическая разработка метода загущенных посевов при 60-сантиметровых междурядьях, и новой прогрессивной широкорядной схемы, рассчитанной на завтрашнюю высокопроизводительную широкозахватную технику. Практика подтвердила, что жизненность именно этого направления оправдала себя. Подтверждением тому станут миллионы тонн хлопка в будущем.

Однако участвовать в осуществлении этих больших планов Юсупову пришлось в иной должности. Он видел, что на июльском пленуме ЦК КП Узбекистана и на состоявшемся в Ташкенте Всесоюзном совещании хлопкоробов вокруг его деятельности складывается атмосфера обидного недопонимания, субъективной предвзятости. Юсупов был достаточно искушен, чтоб не понять, что стояло за вопросами и замечаниями, адресованными ему, когда он говорил с трибуны.

Он был готов к тому, что произошло. Более того — к гораздо худшему. Мужественно, сдержанно, с огромным достоинством принял он свое отстранение от деятельности на высшем уровне. Понятно же, что не о перемещении с должности на должность шла речь. К слову, Юсупову дано было понять, что он может рассчитывать на дипломатическую работу все же не очень высокого ранга или на солидную должность в Потребительской

кооперации. Но для этого нужно было, очевидно, ходить с просьбами, хлопотать. Он выбрал иное: ждал, пока ему предложат работу сами. И когда предложили пост директора в «Баяуте-4», принял его не раздумывая.

И тут открывается новая замечательная глава деятельности Юсупова — коммуниста, борца, мечтателя и строителя. Это не конец пути, а начало нового, блестящего по нравственному наполнению периода его биографии. Не падение, а взлет; последний, однако не менее высокий, чем предыдущие, если принять во внимание (а только так будет справедливо) скромные масштабы деятельности Юсупова, уже не секретаря ЦК, не министра, а самого обыкновенного директора совхоза.

В расхожей фразе, которую подчиненные нередко в сердцах адресуют начальству: «Сами бы попробовали побыть на нашем месте», — заключен не только упрек, но и вызов и сомнение. Так вот Юсупов побывал на месте тех, кого не раз корил, наставлял на путь истинный, снимал, случалось и такое, с работы. Судите сами, каков он в последнее десятилетие своей многотрудной жизни. Вот что действительно достойно и внимания, и интереса, и памяти людской. Но прежде все же ответим. Ответим словами самого Усмана Юсуповича на sacramентальные «как?» и «почему?».

В марте 1955 года он приехал в Москву на сессию Верховного Совета СССР. К нему в гостиницу пришли дочь Инна — она училась в университете — и сын Владик с женой. Как ни направлял Юсупов разговор в иное русло, он неизбежно пришел к тому, что еще не остыло, и кто-то из детей посетовал на несправедливость. Юсупов сказал тогда — не с трибуны, не для протокола, в сугубо семейном кругу:

— Знайте только: отец, наш всегда был честен перед народом, перед партией. Я коммунист. Мне поручили новую работу. Буду ее делать.

С похожих слов начал он свое первое выступление, когда знакомился с коллективом совхоза.

— Товарищи, — сказал он. — вы, наверное, знаете, я больше двадцати лет находился у руля республики. Партия послала меня к вам работать. Я буду учиться у вас, буду работать вместе с вами.

На целину, на соленые земли, в землянки без электрического света, в глушь (ни дорог, ни мостов; из отделений в центр совхоза добирались через разъезд Баяут. Напрямую — три километра, а приходилось топать в обход все двадцать пять, к тому же по колено в грязи осенью и зимой, а летом по уши в невесомой седой пыли) приезжали не только подвижники — таких было немало, они-то и стали опорой Юсупова, — но и вышибленные из жизненной колеи люди, а то и уголовники. Были и такие, что скрывались

здесь от суда и тюрьмы. Обнаглевшие, одичавшие, уверившиеся в безнаказанности. Единственный милиционер, участковый, ходил сторонкой, только поглядывая на отпетую бражку, верховодил которой некий Капитан — некоронованный король поселка Баяут. Они и Юсупову — что для отщепенцев заслуги, имя, личность! — сразу решили заявить о себе, о своей власти. Нашли пустячный повод: кто-то из них белил накануне помещение конторы, и явились к нему уже за полночь трое нетрезвых мужиков, нагло требуя: «Гони, хозяин, деньги за работу...»

Он сказал, что получают в день зарплаты. Попросил их уйти. Тогда Капитан поиграл ножичком, подстриг финочкой ноготь на своем мизинце и выставил лезвие вперед, держа его нарочито расслабленными пальцами.

С проворством, которого от него не ждали, Юсупов повернулся к стене и сорвал свое охотничье ружье.

— Давай! — крикнул он яростно. — Кто кого. Ну!

— А ты, хозяин, с норовом, — сказал Капитан.

Они ушли и несколько дней не показывались. Боялись, что Юсупов позовет из Ташкента милицию. Он сам нашел Капитана в клубе (стыдно сказать: глиняная крыша на столбах, туда нет-нет приезжала передвижная киноустановка) и велел ему выходить с утра на работу.

Как хотелось бы продолжить эту линию в духе Макаренко, рассказать о том, как изменился хотя бы тот же Капитан, но случилось иначе: он попался вскоре на преступлении, правда, не в совхозе, а в поезде и исчез из поля зрения Юсупова. Но остались дружки его и многие с похожей судьбой и характерами. Они действительно стали иными; до сих пор трудятся в «Баяуте»; уже поседевшие дядьки не по принуждению поминают добрым словом Усмана Юсуповича.

И уголовники, и грязь, и темнота, и бескультурье, и жалкое жилье, в котором ютились целинники, были заметны с первого взгляда; усилия для осмысления здесь не требовалось: надо все менять, начиная с самого нуля. К тому же Юсупов был из тех, кому не требовалось больших усилий, чтобы понять нужды рабочих. Даже там, наверху, все сожалел о том, что попросту недосуг (желание было всегда) пройти опять по той жизненной тропе, где топают кирзовые сапоги и пыльные ботинки. И вот довелось, и он вздохнул облегченно, поняв, что не оторвался, не ломал недорогую комедию, когда сидел с ними на вытертых паласах в сельских чайханах, лазил в котлованы на Большом Ферганском канале и в Каттакургане. Очень естественное для него сердечное движение побуждало прежде всего заняться бытом. Но тут уж сказался, ум и опыт государственного человека и теоретика. Он не желал строить на песке. Знал, все развалится вновь, если не заложить

прежде всего основу, а было это, как всегда, производство.

В совхозе говорили, как в Москве или в Ташкенте: «Пошли в центр». В Баяуте это была сырцовая хибара из трех комнат — контора. К ней справа приткнулась будка вездесущего сапожника, а слева поставил свое фанерное сооружение парикмахер. Вот и все. В конторе Юсупов вот уж в буквальном смысле дневал и ночевал. Рядом, в пожарном сарае, жил плановик-экономист Василий Сергеевич Макаревич с женой Раисой Федоровной — учительницей. Обосновался Макарович в «Баяуте» всего лишь год назад, а до того нелегкая судьба мотала его, уроженца Калуги, по свету немало.

В семнадцать лет был в родных местах комсомольским активистом, работал в кооперации, в тридцать седьмом году занимал немалую должность — заместитель начальника управления по снабжению в Московском облисполкоме, в самом начале войны был ранен в Эстонии. В возрасте уже под пятьдесят пришлось начинать новую главу своей жизни — в Узбекистане. Человек не из робких, не сетующий ни при каких обстоятельствах на судьбу, не чувствовал себя обойденным ею, хотя ему, который и в столице жывал, куда как не показался поселок, отрезанный от мира. Сюда даже дороги не были проложены. Каждый топал или, редкое везение, добирался на попутной машине от Мирзачуля по нехоженой плоской степи как бог на душу положил — своим путем. Над болотами, поросшими камышами, зудели мириады комаров и москитов. В воскресенье Макаревичи разрешали себе удовольствие — ходили километра за четыре в соседний «Баяут-3» — пообедать в тамошней столовой.

С неудобствами он мирился, знал: не век будет так. Угнетала мысль о бесперспективности нового хозяйства. «Баяуту» были отведены огромные площади, однако они были больны: шло уже вторичное засоление. Соль разъедала почву. Чего уж больше — колючка и та не росла; в морозы (а они случаются и здесь) лед не образовывался. Под черной коркой таилась трясина. Велись, правда, постоянно дренажные работы — воды, а точнее, рассол выводился подземными полыми ходами, заполненными хворостом и камнем, в коллекторы, но все это осуществлялось самодеятельно, без научной основы, без мысли о будущем, — отвоевать участок-другой, чтобы хоть что-то посеять. «Помогали» «Баяуту-4» и соседние хозяйства. Поливая обильно свои поля, способствовали еще большему заболачиванию здешних низинных земель. Обо всем этом Макаревич докладывал новому директору, Усману Юсуповичу, без оптимизма. Прямо сказал:

— Совхоз подняться не сможет. Дренажные работы не организованы.

Фонды, которые нам выделяют, мы реализовать не в состоянии: нет людей, а они не приедут, пока не будет более-менее нормального поселка. Дальше: полевые работы не планируются, а надо проводить их строго по циклам — предпосевной, посевной, вегетационный, уборочный, и все работы осуществлять строго по плану, а то в прошлом сезоне нарезали борозды, дали полив, а с культивацией запоздали; почва засохла, уплотнилась, и все надо было начинать сначала...

Юсупов слушал, положив на колени отяжелевшие ладони, не перебивал нетерпеливыми замечаниями, хотя многое, о чем говорил Макаревич, было для него азбукой. Лицо у него было непроницаемо, и мнилось поначалу Макаревичу, что думает недавний секретарь ЦК о своей невеселой участи: провалить совхоз позорно, а поднять трудно даже молодому и здоровому человеку. О Юсупове этого, увы, не скажешь: одутловатость в лице, мешки, набрякшие под глазами. Он спросил наконец, что нужно, по его мнению, делать. Макаревич начал сдержанно, опасался, что Юсупов упрекнет его едва ли не в маниловщине, но Юсупов сам направлял его, подавал идеи, которые совпадали с теми, что были давно выношены Василием Сергеевичем прежде, но казались несбыточными, и Макаревич с давно не испытываемым воодушевлением начал говорить прежде всего о том, что представлялось ему, главному бухгалтеру, самым важным, — надо изменить систему оплаты труда, чтобы материально заинтересовать каждого рабочего.

Юсупов пожал ему руку:

— С тобой мы, вижу, сработаемся, Василий Сергеевич.

Среди управляющих отделениями Юсупов сразу выделил Асилбека Алтынбекова. Называл по имени и его и других — всех, кто был симпатичен. Объяснил как-то одному дотошному ревнителю официальнойности, почему так поступает:

— Ты сына своего как зовешь? По фамилии, что ли? А они мне все разве не сыновья?

Алтынбеков был молод, едва 25 минуло, но хлопок знал отменно: родился и вырос в Голодной степи. Вскоре Юсупов рекомендовал его на должность парторга.

— Почему меня? — спросил польщенный Асилбек.

— Ты один из всех управляющих, когда я приехал, лишний раз про недостатки, про трудности на своем отделении не говорил. Для себя никаких выгод не требовал. У всех плохо — надо общие меры принимать, тогда всюду хорошо станет, — так говорил.

Всюду было плохо. Юсупов молчал, ходил по полям, подолгу сидел на

бугорке, перебирал в пальцах белесую голодностепскую почву. Удивлял многих тем, что беседовал не с одними лишь ответственными (по-совхозным меркам) работниками, не с одними лишь аксакалами, но и с подростками, с хозяйками, а около компании замурзанных малышей — на красных от холода босых ступнях растоптанные калоши с чужой ноги, корявые опорки — мог простоять полчаса: угощал конфетами, смешил малышню.

С общим собранием, которого все ожидали с понятным нетерпением, не торопился. Сидел опять до петухов с активом. Сказал наконец, в чем видит главные задачи: промыть земли, удалить соль.

Активисты переглянулись понимающе: мы, мол, хоть и невысоко летаем, но сами давно до этого додумались. Пока земля больная, урожаев не жди. Но вот только что ты о деньгах скажешь, дорогой Усман Юсупович? Деньги где взять, если нам на капитальные вложения отпускают как бедным родственникам? А люди, работники откуда возьмутся?

Он предвидел это. Сказал:

— На самых засоленных землях посеем рис.

Все умолкли на миг. Мысль казалась гениально простой; и тут же посыпалось:

— Специалисты-рисоводы нужны.

— Прекрасная коллекторная сеть требуется.

— Вода с рисовых полей подопрет соседние участки. Вторичное засоление на хлопке начнется.

Кто-то даже сказал (чего теперь-то Юсупова бояться?):

— Афера.

Он переждал, пока не успокоились. Полистал свой блокнот.

— Я все это учел тоже. Пригласим рисоводов из колхозов.

— Так они и пошли к нам!

— Условия хорошие предложим. План — тридцать пять центнеров с гектара. Остальное — ваше. На пятом отделении начнем. Ты согласен, Асилбек?

(Несколько лет спустя была принята правительственная директива: проводить на сильно засоленных участках посевы риса с последующим использованием оздоровленных земель под хлопок.)

Сразу за этим заговорил о дорогах. Для нового человека «Баяут» начинается с того, как он сюда добрался.

Пообещал похлопотать о шоссе (осуществил это вскоре с помощью Саркисова, начальника Главголодностепстроя), но в первую очередь

предложил завершить строительство узкоколейки. Понимал хорошо, что на одном энтузиазме далеко не уедешь, но знал по опыту той же ветки Чарджоу — Ургенч, с какой готовностью откликаются люди на призыв проложить дорогу. Не ошибся. Всего за две недели проложили рельсы по степи, и к «Баяуту» от станции пошел гудящий трясущийся дизель. На нем впереди стоял Усман Юсупович в белой фуражке, торжественный, счастливый.

Тем же методом народной стройки (кто сказал, что погиб дух Большого Ферганского Канала!) проложили мощеную дорогу до второго отделения, где находился гравийный карьер. До начала работ собрал за чаем трактористов и шоферов из мелиоративного отряда.

Разговор шел начистоту, по душам:

— Вот так, ребятки мои дорогие. Все начинается с дороги. Не будет дороги, не будет жилья. Не завезут вовремя... — сделал паузу, подмигнул хитровато, — портвейн, говорю, вовремя не завезут. Вчера, я видел сам, один товарищ бульдозер гонял на третье отделение, в ларек, — опять помолчал, переждал, пока утихнет шум. — Вот я и думаю, как в анекдоте, два выхода есть: или каждому по бульдозеру, или дорогу строить.

Угрюмость все же хранилась еще на плохо выбритых мятых шоферских лицах. Он понимал причину. Сказал теперь доверительно:

— Само собой, каждый сюда приехал, надеялся, заработки хорошие. Но давайте подумаем вместе, откуда они возьмутся, если нельзя развернуть работы? Даже половины денег не осваиваем. Ну, допустим, один раз я вам подпишу ведомости на халтурку, но это же до первой комиссии. Приедут, увидят, ничего не сделано, а самое основное — хлопок не дадим осенью, все станет ясно. Как по-русски говорят: «Шила в мешке не утаишь». А заработки могут быть, и неплохие. По две, две с половиной гарантирую (и это обещание, кстати, тоже сдержал. Через два года в «Баяуте-4» в среднем зарабатывали по 2000 рублей). Пойдем дальше. Жилье. Я думал, советовался с товарищами. Много на месте сделаем в части стройматериалов: сырцовый кирпич, камыш. Жженный кирпич постараюсь достать в Янгиюле. Наверно, — земляки не откажут. Вопрос: как будем подвозить кирпич на отделения? Разобьем же по пути машины, а кирпичи рассыплем все по грязи.

Так постепенно подвел народ к тому, с чего начал, — первую дорогу надо проложить безвозмездно. Потом труд, окупится сторицей. В заключение сказал:

— Я буду старший диспетчер. Пусть каждый сделает всего по три ездки. Когда встанете, ляжете — не мое дело. Сделал три ездки, уходи.

Дорогу длиной в пять километров проложили за несколько дней. Юсупов не уходил круглые сутки с трассы. Действительно отмечал, как диспетчер, сколько кто сделал ездов. Чумазный шофера Умурзак крикнул ему из кабины:

— А по четвертой можно, Усман Юсупович? Не заругаете?

Он влез на ступеньку «Урал-ЗИСа», поцеловал Умурзака, растроганный, счастливый. Не зря верил, что бессмертно оно, настоящее, посеянное в душах советских людей еще в годы революции. То, что на языке ученых называется психологией социалистических производственных отношений и социалистическим отношением к труду.

Верил в это свято всю жизнь, но знал, что энтузиазм — чувство тонкое, злоупотреблять им нельзя. Потому и ломал голову сам, и заставлял Макаревича (использовать ум, знания сподвижников!): разрабатывай свою идею, как обеспечить высокие заработки в сочетании — непременно! — с высокими урожаями.

Впервые за многие годы Василий Сергеевич воспрянул духом, ощутил себя вновь деятелем не баяутско-совхозного, а государственного масштаба.

Он думал: что, если закрепить поле за бригадой механизаторов, то есть сделать ее тракторно-полеводческой (комплексной), посадить бригаду на полный хозяйственный расчет: все работы делают сами; дирекция осуществляет только общее руководство, агрономы — научное. Минимум зарплаты, разумеется, гарантируется; на то и социалистическое государство, чтоб принимать часть убытков на себя, а сверхплановый доход — в пользу бригады. Так выглядит идея в ее упрощенном виде.

По указанию Юсупова Макаревич за несколько ночей составил в том самом, служившем квартирой ему пожарном сарае докладную записку. Мысли, изложенные в ней, не погибли втуне. Очень нескоро (увы!), три года спустя, пришло в степной «Баяут» письмо из Института экономики Академии наук СССР. Ученый секретарь сообщал Василию Сергеевичу, что тот поднял вопрос большого политического и практического значения. Считают, что следует перевести в порядке опыта на новую оплату труда несколько бригад...

Кто нынче посетует на то, что еще за два года до того, как был получен этот обнадеживающий ответ, в совхозе у Юсупова уже работала на предложенных Макаревичем началах бригада Насиба Бекирова. В первую же осень он и его ребята удивили хлопковый мир: дали самый высокий урожай при самых низких затратах труда и средств. Бекиров был награжден орденом Ленина и «Москвичом». О Макаревиче и Юсупове в этом случае не вспомнили, да они и не стремились к официальному

признанию их заслуг. Счастливы были тем, что опыт удался. Значит, можно внедрять его повсеместно.

Юсупов жил в «Баяуте» почти безвыездно. Лишь по крайности выезжал в Ташкент да по вызовам — в район. Кстати, о вызовах этих. Он теперь сам негодовал по поводу того, что начальство не желает считаться ни с делами и заботами подчиненных, ни с тем, что людям надо отдыхать. Себя корил не раз за пресловутый юсуповский стиль, беспощадный к себе и другим. Теперь-то он, к сожалению, вынужден был давать отдых сердцу. Но, едва боль пройдет, вновь просыпался в нем неумный, жадный до жизни и дела Юсупов. Да и то сказать: работа была для него спасением. Единственным. Если бы кто-то решил наказать Юсупова, его надо было отстранить не от высокой должности, а от работы вообще; скажем, дать высокую пенсию, отличную квартиру в центре, шофера — избавить, одним словом, даже от бытовых забот. Для иных такое существование — мечта, венец деятельности. Для Усмана Юсупова это было бы концом.

Жена и младшие дети жили здесь же, в «Баяуте». Как все, выходили в поле. Никто уже не находил ничего необычного, видя Юлию Леонидовну и даже самого Усмана Юсуповича с фартуком, набитым хлопком и делавшим бы его фигуру комичной, если бы не уважение, не симпатия к нему, которая жила в каждом из рабочих.

Мусаев Кучкар Мусаевич, главный механик «Баяута-4», вспоминает:

— С Юсуповым жить было интересно, работали в охотку, легко; вот так в семье бывает, когда отец хороший. Усман-ака как пришел, мы сразу поняли: вот начальник, который о народе заботится; и вообще он про будущее думал. Мосты мы только при нем начали строить. Рубили тополя, тал. Он требовал: срубили дерево — сразу же посадите три. Дальше. На седьмое отделение воду возили бензовозом. Он дал технику, проложили канал, а по берегам разбили первые сады.

Договорился где-то, и к нам и магазин прислали арбузы и дыни. По две копейки килограмм!

У нашего совхоза были пустующие участки. Он предложил там, на богаре, пшеницу сеять. Начали собирать хорошие урожаи для своих нужд.

Озеро у нас до сих пор Юсуповским называют. Рыба туда из Дарьи заходила, но ее сразу же вылавливали, глушили, кто как мог старался. Юсупов поставил охрану, договорился с рыбхозом, завезли мальков. Машинами возили рыбу потом в рабкооповскую столовую.

Зияев Шакир, главный инженер совхоза, вспоминает:

— Еще никогда не забуду, как между первым и вторым отделениями в Казакауле канал прорвало. Юсупов народ поднял, примчался, сам за рулем,

на «газике», схватил охапку камыша — и в воду. Его отталкивают, кричат: «Мы сами, Усман-ака!» Он ни в какую. Конечно, кто здесь устоит.

Механизаторов не хватало. Раньше писали заявки на специалистов, а техника простаивала. Юсупов в первый же год организовал курсы прямо в совхозе. Добился: дали учебные пособия, питание бесплатное (а жили-то мы всего в двух шагах от школы!). По пятьдесят-шестьдесят трактористов и шоферов обучали каждый год. Я на этих курсах учился. Потом Садыков Ашур (он теперь начальник гаража) и другие; многие там специальность получили.

О Юсупове рассказывать можно долго. Вот как он к людям относился. Один пример приведу. Одного человека с работы снять надо было. Выхода нет: лодырь самый что ни на есть. Что ни поручи, проваливает. Уже приказ заготовили. Юсупов, я сам видел, сидит над бумагой, лоб карандашом чешет.

— Нельзя, наверно, Василии Сергеевич, — говорит Макаревичу. — Он, конечно, человек этот, паразит, но у него же четверо малышей. Мы же и их накажем.

Советуется, советуется, а потом:

— Отменяй приказ! А этого лоботряса ко мне пришлите. Я из него дурь вышибу.

Детишек очень любил. Заботился. В первый же год поехал, договорился с таджиками — пионерлагерь возле Ура-Тюбе открыли, в горах. А для рабочих — санаторий «Целинник». В самый разгар работ все равно:

— Вот тебе путевка, езжай на неделю, потом в два раза лучше работать будешь.

Ну а если лечиться кому надо, направления в лучшие клиники доставал: в больницу имени Семашко, к профессору Федоровичу, куда надо. Бывало, кто-то отказывается, он сердится:

— Мы трактора и то два раза в год ремонтируем, а ты человек, бригадир.

Скажешь ему, бывало: «А сами вы, Усман Юсупович, почему не лечитесь?» Он скажет: «За что молодого ругают, за то старого прощают». По-узбекски это немножко по-другому получается, но суть такая же.

— Что он сделал самое главное, — говорит Насиб Бекиров, Герой Социалистического Труда, главный инженер колхоза имени Ленина, бывший бригадир первой комплексной бригады в совхозе «Баяут-4», — до него о механизации много разговаривали, а он повернул дело так, что всю работу начали делать механизмы. Заинтересовал механизаторов в том,

чтобы техника не простаивала. Например, прежде бывало, трактор стоит, а тракторист в тени от трактора спит. «Простой, — говорит, — не по моей вине, минимум мне все равно совхоз заплатит». А при Юсупове, когда бригады стали комплексные, каждый понимает: трактор стоит, культивация не проводится, сорняки хлопчатник заглушат, урожая не будет, расчет получишь еле-еле... Ну и так далее. А тут еще товарищи по бригаде напирают: «Ты стоишь, нам за тебя вкалывать, а доход будем делить поровну». Короче, берет тракторист разводной ключ и лезет под машину. А назавтра придет, еще темно, чтоб трактор подготовить.

Конечно, он не одной материальной заинтересованностью брал. Все к нему сразу любовь почувствовали, потому что он о народе заботился. Вот пример: у нас тут в первые годы малярия прямо свирепствовала. Комаров было — невозможно на улицу выйти. Юсупов привез специалистов, самолет нанял: болота опрыскивали и свели малярию на нет.

Не хочу все-таки говорить, что Юсупов сделал «Баяут» процветающим. Это невозможно было сделать сразу. Но фундамент для этого заложил он. И никто другой.

У каждого — а в совхозе не было человека, включая школьников, с которым Юсупов так или иначе не сталкивался бы лично, — остались воспоминания и представления о нем в известной мере субъективные, но в общих, главных чертах совпадающее. Естественно, что парторг Алтынбеков заметил то, что ускользнуло от других. Усман Юсупович, коммунист с самым большим во всем районе стажем, приходил на партийные собрания за полчаса до начала. Садился на скамейку рядом с рабочими, а не за стол президиума по мнимому праву старшего и руководителя.

— Держите партийную дисциплину, партийную демократию, — требовал он от Алтынбекова.

Если не мог явиться на бюро, по десять раз звонил, приносил извинения.

Вот и опять: убеждения не были для него ни догматом, ни привычкой. Они были плотью и кровью Юсупова.

В совхозе было много переселенцев из отдаленных районов, предгорных, степных. Девушки из этих семей, выходя на люди, накидывали на голову бархатный жилет (джиляк, этакий рудимент сгоревшей в тридцатые годы паранджи). Юсупов нового художника не начал. Обратился к старикам, и от них вышло повеление: сбросить джиляки. Вновь подтвердилось, как он, исконный сын Востока, знал его нравы и этику.

Когда начиналась страдная пора, на уборку хлопка первыми выходили

аксакалы — старейшины вместе с Усманом Юсуповичем. Обставлялось это торжественно, даже празднично. Ревел карнай, на полевых станах вмазывали в очаги черные огромные котлы для плова. Вслед за стариками выходили на поле все до единого. Никого не надо было понуждать или убеждать. Действовал закон Востока.

С первым караваном отправлялся на хлопкопункт директор совхоза Усман Юсупов. Гордился, если удавалось опередить соседей, подтрунивал беззлобно:

— Жены у вас, видать, молоденькие: спите допоздна.

Болез за честь совхоза. Только ли? Осенью, в дождливую ночь, когда давали последние центнеры, сотые процента, без которых план не был бы выполнен, к нему постучались, подняли и сообщили, что плана не будет: последнюю партию хлопка приняли с огромной скидкой на влажность. Он вскочил, ругаясь, и люди пожалели, что разбудили его, так болезненно выглядел в ту ночь Юсупов. Но о том, чтобы остановить его нечего было и думать. Он отправился на грузовике на заготовительный пункт. Думали, сейчас Юсупов заставит лабораторию сделать новый анализ и докажет, что скидка завышена. Так поступали, бывало, руководители хозяйств, умеющие, как говорится, постоять за себя.

Юсупов, топая по лужам кирзовыми сапогами, пошел не в лабораторию, а на склады. Узнал, где хлопок, сданный только что «Баяутом-4», зло выдрал клочок из вороха, растер пальцами, даже понюхал и сплюнул. Не заботясь об изысканности выражений, высказался в том смысле, что государство ждет от нас хлопка, а мы вот даем ему дрянь. Велел грузить хлопок на машины и везти на сушилку. Дежурный отговаривал Юсупова: суши, дескать, не суши — третий сорт первым не станет.

— Посмотрим, — сердито сказал Юсупов.

Он провел всю ночь на сушилке, у смердящей печи, в пыли, следил сам за тем, чтоб хлопок не сгорел: чтоб улучшить момент, когда пора выгребать очередную партию хлопка, требовался его опыт. Утром сам сдал первым сортом. Выяснилось, что приемщики, как всегда, ошиблись в свою пользу, завысили скидку на влажность.

Юсупова поздравили с выполнением плана. Он думал о другом. Пообещал взыскать строго с тех, кому безразлично все, кроме цифр. Ворчал:

— Из-за чего беспокоились, подумай: полпроцента не хватает! А мокрую пахту сдавать не стыдно было! Заберет, значит, государство, а потом трава не расти...

Лицо его было отечно, серо. Дышал он еще трудней, чем обычно.

После этих треволнений и бессонной ночи на сушилке слег, как ни крепился. Врачи приехали из района, сказали, надо немедленно лечь в клинику, иначе будет совсем худо.

Он лежал, дожидаясь санитарной машины, окруженный помощниками. Были здесь и Алтынбеков, и инженеры Пак и Макулбеков, и главный агроном Виктор Хайдунов. Совсем еще недавно носил Виктор титул — молодой специалист. Ехал после окончания института вместе с однокашником Махмудом Токовым в целинный совхоз без уныния (молодые, поработаем два-три годика), но и без восторга. Может, действительно бросили бы парни «Баяут» в поисках более благоустроенных мест или аспирантуры, не попади они к Юсупову. Он сразу предоставил обоим самостоятельность: назначил Токова — тот до института работал бригадиром в одном из совхозов — управляющем третьим отделением, а Хайдунова — агрономом к нему. Верный своим правилам, проверил делом, сознавая, что риск допущен. Но видел: ребята молодые, здоровые, грамотные и, что само собой разумеется, хотят показать себя в работе. Не ошибся. Они трудились, не щадя себя, и росли. Всего за пять лет оба вышли в руководители: Хайдунов был назначен главным агрономом «Баяута-4», а Токов стал директором нового совхоза. Оба благодарны судьбе за то, что сразу после институтской скамьи получили такого наставника, как Усман Юсупович.

В то по-печальному запомнившееся утро он сказал, что поручает хозяйство Хайдунову, надеется на него. Его упрекнули все же, не следовало, дескать, так переживать из-за того мокрого хлопка. Нашли бы еще тонну-другую, а если бы даже план чуть-чуть недовыполнили, здоровье все равно дороже. Юсупов сказал доброжелательно, преодолевая боль, морщась:

— Дурак ты, честное слово. По-государственному мыслить надо, вот в чем суть. А он — план... — посмотрел на Хайдунова. — Вот у Виктора подход правильный.

На скромной для него должности, в обстоятельствах, когда иной прикрылся бы от упреков тем тоненьким щитком, в который из жалости стесняются метать стрелы («Я, однако, теперь человек маленький, что с меня возьмешь?»), Юсупов оставался деятелем государственным. Отсюда и стиль руководства совхозом, и неприятие местничества, узости, требование видеть перспективу, и непосредственно — забота о делах, касающихся всей республики. Об одном, о комплексных-бригадах, уже говорилось; вторым важным, как то подтвердило будущее, начинанием, родиной которого тоже

явился «Баяут-4», была новая система поливов.

Открытие это было сделано не в бессонные ночи за крепким чаем и спорами до хрипоты, как то показывают порой в телевизионных спектаклях. К новой системе привела широта юсуповского взгляда на жизнь, практика и свойственная искони Юсупову бережливость по отношению к высшему благу Азии — воде. А непосредственным поводом явился приезд Георгия Анисифоровича Хорста, бывшего Гоши — управляющего делами союза строителей, с которым сидели в разгороженной фанерными стенами комнатке под лестницей Дворца труда. Целый век прошел с той поры, а точно — три десятка лет. Георгий Анисифорович трудился теперь в Ирригационном институте на кафедре мелиорации, побаливал, но, узнав, что студентов отправляют на уборку хлопка в «Баяут-4», к Юсупову, собрался с силами и поехал с ними.

Любопытная для характеристики обоих этих людей подробность. Хорст жил вместе со студентами в здании школы, выходил в поле вместе с ними на рассвете, когда на белесо-зеленых листьях хлопчатника, на жестких колючих створках, из которых выглядывал белый комочек ваты, густо лежала холодная роса, расспрашивал пожилого бригадира, хмурого переселенца, приехавшего год назад из Ферганы, об Усмани Юсуповиче, но сам зайти к нему не решался. Тридцать лет прошло, срок большой, ну как не подумать о том, кем был Юсупов во все эти годы, какие высочайшие посты занимал, какие люди его окружали... Наивно полагать, что даже в его обширной памяти сыскался уголок, где хранится во всем своем непрезентабельном виде тощий студент Гоша, который прячет конспект под скоросшивателем с протоколами.

Юсупов и впрямь раз-другой, когда Хорст попадался ему на глаза, проходил мимо, все же будто спотыкаясь. Хорст тоже давно не видел его вот так, рядом с собой. С сожалением, забыв в это время, как все мы, о том, что и он сам, увы, совсем не похож на того, двадцатилетнего, отмстил, как отяжелел, осунулся Усман Юсупович, как трудно ему ходить и дышать. Юсупов все же уловил однажды этот взгляд — не постороннего, а близкого человека. Он постоял с минуту, глядя на Хорста, потом спросил, ткнув пальцем в грудь ему:

— Скажите, вы в профсоюзах не работали? Хорст только руки распростер в ответ.

Юсупов позвал его к себе. Все повторял за чаем:

— Молодец ты. Так и надо: не смотри на болезнь, работай. Я вот тоже: полежал, полежал — надоело, ей-богу! Встал.

Говорили не только о прошлом, как водится при встрече старых

сослуживцев. Юсупов поделился с Георгием Анисифоровичем (специалист-ирригатор, стоит ли упускать возможность!) своими мыслями о поливах в условиях Голодной степи. Его давно беспокоило, что на новых землях, в руководимом им совхозе в том числе, где возделывание хлопчатника организуется на современной основе, где почти все процессы механизированы: и пахота, и нарезка поливных борозд, и продольная культивация, и даже уборку уже отчасти проводят машины, — поливы осуществляются на том же уровне, что при Тамерлане. От участкового канала (распределителя) отводят поперек уклона ок-арык для каждого поля, а из него питают многочисленные борозды; справа и слева от каждой — грядка с кустами. Усталый от бесконечного хождения с грядки на грядку поливальщик в покоробившихся кирзовых сапогах, в почерневшей от пыли и пота сорочке без ворота, сквозь которую видна широкая загорелая грудь, открывает, отваливая кетменем ком земли у горла каждой борозды, дорогу воде; едва дойдет до края поля, надо возвращаться: излишняя влага хлопчатнику тоже ни к чему, да и вода дорога. И так во всю ночь, благо хоть луна иногда светит, не то с фонарем ходить. Больше трех — трех с половиной гектаров поливальщик за сутки обслужить не успевал, а счет площадям в том же «Баяуте-4» шел уже на тысячи гектаров. Людей же всегда не хватало.

Беда была еще в том, что тракторам было трудно, подчас невозможно перебираться через поперечные каналы. Из-за этого обработку растений можно было вести только вдоль борозд, а поперек поля приходилось пускать рабочих все с теми же кетменями в руках.

И Юсупов, и Хорст, каждый своими путями, пришли к одной и той же мысли: следует отказаться от выводных арыков, заменить их группой распределительных борозд, питающихся непосредственно из канала (временного оросителя). Иными словами, осуществлять полив сразу по бороздам. Одна эта мера позволяла в два раза повысить производительность труда поливальщиков. Помимо этого, за счет ликвидации ок-арыков можно сохранить два процента посевных площадей (пересчитайте-ка на миллионы гектаров, освоенных, в Голодной степи!), улучшится и мелиоративное состояние полей.

В номере одиннадцатом журнала «Социалистическое сельское хозяйство Узбекистана» за 1956 год появилась статья об этом. Называлась она: «Пути рационализации полива хлопчатника в Голодной степи» и была подписана директором совхоза «Баяут-4» У. Ю. Юсуповым и заслуженным ирригатором Г. А. Хорогом. У самых ярых злопыхателей (а были, что скрывать, и такие) язык не повернулся произнести банальную фразу: «М-

да, не те теперь масштабы у Усмана Юсуповича...»

Масштабы были все те же — общегосударственные, и это для нас сейчас важнее, чем вопрос о том, было ли повсеместно встречено с одинаковым одобрением то, что предлагали Юсупов и Хорст, и к каким результатам привело на практике.

Не обиделся, не замкнулся в своей скорлупе.

Стоит ли говорить, что Юсупова не забывали. То и дело заворачивали к нему, хотя совхоз расположился в стороне от больших дорог, то начальник Главголодностепстроя Саркисов, то другие старые друзья: Гани Ходжаев, начальник Ташкентской дороги, или Юлдаш Бабаджанов. Приходили в первые годы (дело, как говорится, прошлое, да и кто осудит за благородный порыв?) колхозники из Ферганы и Джизака; ухитрялись вырваться даже в самую горячую пору хоть на несколько дней, чтобы помочь в работах хозяйству Усмана-ака.

Азиз Пулатович Каюмов, почитающий его по праву вторым своим отцом, добирался к нему в первую же осень пешком, разумеется, бескрайней соленой степью. Шел, шел, выбился из сил, встретил — совсем как в сказке — старика с посохом. Спросил, где центральная усадьба «Баяута-4». Старик ничего не понял. «Ну новый совхоз где?» — «К Усману-ака направляешься ты, сынок? Так и говорил бы. Иди вон к тому каналу...»

Было уже совсем темно, когда Азиз Пулатович добрался до глиняного домика. За низенькой дощатой оградой росло несколько чахлах деревьев. Правда, стоял уже навес для жиденького виноградника, видно, только нынешней весной посаженного. Для Азиза Пулатовича то было как Юсуповская примета. В комнате стояла только солдатская койка хозяина да стол.

— У меня теперь порядок, — сказал Азизу Пулатовичу Юсупов, — койка возле стенки. А старый директор ее по всей комнате двигал, если дождь идет. Крышу ремонтировать не хотел. Думал, все равно скоро бросит эту Голодную степь.

В щели задувал ветер.

— Как спал? — спросил утром Юсупов, и Азиз Пулатович понял, что вопрос не праздный, не единой вежливости ради.

— Хорошо, — ответил он и объяснил: — Я же кокандский, вы знаете. У нас же ветра, ветра...

— Молодец, — сказал Юсупов, — ты умеешь находить хорошее даже в самом плохом.

Нужно ли говорить, что он сказал это и о себе.

Вспомним еще раз Герои Социалистического Труда Насиба Бекирова: «Не хочу говорить, что Юсупов сделал «Баяут» процветающим... Но фундамент заложил он».

В совхоз, страдающий от недостатка рабочих рук, пришли люди. Их привлекло многое: популярность, авторитет Юсупова, попросту любовь к нему. Этого, однако, было бы недостаточно. Переселенцы были уверены, что там, где Юсупов, все будет хорошо: быстро наладится жизнь на новых землях, будет богатое общее хозяйство, хорошие заработки, усадьбы. Они не ошиблись.

Юсупову работать приходилось несколько легче, нежели директорам соседних целинных совхозов. Он просто-напросто не щадил себя и — вот это уж, наверное, и впрямь преимущество перед иными — не боялся, отстаивая право и правоту свою, испортить отношения с начальством в районе или даже в столице.

В 1958 году в «Баяут» прибыли переселенцы из Фариша. Триста хозяйств с детишками и домашним скарбом. Разместились, пока было солнечно, во временках, начали по указанию Юсупова возводить сырцовые стены будущих домов своих, но не было балок и досок, а близился период дождей. Папки в конторе пухли от переписки. По телефону обещали уже полгода: «Следующая: очередь наша. В понедельник отгружаем...»

Он оставил все дела, махнул рукой на предостережения врачей (это было после очередного сердечного приступа) и сам поехал в Ташкент. Три дня подряд путешествовал из приемной в приемную, упорный, готовый снести все, но добиться выполнения того, что положено по законам — государственным, партийным, человеческим.

На четвертые сутки, пасмурным утром пригнал он на свою станцию пять вагонов леса. Выяснил, кстати, что соседний совхоз по той же разнарядке получил лес еще два месяца назад. Зубами Юсупов от обиды не скрипел. Принимал и такие факты как должное. Для него тоже делали кое-что, потому что он Юсупов. Как-то, завернув к нему, Акоп Саркисов застрял со своей «Волгой» в баяутской грязи. Юсупов прибыл на место происшествия с трактором, вытащил Акопа, давнего товарища, смеялся, подстрекая: «Ну что, будешь теперь дорогу строить?» И начальник Главголодностепстроя действительно распорядился, чтобы в совхоз к Юсупову дорогу проложили в первую очередь.

«Одна пчела укусит, зато другая меду принесет», — как говаривают узбеки.

Юсупову было не легче, чем всем. Потому и дорого то, что он сделал, будучи директором «Баяута-4».

Зарабатывать при нем стали в два с половиной раза больше, чем прежде. Построили себе хорошие дома, посадили сады и виноградники. Деревья были его непреходящей любовью. Сам стоял в кузове, когда развозили юные яблоньки, вишни, персики по усадьбам.

— Бери двадцать штук, Ишбай-ака.

— А сколько за каждую?

— Три рубля.

— Кой, кой...

— Подожди. Меня послушай. Приживутся деревья, будет тебе бесплатно. Засохнут — возьму вдвойне.

Действительно проверял потом в течение пяти лет, живы ли деревья.

Да только ли сады! Мяту завез в Голодную степь с юга, из самого Термеза. Запах у нее, всем известно, приятный, а настой из сушеных листьев — отличное средство для лечения желудка.

Свет в «Баяут-4» подали с Фархада. С той самой ГЭС, которую строил в годы войны он, секретарь ЦК КП Узбекистана.

Электрификация тоже была непростым делом, но справились и с ним. Водокачку построили в самую первую очередь. Начали качать артезианскую воду. Заставил районных техников установить, во всех новых домах радио. Школа и больница — он в родном Янгиюле кирпич выпросил, пальцем считал каждую штуку — появились в первый же год его директорства. Выгнал жуликов из рабкоопа. Добился, чтоб привозили для рабочих свежие продукты, овощи.

Заказал проектному институту генплан совхоза, и все строительство теперь вели в соответствии с этим планом. Просил, чтоб в генплане предусмотрели и строительство собственного совхозного хлопкозавода, но пробить это не удалось.

Двадцать девять коров было в хозяйстве, когда он его принял. Все к тому же бруцеллезные. Через, несколько лет в коровнике стояло три сотни здоровых коров. Ну и, разумеется, первое по значению — хлопок. На второй год «Баяут-4» выполнил план — и по освоению новых земель, и по валовому сбору, и по урожайности. А потом начался рост: не бурный, не поразительный, но, как говорится, неуклонный...

Совет Министров Узбекской ССР наградил Юсупова Усмана Юсуповича, директора совхоза, за успехи, достигнутые хозяйством в производстве хлопка и других культур радиолой «Рекорд». То была далеко не самая высокая премия: иные хозяйственники получили даже «Москвичи», но Юсупов был счастлив: отметили его. Сам стирал с глянцевого бока «Рекорда» пыль. Берег его до конца жизни.

А год спустя его пригласили на традиционный курултай хлопкоробов в Ташкент, в театр имени Навои. Ехал и волновался. Это было вполне понятное волнение человека, отвыкшего от больших представительных собраний, от торжественных речей и оваций. Войдя в зрительный зал театра, он сел с краю, у прохода: в середину ряда пробираться ему было трудно.

В зале было много молодежи, незнакомых ему лиц. Молодые люди оживленно переговаривались. Но краем глаза он замечал: на него изредка поглядывают, его узнают. И он чувствовал, что во взглядах, обращенных на него, не праздное любопытство, а молчаливая симпатия и, может быть, еще что-то большее.

Объявили перерыв, он хотел выйти в фойе, но ждал, когда освободятся проходы. Тогда-то и произошло неожиданное: его пригласили занять место в президиуме...

Там же, на курултае, вручали награды. Когда объявили громко:

— Медалью «За трудовую доблесть» — Юсупов Усман Юсупович, директор совхоза «Баяут-4», зал поднялся как один человек. Он долго ждал, пока стихнет шум, не дождался, подошел к микрофону, хотел что-то сказать, но поперхнулся, выкрикнул несколько несвязных слов каким-то не своим, высоким голосом и смолк, и стоял, глядя на восторженно хлопающих, кричащих людей, и не стыдился слез, счастливый, гордый, — Усман Юсупов, награжденный шестью орденами Ленина...

Об одном хочется сказать еще: уже при жизни Юсупова восторжествовала широкая колея. Так же, как на железных дорогах мощным тепловозам смехотворно не соответствовала бы узкоколейка, по которой, натужно пыхтя, когда-то катились дымящие «овечки», так же и в поле: могучей четырехрядной СХМ нужен был размах в шаг. В знаменитом совхозе «Малек» у прославленного директора Бочкарева впервые применили широкие междурядья с одиночным стоянием растений на грядках и пустили уже не отдельные хлопкоуборочные машины, а собрали с их помощью весь урожай. И оказался он все таким же высоким, как обычно в «Малеке».

Вскоре широкие междурядья пришли на все узбекские поля, в «Баяут-4» тоже. Правда, Юсупов к тому времени уже сдал хлопководческий совхоз новому директору.

Как было легко в финале прийти к идиллии, прежде всего не в этом жизнеописании, а самому нашему герою на склоне его лет; безмятежность (причем в самом буквальном смысле — на лоне цветущей природы) могла бы стать уделом этого шестидесятитрехлетнего человека, так много и

плодотворно послужившего своим убеждениям и своему народу. Прошло три года, как он получил право на пенсию. Многого, если иметь в виду быт ему не нужно было: маленький домик, хауз во дворе, виноградник, цветник — вот и все, и все это было не так уж трудно осуществить, поселившись в том же родном Янгиюле.

Он и вернулся сюда, но по-юсуповски: не стариком, вышедшим на заслуженный отдых, с заслуженными наградами, которым даже на его широкой груди было бы тесно, — попивать в благостный азийский вечер чай, смакуя, как то умеют только узбеки, каждый глоток и, не тревожась ничем, предаваясь неторопливым воспоминаниям, посреди почтительного молчания соседей, благоговейно слушающих самого Усмана-ака, а по утрам сидеть над мемуарами (Юсупов этого, как известно, не успел сделать, и это единственно из упомянутого ряда, о чем стоит пожалеть). Последние шаги его были тоже трудовыми, и сделал он их на той же земле, на которой полвека назад начал работать.

То была местность, неподалеку от бывшего селения Каунчи, называемая Халкабад. В честь знаменитого земляка местности этой дали имя «Усманабад». Первая составная — имя Юсупова, а слово «абаций» означает по-узбекски «вечность». Уезжая министром в Москву, не зная, вернется ли в Узбекистан вообще, он сказал:

— Я здесь действительно работал когда-то я саду у Машкова, у Алексеева. Но все, что здесь есть, сделано руками народа. Пусть же будет это Халкабад...

«Халк» означает «народ».

Произнеси что-либо подобное кто-то, позади которого как бы постоянно присутствует незримый, почтительный летописец и фиксирует, фиксирует для потомков каждое изречение выдающегося человека, слова эти (да и сам поступок) могли бы показаться рассчитанными на эффект, но кому-кому, а Усману Юсуповичу рисовка была несвойственна. К тому же, повторим, он не был уверен, что будет опять работать в Узбекистане, а коли так, то, казалось бы, наоборот: позаботиться об увековечении имени твоего!

Но он был и мудр, и попросту совестлив, и опытен: тщета рассудочных высоких слов была ему известна. Единственно, что не изменит ни в настоящем, ни в будущем, — дело. Он и был рыцарем дела, и чем оно было труднее, до неодолимости подчас, тем больший смысл приобретал каждый день, отданный работе. Потому и не согласился уйти на тот заслуженный отдых, а коли уж захотели уважить, попросился на тяжелую должность директора первого в республике агропромышленного объединения, созданного по решению Советского правительства в упомянутом Халкабаде.

Да, позволил себе на старости слабость: оставил «Баяут», подумалось — удастся все же осуществить ту непогасшую, оказывается, мечту, которая грела с юности, когда рысцой носился по голым каунчинским холмам с загадочной рейкой в руках, пренебрегая уколами острых, словно гвозди, верблюжьих колючек, ступая прямо по ним потрескавшимися босыми ступнями. Сидел однажды на самом верху пологого кургана, ожидая, пока строгий недоступный топограф в зеленой с белым верхом фуражке подаст рукой сигнал, а тот, оказывается, позабыл о любопытном, но сдержанном туземном парне в штанах из мешковины, едва закрывавших колени. Усман сперва следил за фигурой топографа, пытаясь понять, что тот делает: записывает ли что-то в толстую красивую тетрадь или закусывает; потом забылся, заглядевшись на бесчисленные холмы, похожие на большую отару, которая прилегла отдохнуть у линии горизонта. Холмы были голы. Много, много пустующей земли. Естественная мысль пришла в голову: были бы здесь сады, вот так же — до самого края, куда глаз хватает... Сады в жемчужном весеннем цвету, в янтарных, нефритовых, рубиновых плодах — ясной туркестанской осенью.

Мечта была красива, как все мечты, а потому казалась еще неосуществимей. И вот в самом конце 1962 года пришел черед уже не мечте — делам. И он не устоял перед желанием оставить все же после себя сад — не в переносном — в самом прямом смысле.

Он был болен, это видели все и поэтому отговаривали, желая искренне добра. Но он-то знал лучше всех, что такое добро для Юсупова. Одной лишь Юлии Леонидовне признался:

— Пусть жизнь короче будет. Тем более надо спешить: сажать, сажать, сажать деревья надо. Мы не успеем попробовать, внукам будет.

Мечта, как это бывает в жизни Юсупова постоянно, соединилась и на этот раз с велением времени. Время требовало новых, более прочных и надежных, самых непосредственных связей между сельским хозяйством и промышленностью.

Еще сорок пять лет назад планировалось создать свыше трехсот аграрно-индустриальных комбинатов, однако не было тогда достаточных средств и техники. Осуществляться мечта начала только в шестидесятые годы, и пионером воплощения ее в жизнь в Узбекистане стал Усман Юсупов.

Вот что предстояло сделать на девяти с половиной тысячах гектаров целинных и залежных земель за Бозсуйским массивом: посадить на шести тысячах гектаров сады и почти что на двух тысячах гектаров виноградники. Построить холодильники, реконструировать маломощный консервный

завод, с тем чтобы он давал 70 миллионов банок фруктовых и овощных консервов ежегодно, а также Янгиюльский винный завод, который должен был выпускать семь миллионов декалитров вин и коньяков в год. Объединение должно было производить в каждый-сезон 115 тысяч тонн фруктов, 35,5 тысячи тонн винограда. 350 тонн мяса, 3 тысячи тонн молока, 80 тонн меда, 13 тысяч тонн овощей. От себя Юсупов добавил к планам еще и 8 тысяч тонн хлопка, имея намерение выращивать его в междурядьях, пока деревья не поднялись высоко.

Итак, менее всего походила на идиллию его жизнь в течение последних трех с половиной лет, хотя она и протекала... Нет, теперь, когда читатель уже знает многое о Юсупове, он согласится, что **иные** глаголы следует по праву поставить в привычное словосочетание, юсуповская жизнь не текла спокойно даже сейчас; она напоминала все тот же вуадильский поток, который то несется упруго и могуче, вырвавшись из тесного ущелья, сметая со своего пути камни, грохоча и торжествуя, то остановится перед препоной, накапливая силу, напряжась до предела, и ринется, торжествуя, опять вперед, то разольется по равнине, казалось бы, умиротворенно, устало, но лишь до поры, пока не будет преодолен крутой подъем, и вновь — стремнина, и пенная удаль, и хрустальный звон капель, и песенное ликование на перекатах... Движение это при всей романтичности его все же не самоцель. Смысл его в том, чтобы поток, рожденный в сердце гор, стал спокойным трудягой — каналом, разветвился тысячами аккуратных арыков, принес дыхание миллионам корней и жизнь краю...

Впоследствии, оценивая деятельность Юсупова в Халкабаде, произнесут привычную фразу: «...Отдавал всю свою кипучую энергию, весь свой недюжинный талант организатора и руководителя делу, которое было ему поручено партией». И будет это не данью случаю, а истинной правдой. И здесь он был не просто одним из хороших директоров, а Усманом Юсуповым. Он привнес в дело размах.

Предполагалось вначале, что комбинат будет снабжать свежими фруктами Ташкент, а другие районы страны — консервами. Юсупов сказал, отстаивал идею большого Халкабада:

— Нечего скрывать: есть много на Севере людей, которые не едят и килограмма винограда в год, тогда как в других областях приходится до тридцати килограммов на душу. Чем те люди хуже других? Это же наши, советские люди. Надо дать им узбекский виноград, персики, сливы.

Он не оставлял в покое проектировщиков, со всем юсуповским пылом и увлеченностью отстаивал идею сада-гиганта. Как раз в это же время

вышло постановление о большой химии. Многие недоумевали, останавливали Юсупова: кто сейчас даст такие большие деньги, каких требует осуществление вашего проекта? Он сердился:

— Так рассуждают люди, не умеющие видеть ничего, кроме новой директивы. Будто нет и не будет ничего, кроме нее.

Выступил на ответственном республиканском активе, держа в руке красивое яблоко:

— Я, — сказал, — голосую за большую химию обеими руками. Химия даст нам одежду, обувь, мебель — все, что хотите. Но вот этот яблоч (он произносил это слово так, будто оно мужского рода), этот яблоч (высоко поднял яблоко над головой) она вам не даст. А если даже даст, вы его кушать не будете...

Привел соответствующий пункт об аграрных объединениях из Программы КПСС. Сказал: какие ни принимались бы конкретные постановления, главным документом, определяющим перспективу, остается Программа. Вернулся к Халкабаду.

— Консервные заводы наши загружены всего лишь несколько месяцев в году. Но беда не только в этом. Посмотрите, что они выпускают? Они же перерабатывают не самые лучшие, как полагалось бы, а самые худшие овощи и фрукты. Если на рынке избыток, если товар начинает портиться, колхозник несет его на приемный пункт. И иначе не будет, пока само государство не начнет выращивать фрукты в большом количестве. Нужны тысячи гектаров совхозных садов, нужны заводы, холодильники, сушильные предприятия. Нужно, чтоб рабочие жили в хороших домах, чтоб были современные школы, больница, клуб...

Убедил проектировщиков. Получил смету к новому проектному заданию — 94 миллиона рублей. Взялся за голову: такая сумма — «потолок» даже для союзного правительства, республика таких ассигнований дать не вправе.

Думали, думали вместе с верным другом и помощником Шамедом Чакаевичем Айтметовым, давним сподвижником, который возглавлял когда-то исторические стройки — Беговатский металлургический комбинат, Каттакурганское водохранилище. Недавно Юсупов встретил Айтметова в Ташкенте, тот сказал, что хворает, собирается на пенсию.

— Ну это ты брось! Какой ты пенсионер? Приезжай ко мне в Халкабад. Будем работать вместе.

Айтметов приехал.

— Ну спасибо! — радостно сказал Юсупов и велел шоферу: — С сегодняшнего дня будешь возить Шамеда Чакаевича, — и тут же вручил

Айтметову постановление Совмина о Халкабаде. — Прочти, только внимательно, скажи, что думаешь.

Вечером Шамед Чакаевич сообщил жене, Алисии Николаевне:

— Я у Юсупова работаю.

— Кем?

— Не знаю, ей-богу. Да и неважно. Работаю — и все.

Он был, независимо от того, как называлась его должность, правой рукой Усмана Юсуповича. Вместе искали они и пути для сокращения сметы. На семь миллионов уменьшили расходы на ирригацию; решили, что удастся еще разок тряхнуться стариной — сделать кое-что методом народной стройки. Несколько сотен участков для домов решили отдать индивидуальным застройщикам. Нашли и другие возможности, но только не в ущерб садам, и Айтметов, с проектным заданием на 49,9 миллиона рублей (хитро: все же не 50!) поехал в Москву, согласовал проект и расходы в Госплане и Госстрое, и вскоре на холмах над арыком Бозсу начались работы.

Юсупов разослал своих людей во все области Узбекистана, вручил каждому письмо, адресованное такому товарищу, который поймет и поддержит дело, начатое в Халкабаде. Везли саженцы из Ферганской долины, из знаменитого института имени Шредера, из колхозов, где были богатые сады, а Юсупов знал их наперечет. Привезли хурму и даже лимоны из собственных узбекских субтропиков — из Сурхандарьинской области, где их выращивают в известном совхозе «Денау». «Известия» сообщили: «В Узбекистане создается гигантский сад, который даст один миллиард штук яблок — по пять яблок на каждую душу населения СССР».

Полмиллиона яблонь было высажено в Халкабаде при Юсупове. Он сам показал каждому рабочему, как надо сажать правильно: когда яма уже засыпана землей, возьми за ствол и вздерни раз-другой, чтоб корни расправились. Разумеется, всем, может, за исключением нескольких юнцов, и это, и вообще все, что относится к посадке деревьев, было хорошо известно, но Юсупов делал свое движение («вот так надо вздернуть...») настолько артистически, что даже опытным садовникам казалось: они сами прежде делали хуже. Шестидесятые годы... Мощные тракторы шутя одолевали халкабадские откосы, волокли за собой многорядные плуги и канавокопатели. Отличные (незасоленные, как в «Баяуте») земли, сытая богара и пастбища стали замечательным грунтом для фруктовых деревьев и винограда. 70 насосных станций начали качать воду для садов из Бозсу, из Северного ташкентского канала (вспомните народную стройку времен войны!). И встали яблоньки, по сотне на каждом гектаре — ровные, в

линеечку, ряды, с какой стороны ни глянь, как девушки в спортивном строю на праздничной площади, — сравнение это приходило всем на ум невольно весной, когда яблони-трехлетки впервые зацвели. Яблони начинают по-настоящему плодоносить лишь на десятый-одиннадцатый год, поэтому между ними посадили косточковые породы: персик, сливу, алычу, вишню.

Уже на третий год урожай персиков удался такой, что собирать не успевали: смуглые, словно подпаленные с одного бочка, покрытые золотистым пушком плоды падали на траву (черенки не выдерживали тяжести). Он не мог смотреть на это.

— Слушай, — сказал Айтметову, — привози в выходной из города людей. Поработают в саду, на свежем воздухе, соберут килограмм по сто, погуляют, отдохнут.

Нашелся осторожный, предупредил:

— За всеми разве уследишь...

Юсупов вспылил:

— Ну и что, если каждый возьмет пять-шесть кило? Не спекулировать же, кушать! Себе, детям. На здоровье!

Так говорил в этом случае Юсупов, для которого государственная копейка была священна. Позаимствовать пустяк для личных нужд — святотатство.

На такой должности, у «золотого дна» должен находиться коммунист. Здесь напрасны эпитеты — честный, преданный народу и т. д. Коммунист — этим сказано все. Человек, находящий единственный смысл жизни в служении идее, пусть он немного фанатичен; не надо, как говорят, бояться ни этого слова, ни этого свойства честной души.

Оба они, и Усман Юсупович, и Юлия Леонидовна, были коммунистами. Вспоминают, — странно, что не без удивления, — как педантично отсчитывала она кассирше в рабочей столовой пять копеек за стакан компота. Если были у Юсуповых зримые враги, то это, после фашистов, — стяжатели, ловчи́лы, воры, запускающие волосатую руку в богатую общественную казну.

Два типчика из краев заморских (если считать, Каспий морем) явились однажды и к Юсупову в Халкабад. Явились так, будто в Узбекистане собственные жулики перевелись. Сказали, поблескивая золотыми зубами, почтительно двигая мощными, до синевы выбритыми подбородками, что они-де редкие специалисты по производству шампанского ускоренным способом, который в Узбекистане еще неизвестен, а жаль, потому что трудящиеся очень хотят пить недорогое шипучее вино.

Оба стояли у крыльца конторы. В помещение Юсупов их не пустил.

Невдалеке подремывал в своей размеченной шашечками «Волге» нанятый в Ташкенте таксист.

— Пятьдесят пять рублей, — сказал Юсупов.

Они не поняли.

— Пятьдесят пять рублей в месяц в золотые зубы каждому, — объяснил он. — А украдете копейку — повешу без суда. Сам. Устраивает?

— Шутите. — сказали они и, вымученно улыбаясь, пошли к машине, но Юсупов, побагровев, крикнул своим людям, чтоб шофера задержали и составили акт на него: как он смел, мерзавец, гонять в район городское такси?

— Вон! — крикнул Юсупов, и дельцы рысцой затрусили к большой дороге, вмиг растеряв апломб и нагловатость.

Стыдно упоминать о подобных ничтожествах рядом с именем Юсупова. Но они же были и есть, к сожалению, — существа, исповедующие животные идеалы счастья: кто сам лучше спит и сам лучше жрет, тот живет достойнее. «Как настоящий мужчина», — добавляют не без самолюбования.

Вот он был мужчиной в самом полном и самом высоком смысле. Он был отцом многодетной семьи, и судите сами, каково было ему получать от жены вот хотя бы такие письма: «...К зиме купила Ульмасу и Фархаду форму и Ульмасу зимнее пальто. Но ни у меня, ни у Зои, ни у Инны нет зимней обуви. Ходим черт знает в чем. Инна через месяц должна уехать в Ленинград. Там очень холодно, а у нее нет зимней одежды.

...В доме у нас страшный холод, котельная обогревает очень плохо; оказывается, эта котельная рассчитана на другой вид топлива, — уголь горит плохо. Пробовала топить дровами — от дров нагревалась хорошо, и было тепло, но дров у нас нет.

Усман, хочется поехать к тебе, но оставлять одну Инну с ребятами нельзя...»

И все же не жалобы на нелегкий быт главное в этом письме, посланном в совхоз «Баяут-4».

«...Дело в том, что тебе, мне и особенно детям нужно, чтобы мы были все вместе».

Он не стал тогда благоустраивать ташкентский дом — привез всех в совхоз. Семья жила на том уровне, на каком положено жить семье директора. Только так. Был, правда, случай, он пожалел, что нет у него ни гроша на сберкнижке. Уже в Халкабад приехали в гости к нему белорусские товарищи, из тех, что жили в Узбекистане в годы войны. Он позвал на плов, угостил превосходно, но все-таки попросил жену:

— Дай-ка все, что у нас осталось до зарплаты. Пошлю шофера в рабкооп за халатами. Какой же я узбек, если отпущу гостей без подарков?

Предлагали ему — взять из кассы, а потом оформить расход решением дирекции. Он отказался жестко:

— Нет. Они ко мне приехали. Лично.

Не забывал упомянуть, когда давал кому-либо на прощание дыню или виноград, что это из собственного сада. Присутствовал здесь, разумеется, и оттенок авторской гордости: вот, мол, что за чудо я вырастил в этой просоленной степи. В «Баяут» приезжал к нему Константин Михайлович Симонов, всегда искренне любивший Юсупова. Уже затемно вышли и сад... Юсупов велел зажечь факелы и показывал, гордясь, гранаты, виноград, айву, яблони, цветы. Дал гостям секаторы:

— Режьте. Вот «хусайни», вот «победа». Берите. Это я сам сажал.

За Халкабад Юсупова наградили орденом Трудового Красного Знамени. Он сказал с трибуны:

— Моя мечта была — осваивать Голодную степь, новые земли. Мне посчастливилось осуществить это своими руками. Не общее руководство осуществлять, а лично работать. Я доволен, я счастлив.

Чувствовал не разумом — уставшим сердцем: мало осталось дней. Знал, что не суждено увидеть многое, что было заложено при нем, но жил — не растерял это свойство — будущим. Уже после смерти Юсупова сдадут самый мощный в Средней Азии холодильник, кварталы двухэтажных жилых домов, большую школу и — предмет его особой заботы — техникум на шестьсот мест, где будут готовить бригадиров для Халкабада — современных специалистов, знающих машины и агротехнику, — садоводов, виноградарей, овощеводов.

Он мог бы увидеть все это, но не в силах был изменить своему существу: прожить хоть один день без забот, без мыслей о деле, без волнений по серьезным поводам и по пустякам. Увидел, как подростки сажают вдоль дороги чинары, рассердился: «Губят такие ценные деревья!» Сам начал сажать деревце за деревцем на солнцепеке, не замечал времени.

Бульдозерист нечаянно, а может, по неопытности срезал ножом молоденькую тую. У Юсупова исказилось от боли лицо. Шамед Чакаевич испуганно остановил его:

— Не надо так переживать. Другую посадим.

Он отмахнулся:

— Как ты не понимаешь? Они же — как люди. Их вырастить надо.

— Все принимал близко к сердцу. Оно и не выдержало, — так просто объяснил Айтметов раннюю смерть Юсупова.

Наверное, это заключение, не претендующее на медицинскую обоснованность, самое точное. Сколько их в истории и памяти народа, революционеров, коммунистов, чье сердце остановилось до срока... Юсупов встал и здесь в один ряд с ними. Есть, правда, одно загадочное совпадение: Юсупов почувствовал себя худо именно в ту памятную многим весеннюю ночь, когда в Ташкенте произошло землетрясение, — 26 апреля 1966 года. В Халкабаде толчки почти не ощущались, но, как показала статистика, число смертей, особенно среди сердечников, возросло в апреле — мае почти во всем Узбекистане. Что за связь между глухим, загадочным бытием недр и человеческим существованием? Или мы впрямь — и люди и деревья, и гранит — единое целое.

Он ощутил эту связь накануне, 25 апреля. Созвал на совещание инженеров и техников и не смог прийти вовремя; когда явился, в сером лице ни кровинки. Извинился. Сказал: «Начнем работу», — но сидел, смежив веки, будто прислушивался к тому, что происходило не в нем, а в огромном мире.

Сутки спустя у него отнялась правая сторона тела, расстроилась речь. Несколько дней около постели толпились люди: врачи, родные. К вечеру 6 мая он попросил жестом всех уйти.

Окно было раскрыто. Он мысленно видел летний туман пыльцы над садами Халкабада, пронизанный розоватым солнечным светом. Воздух пахнул тонким ароматом цветущих персиков и вишен, кизячным дымком, парным молоком. Через взгорок перевалило стадо, сопровождаемое босоногими мальчишками, галопирующими на осликах. Протарахтел мимо трактор; уже успевший загореть белозубый парень повернул на миг лицо к директорскому дому и поехал дальше, усталый, довольный: у порога ждет молодая жена. Потом в бледном, сиреневатом небе засветился лунный диск, лишенный полутонов, зловеще-багровый. На закатной стороне неба еще долго отсвечивали сполохи ташкентской беды. Затеplилась трепетной келейной лампадкой первая звезда. На темной воде хауза с краями, подкрашенными лунным светом, распластались тонкие листья лилий. Он сам посадил в пруду лилии, осуществил и эту мечту. На лилиях уже должны были появиться твердые, похожие на крохотные дыньки бутоны. Но чтоб увидеть их, надо было встать...

После похорон, на митинге в Халкабаде выступил первый секретарь ЦК КП Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов. Он сказал:

— Мы сидим в саду, выращенном руками Усмана Юсуповича. Это символично. Там, где ступала нога Усмана Юсуповича, всюду, где он прикладывал руки, возникали сады, поля, цветы, жизнь. Он был

садовником. Он был бойцом партии. Куда бы ни поправляла его партия, отовсюду возвращался он с победой.

Все мы свидетели итогов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Юсупов не оставил после себя ни дневников, ни воспоминаний. Нет надежды когда-либо найти чудом сохранившиеся в чьей-либо укромной коллекции или неразобранном архиве юсуповские письма — он не жаловал этого занятия. Немалое количество написанного им: трудно расшифровываемые наброски выступлений и докладов, газетные бесчисленные статьи, записки по поводу обсуждавшихся на бюро ЦК вопросов, тезисы партийных решений и резолюций, отдельные, сугубо специальные, публикации позднейшей поры в отраслевых журналах, хозяйственные тощие, дурно изданные брошюры — все шло непосредственно в работу, предназначалось на потребу дня, а потому лишь отчасти, одной какой-то гранью может поведать о нем самом.

Собственную жизнь, пережитое и перевиданное, Юсупов оценивал просто. «Ты ж не Папанин, так? Не полководец, понимаешь, не герой Халхин-Гола. Кому это надо — разводить бумаготворчество?.. День, понимаешь, сгорает как минута, книжку полистать некогда. А ты — мемуары. Слово какое. Сразу и не выговоришь».

Понадобится кому, думал, найдет (смех да и только: кому может понадобиться твое жизнеописание? Разве что комиссии партийного контроля, если проштрафишься). А так есть, понимаешь, личное дело, анкета, автобиография от руки. Все там изложено по порядку: родился, женился, когда наградили, когда выговор вклеили, за какие хорошие дела. Полная картина.

Биографам своим Юсупов плохой помощник.

Его жизнь, никем и никогда подробно не прослеженную, восстанавливали вместе с авторами множество людей. Бывшие наркомы, крупные хозяйственники, партийные работники различных рангов — до самых высоких включительно, завсегдатаи тихих кишлачных чайхан, немногословные старики, дравшиеся с кулачем и баями в первых неустроенных коммунах, шоферы и повара, ирригаторы, ставшие академиками. И не ставшие тоже. Тихие, опрятные старушки пенсионерки, работавшие в свое время руководителями МТС, женотделками, делегатками, заправлявшие делами в профсоюзах, комсомоле. Писатели, артисты с громкими именами, которых он упрямо подкармливал в голодные дни эвакуации из скудных цеховских пайков. Согбенные деды, родоначальники бесчисленных семейств, земляки и однокашники

Юсупова, воровавшие вместе с ним абрикосы в байских садах Каптархоны. Строители первых в Узбекистане гидростанций. Военные. Перечень их занял бы не одну страницу.

Многие из них сами могли бы стать героями подобных книг. Бросается в глаза удивительное родство этих до чрезвычайности непохожих людей, нечто важное, являющееся общим их свойством, делающее каждого из них как бы частью биографии другого. И главное — Юсупов по сложно прослеживаемым, но неоспоримым законам взаимного человеческого проникновения тоже оказывается неразрывной частицей их жизни, а они — его.

Им выражают авторы чувство истинной признательности и благодарности за помощь, с такой готовностью оказанную при работе над книгой.

С признательностью называем имена этих людей — родных, друзей, близких Усмана Юсуповича Юсупова:

А. С. Абдалин, Ш. Ч. Айтметов, Ю. Б. Бабаджанов, В. В. Варламов, М. Г. Вахабов, Н. А. Галушкина, Р. М. Глухов, Е. Р. Голубева, А. П. Каюмов, Б. А. Кудрин, И. Д. Лебедев, В. С. Макаревич, Б. Г. Мирзабеков, В. В. Пославский, З. У. Петроченко, А. М. Сапожникова, П. Л. Степаненко, Н. С. Стройчук, Г. Х. Ходжаев, Г. А. Хорст, М. Г. Чиковани, В. У. Юсупов, И. У. Юсупова, Л. У. Юсупов, У. У. Юсупов.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УСМАНА ЮСУПОВА

- 1900, март — Родился в кишлаке Каптархона, в Ферганской долине.
- 1908–1910 — Юсупов работает батраком на вакуфной (принадлежащей мечети) земле.
- 1914 — Семья покидает Каптархону.
- 1915 — Юсуповы бегут от Халиламина.
- 1916–1917 — Уходит в Каунчи, работает батраком, джинщиком, кочегаром на хлопкоочистительном заводе.
- 1918 — Знакомство с русскими большевиками.
- 1919 — Юсупов вступил в профсоюз.
- 1924 — По ленинскому призыву вступил в кандидаты в члены ВКП(б).
- 1927, январь — Избран заместителем председателя, а вскоре — председателем районного союза строителей Пригородного района Ташкентской области.
- 1927, февраль — Избран председателем Ташкентского окружного комитета союза строителей.
- 1928, октябрь — Юсупов назначен заведующим организационным отделом Ташкентского окружкома КП(б) Узбекистана.
- 1929, март — Юсупов избран секретарем ЦК КП(б) Узбекистана.
- 1931, октябрь — Избран председателем Средазбюро ВЦСПС, членом исполкома Средазбюро ЦК ВКП(б).
- 1934, декабрь — 1936, ноябрь — Юсупов — слушатель высших партийных курсов марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), Москва.
- 1937, сентябрь — Юсупов избран первым секретарем ЦК КП(б) Узбекистана.
- 1937, декабрь — Юсупов избран депутатом Верховного Совета СССР первого созыва.
- 1939, январь — За успехи, достигнутые республикой в производстве хлопка, Юсупов награжден орденом Ленина.
- 1939, декабрь — Награжден за БФК орденом Трудового Красного Знамени.
- 1941, июнь — декабрь — Начало работ по мобилизации всех ресурсов республики в помощь фронту и по приему и устройству эвакуированных предприятий и граждан.

1944 — Перевод эвакуированной в Узбекистан промышленности на мирные рельсы.

1945, июнь — Присутствовал в Кремле на приеме в честь участников Парада Победы.

1948, февраль — Сдана в эксплуатацию первая очередь Фархадской ГЭС.

1950, апрель — Юсупов назначен министром хлопководства СССР.

1952, октябрь — На XIX съезде ВКП(б) избран членом ЦК КПСС.

1953, апрель — Назначен Председателем Совета Министров Узбекской ССР.

1954, декабрь — Юсупов освобожден от должности Председателя Совета Министров Узбекской ССР.

1955–1962 — Юсупов — директор совхоза «Баяут-4».

1962–1966, май — Директор садвинсовхоза № 10.

1966, 7 мая — Юсупов умер в своем доме в Янгиюле.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

«Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана». Т., «Узбекистан», 1974.

«Краткая история СССР». М., «Наука». 1972.

«КПСС и Советское правительство об Узбекистане. Сборник документов (1925–1970)». Т., «Узбекистан», 1972.

«История Узбекской ССР в 4-х томах», т. 1–4. Т., «Фан», 1967.

Рашидов Ш. Р. Торжество ленинской национальной политики. Т., «Узбекистан», 1974.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II. М., 1963.

Вахабов М. Г. Формирование узбекской социалистической нации. Госиздат Уз. ССР, 1961.

Вахабов М. Ташкент в период трех революций. Т., «Узбекистан», 1957.

Корженевский Н. Л. Средняя Азия (краткий физико-географический очерк). Ташкент, Госиздат Уз. ССР, 1941.

Лунин Б. В. У истоков великой дружбы. Т., «Узбекистан», 1972.

Мамедов А. М. Развитие ирригации в Узбекистане. Т., «Фан», 1967.

Масальский В. И. Туркестанский край. — В кн.: «Россия» (под ред. П. П. Семенова-Тян-Шанского), т. 19. Спб., 1913.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

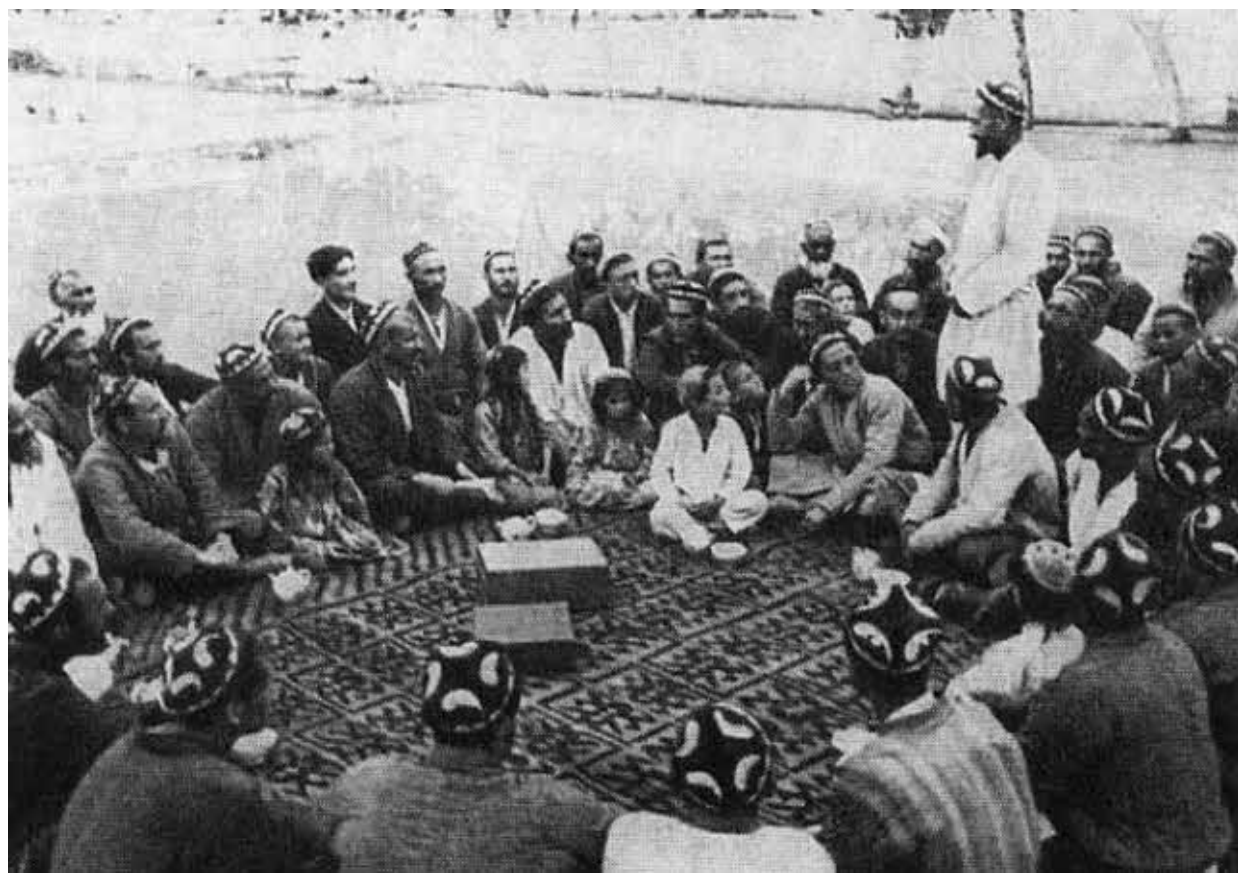
Мать Усмана Юсупова.

Усман Юсупов — рабочий каунчинского хлопкоочистительного завода.

Юлия Леонидовна и Усман Юсупов.

«Я — за колхоз!» Прием в сельхозартель в Каунчи последнего единоличника.

Мужество. Школа ликбеза в Янгиюле, одна из созданных Назирой Юсуповой. 1929 г.

К знаниям. Курсы колхозных ирригаторов. 1931 г.

Дважды в жизни он был на курорте. Северный Кавказ, начало сороковых годов.

Учитель и друг. Ю. Ахунбабаев, первый узбекский президент, среди пионеров.

Строители Большого Ферганского. 1939 г.

*Секретарь ЦК КП(б) Узбекистана тов. Усман Юсупов на
строительстве БФК.*

Глоток зеленого чая. БФК, август 1939 г.

Создается рукотворное море под Самаркандом — Каттакурганское водохранилище. 1940 г.

«Мы готовы в бой!» Узбекская комсомольская дивизия. 1939 г.

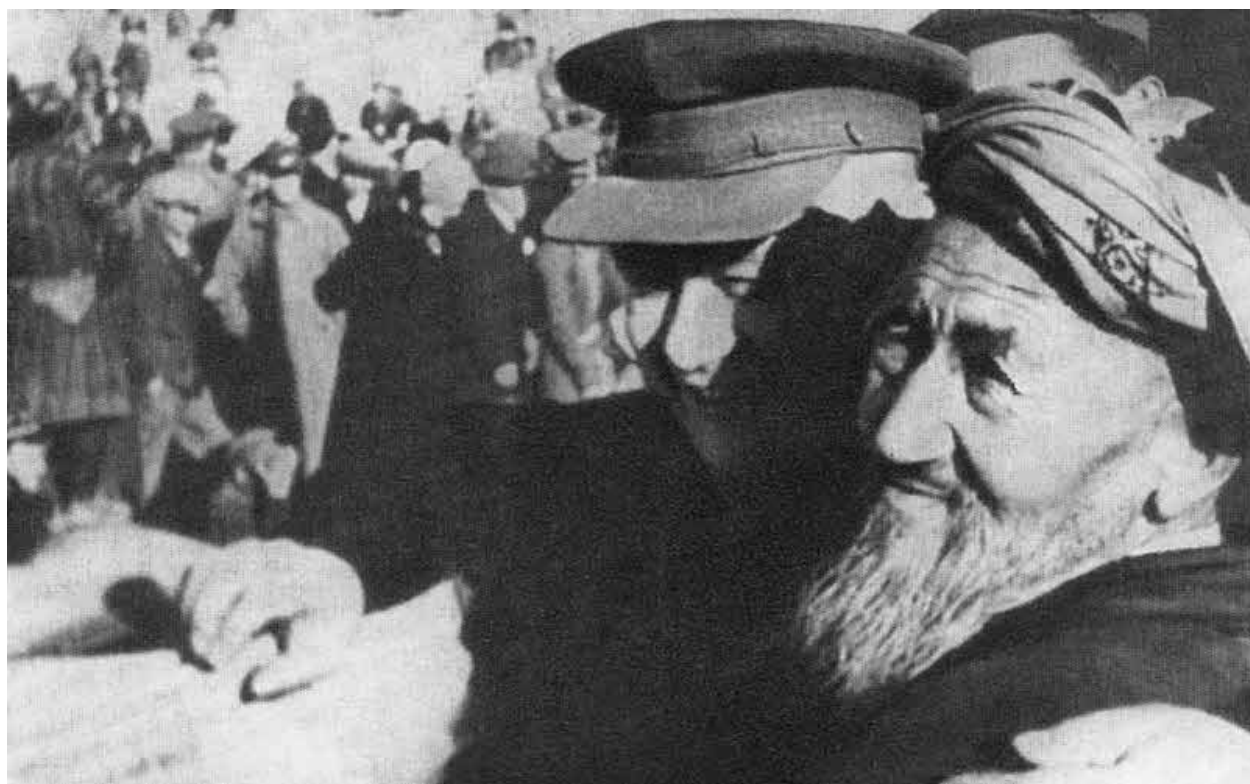
За три месеца до войны.

*От имени народа и Компартии Узбекистана. На трибуне У. Юсупов.
1941 г.*

Узбекистан — блокадному Ленинграду.

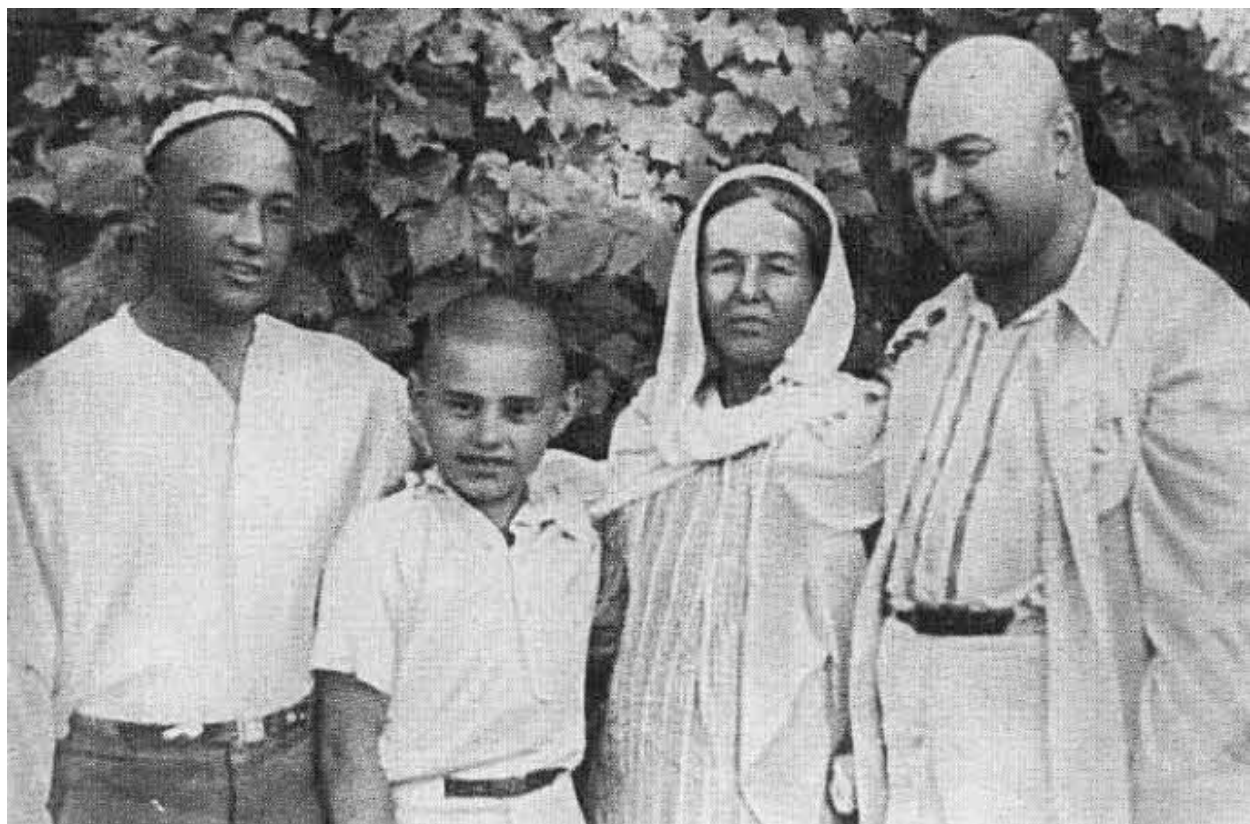
*«Спасибо, отец!» На митинге, посвященном сбору средств для фронта.
1943 г.*

Усман Юсупов — министр хлопководства СССР.

Хорошее настроение. 1945 г.

Приезд в материнский дом. Слева направо: Исаи, Владик, Айимнисо-ханум и Усман Юсупов.

Орден за хлопок. Слева — Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Михайлович Шверник.

И в Голодной степи можно вырастить виноград. Рядом с Юсуповым прославленный народный селекционер Ризамат Мусамухамедов.

В кругу семьи.

У. Юсупов с делегатами слета передовиков-хлопкоробов в перерыве.

notes

Примечания

1

Мэхра — выкуп за невесту.

Он примыкал одно время к крылу революционной социал-демократии, был замечен Лениным, увидевшем в бывшем офицере царской армии «явление персонального перехода от буржуазии к пролетариату». Максим Горький в одном из писем, вспомнив о знаменитом «бунтаре-фабриканте» Савве Морозове, пишет далее: «Таких было у нас немало. К ним принадлежит (наряду с Мешковым, Старосельским, Кугушевым) ташкентский... Наливкин».

Джин — по узбекски сумасшедший.

Baily F. Mission to Tashkent. London. 1946. p. 74.

Айттрамазан — мусульманский праздник.

Байбача — сын бая (узбек.).

«Туркестанские ведомости», 1917, 19 сентября.

Непосредственное руководство строительством возлагалось на комиссию ЦК и СНК в составе: Усман Юсупов, Абдуджаббар Абдурахманов, Юлдаш Ахунбабаев, Сергей Константинович Емцов. Начальником строительства утверждался Тишабай Мирзаев. При начальнике строительства создавался техсовет: председатель — нарком земледелия С. Азизов, заместители — профессор А. Н. Аскоченский и инженер С. М. Курбатов, члены — профессора В. В. Пославский, Н. А. Янишевский, Е. В. Замарин, Д. Я. Соколов, инженеры — Б. Д. Коржавин, К. Н. Синявский, И. Ф. Федодеев, Е. П. Рабинович, К. Я. Калабугин, Н. А. Казаков, В. М. Аполлосов, К. К. Шубладзе, И. Д. Лебедев, Н. Алиев, гидротехники — Мирзабай Кабирбаев, Адыль Саидханов.

Заместителями начальника назначались: по партийно-массовой работе — С. К. Емцов, по политико-массовой работе среди молодежи — секретарь ЦК ЛКСМ Узбекистана В. Исмаилов, по технической части — главный инженер Узводхоза Б. Д. Коржавин, по административно-финансовой части — И. Ефимов.

Главным инженером по изысканию и проектированию утверждался профессор А. Н. Аскоченский, его заместителем — автор проекта И. Д. Лебедев, главным инженером по крупным сооружениям — профессор В. В. Пославский, главным инженером по земляным работам и мелким сооружениям — инженер И. В. Федодеев.

Редакторами многотиражных полевых газет были назначены: А. Т. Александровский — на русском языке, С. Азимов — на узбекском.

Отстанъ (узбек.).

Маш — сорго.

Суюнчи (узбек.) — положенный по обычаю подарок тому, кто принес добрую весть.